КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ДЕКАБРЬ.

Годъ восьмой. ТОМЪ XXVII. 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Александръ Степановичъ Лашкевичъ. (Некрологъ). (485—494).

II. Воспоминанія М. К. Чалаго. (495-545).

III. Подсудокъ. Очеркъ изъ волынской хроники. Николая Сарнецкаго. (Переводъ съ польскаго) Н. М. (546—581).

IV. Культурныя переживанія. CIX—CXX. Проф. Н. Ѳ. Сумцова. (582—603).

V. Отвѣтъ на полемическую замѣтку В. Г. Васильевскаго. Проф. Ѳ. И. Успенскаго. (604—631).

VI. Документы, извѣстія и замѣтки. Опись имѣній Бороздъ, 1638 г. А. Л. Запорожье въ концѣ XVIII вѣка. Ал. М. Лазаревскаго. Двѣ лирницкія пѣсни. Къ пребыванію Карла XII въ Бендерахъ. Ал. И. Маркевича. Къ исторіи землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи. В. П. Науменка Къ исторіи Мазепиной измѣны. А. Л. (632—645).

VII. Библіографія. 1) Владимірскій сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія Россіи. 1888. 2) Святый равноапостольный князь Владиміръ — просвѣтитель Руси. 900-лѣтіе крещенія Руси. И. П. Матченко. 1889. П. В. Голубовскаго. Списокъ населенныхъ мѣстъ полтавской губерніи. Изданъ полтавскимъ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ въ 1887 г. A. de Gubernatis. Dictionnaire international des écrivrins du jour. Liraisons I—X. A—Gui. (Florense, Paris, Leipsig. 1888—1889. Édit L. Nikolai, Florence). Стр. 1120. in—4. Н. Молчановскаго. (646—664).

Объявленія. (1—10).

ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Портретъ А. С. Лашкевича.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1889.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXVII.

Декабрь.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 28-го Декабря 1889 г.

Александръ Степановичъ Лашкевичъ.

Александръ Степановичъ Лашкевичъ.

(НЕКРОЛОГЪ).

31-го минувшаго октября, послѣ тяжкой болѣзни, скончался на 48-мъ году жизни издатель-редакторъ „Кіевской Старины“ Александръ Степановичъ Лашкевичъ. Общество потеряло въ немъ честнаго, идейно-сознательнаго труженика, проявившаго свою энергію на разныхъ поприщахъ государственнаго и общественнаго служенія; мы же, совмѣстно работавшіе съ нимъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ въ журналѣ, сверхъ всего этого, потеряли въ немъ и лично дорогаго намъ сотоварища,—это послѣднее налагаетъ на насъ обязанность почтить память покойнаго, подѣлившись съ читателями нѣкоторыми свѣдѣніями о болѣе характерныхъ моментахъ его жизни и дѣятельности.

Уроженецъ с. Брахлова, новозыбковскаго уѣзда, черниговской губерніи, А. С. Лашкевичъ происходилъ изъ дворянской фамиліи, которая находилась въ родствѣ со многими старинными малороссійскими фамиліями и о которой прежней редакціей нашего журнала была напечатана статья Ѳ. Д. Николайчика подъ заглавіемъ: „Родъ Лашкевичей и дневникъ одного изъ нихъ“ [1]). Прадѣдъ Александра Степановича, Степанъ Ивановичъ, женатый на дочери прилуцкаго полковника Григорія Игнатьевича Галагана, Прасковьѣ, служилъ бунчуковымъ това-

[1]) „Кіевская Старина“, 1887 г., № 12.

рищемъ въ стародубскомъ полку, а потомъ — предсѣдателемъ новгородсѣверскаго верхняго земскаго суда, и оставилъ послѣ себя веденный впродолженіе 14-ти лѣтъ (съ 1768 по 1782 г.) дневникъ, о которомъ идетъ рѣчь въ упомянутой статьѣ. Онъ владѣлъ большимъ имѣніемъ, находившимся въ селеніяхъ Брахловѣ, Любечанахъ, Павловѣ, Шомовѣ, Обтеняхъ, Бровничахъ и Тимоновичахъ — новозыбковскаго уѣзда, Ущерпьѣ — суражскаго уѣзда, Норицы (Галагановка то же), Желѣзномъ-Мостѣ и Гремячкѣ—новгородсѣверскаго у. и въ городахъ Стародубѣ и Погарѣ. Дѣдъ Александра Степановича, полковникъ Иванъ Степановичъ, былъ женатъ на Анастасіи Петровнѣ Милорадовичъ (дочери черниговскаго полковника, потомъ генералъ-маіора, Петра Степановича Милорадовича и внучкѣ бунчуковаго товарища Семена Полуботка) и, въ прибавленіе къ своимъ имѣніямъ, получилъ за женой часть Полуботковскихъ имѣній въ черниговскомъ уѣздѣ. Служа сержантомъ измайловскаго полка и имѣя 20-ть лѣтъ отъ роду, онъ перевелъ съ англійскаго языка книгу Франкли, которую и издалъ въ 1781 г. [1]). Склонность къ литературнымъ занятіямъ у отца Александра Степановича, Степана Ивановича, выразилась въ составленіи „Историческаго очерка стародубскихъ раскольничьихъ слободъ“, который напечатанъ не былъ и хранился въ рукописи у Александра Степановича.

Если признать, что родовыя традиціи вообще играютъ роль при формировкѣ характера, наклонностей и даже привычекъ даннаго лица, то по отношенію къ покойному можно сказать— эта теорія вполнѣ оправдалась. Весь родъ его какъ по мужской, такъ и по женской линіи былъ родомъ истыхъ малорусскихъ земцевъ разныхъ эпохъ и поколѣній, а потому—и разныхъ оттѣнковъ; эту черту любви къ родной землѣ и земскому дѣлу традиціонно унаслѣдовалъ Александръ Степановичъ, усиливъ ее

[1]) Прогуливаніе Г. Франкли, изданное на англійскомъ языкѣ сестрою его. На россійскій языкъ перевелъ Иванъ Лашкевичъ. Москва, въ университетской типографіи, 1781 г.

качествомъ сознательности въ періодъ воспитанія своего въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ, когда самой жизнью вливалась въ молодыя поколѣнія эта любовь ко всему родному и вырабатывалось сознаніе въ необходимости послужить народно-земскому дѣлу. Нельзя не обратить вниманія и на то, что нѣкоторые ближайшіе по времени представители рода Лашкевичей (отецъ и дѣдъ покойнаго) заявили себя любовью къ книжному дѣлу. Эту черту всецѣло воспринялъ покойный отъ рода своего и доказалъ ее цѣлымъ рядомъ фактовъ въ своей жизни, и между прочимъ тѣмъ, что по смерти своей оставилъ библіотеку, которая можетъ служить украшеніемъ не только частнаго кабинета какого нибудь спеціалиста—ученаго, но и любаго общественно-научнаго учрежденія; при чемъ нельзя забывать, что библіотеку эту оставилъ не кабинетный ученый, а помѣщикъ—земскій дѣятель. Эти двѣ черты—любовь къ родинѣ и народно-земскому дѣлу и такая же любовь къ книжному дѣлу—красной нитью проходятъ черезъ всю жизнь покойнаго, главнѣйшіе моменты которой мы и постараемся теперь представить читателю.

Родился Александръ Степановичъ 19 іюля 1842 г. въ с. Брахловѣ, которое было главнымъ имѣніемъ его прадѣда и которое впослѣдствіе перешло къ нему. Дѣтство и юность свою Александръ Степановичъ провелъ въ Кіевѣ, гдѣ въ то время отецъ его жилъ съ своимъ семействомъ. Образованіе онъ получилъ въ 1-й кіевской гимназіи, а потомъ въ университетѣ св. Владиміра, который окончилъ со степенью кандидата историко-филологическаго факультета въ 1864 г. По окончаніи университетскаго курса, Александръ Степановичъ поступилъ на службу въ канцелярію бывшаго кіевскаго генералъ-губернатора Безака, откуда былъ назначенъ на должность мироваго посредника въ одинъ изъ уѣздовъ кіевской губерніи; послѣ того Ал. Ст. служилъ предсѣдателемъ повѣрочнаго отдѣленія въ г. Звенигородкѣ, затѣмъ—предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ посредниковъ въ гайсинскомъ уѣздѣ подольской губ. Въ томъ фактѣ, что Ал. Ст.,

окончивъ курсъ университета кандидатомъ-филологомъ, не пошелъ по обычному пути большинства, впервые ясно сказалось, что, во 1-хъ, наукой занимался онъ не съ практическими цѣлями, а любилъ ее самое по себѣ, а во 2-хъ, что основной идеей его была идея земской дѣятельности, для которой тогда (въ началѣ 60-хъ годовъ) такъ много было сдѣлано правительствомъ и которая составляла существеннѣйшій вопросъ общественной жизни Россіи вообще и юго-западнаго края въ частности. Во имя той же самой идеи земской дѣятельности оставляетъ онъ въ концѣ 60-хъ годовъ свою службу для земскаго дѣла въ лѣвобережьи и переселяется въ родную Черниговщину, требовавшую тогда людей для новаго дѣла послѣ введенія земскихъ учрежденій.

Поселившись въ своемъ имѣніи въ с. Брахловѣ, Ал. Ст. и посвятилъ себя общественной дѣятельности въ качествѣ гласнаго земства (уѣзднаго и губернскаго) и мироваго судьи, причемъ въ теченіе 3-хъ трехлѣтій былъ предсѣдателемъ новозыбковскаго съѣзда мировыхъ судей; въ то же время, съ открытіемъ въ Новозыбковѣ реальнаго училища, онъ сдѣлался почетнымъ попечителемъ его.

Въ началѣ 1886 г. Александръ Степановичъ переселился изъ новозыбковскаго уѣзда въ Кіевъ, и здѣсь принялъ участіе въ „Кіевской Старинѣ,“ помѣстивъ въ ней нѣсколько небольшихъ статей. Когда же покойный Ѳ. Г. Лебединцевъ по болѣзни вынужденъ былъ прекратить изданіе „Кіевской Старины“, Александръ Степановичъ, пріобрѣтя у него журналъ, съ начала 1888 г. принялъ изданіе его на себя, и отдался этому дѣлу всѣмъ сердцемъ своимъ. Какъ во всѣхъ предъидущихъ положеніяхъ Александра Степановича руководило не желаніе доставить себѣ какія нибудь выгоды, а исключительно служеніе общественной пользѣ, такъ было и въ новомъ положеніи: тотъ же самый характеръ имѣла дѣятельность его, какъ издателя-редактора, тѣмъ же идеалистомъ онъ остался. Далекій въ веденіи журнала отъ всякихъ личныхъ разсчетовъ и побуждаемый единственно

желаніемъ посильно служить тому дѣлу, которое онъ считалъ полезнымъ, Александръ Степановичъ, не щадя своихъ средствъ и жертвуя журналу личными интересами, всѣ силы употреблялъ къ тому, чтобы, привлекши лучшихъ сотрудниковъ, поднять достоинство журнала, посвящая его возможно болѣе всестороннему возстановленію мѣстной исторіи и къ выясненію характеристическихъ особенностей народнаго міровозрѣнія, художественнаго творчества и сложившихся исторически бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Онъ старался не только улучшить содержаніе журнала, но и придать ему возможно болѣе изящную внѣшность; однимъ словомъ онъ хотѣлъ, чтобы „Кіевская Старина“, будучи органомъ мѣстной исторіи, какъ по интересу содержанія, такъ и по своей внѣшности, ни въ чемъ не уступала нашимъ лучшимъ журналамъ. Насколько удалось Александру Степановичу осуществить свои мечты и желанія—предоставляемъ судить нашимъ читателямъ; замѣтимъ только, что по отзыву автора одного изъ некрологовъ, помѣщенныхъ въ кіевскихъ газетахъ, „Кіевская Старина“ подъ редакторствомъ А. С. Лашкевича „расширилась до предѣловъ крупнаго литературнаго предпріятія и приняла видъ изданія, раньше никогда не появлявшагося въ провинціи.“ Такая же въ сущности оцѣнка дѣятельности покойнаго, какъ редактора, дана и въ некрологѣ, появившемся въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“.

Здоровье Александра Степановича пошатнулось съ весны этого года, хотя ничего серьезнаго болѣзнь его тогда не представляла. По совѣту медиковъ, для поправленія здоровья, онъ отправился на лѣто въ деревню. Но когда онъ возвратился оттуда, вмѣсто ожидавшагося улучшенія здоровья, мы замѣтили въ немъ упадокъ силъ. Другіе медики, къ которымъ обратился тогда Ал. Ст., сказали ему, что ему вовсе не нужно было ѣздить въ деревню, а необходимо было съѣздить въ Карлсбадъ. Но наступала осень и ѣхать въ Карлсбадъ уже было поздно. Онъ сталъ лечиться карлсбадскими водами здѣсь, и повидимому, начи-

налъ чувствовать себя лучше, какъ неожиданно въ половинѣ сентября съ нимъ случился апоплексическій ударъ, послѣ котораго онъ уже не вставалъ съ постели. Образовавшійся вслѣдъ затѣмъ карбункулъ сдѣлалъ положеніе больнаго опаснымъ; въ ночь съ 30 на 31-е октября ударъ повторился, и послѣ того часы жизни Александра Степановича были сочтены, а въ 10 часовъ вечера 31 октября его уже не стало.

Несмотря на поразившій Александра Степановича тяжелый недугъ, думы и заботы о „Кіевской Старинѣ“ не оставляли его до послѣднихъ дней его жизни. Когда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, по разстроенному здоровью и нѣкоторымъ личнымъ обстоятельствамъ, затруднявшимъ для Александра Степановича изданіе журнала, одинъ знакомый его совѣтывалъ ему отказаться отъ продолженія изданія „Кіевской Старины“, Александръ Степановичъ отвѣтилъ: „я душу свою положилъ въ это дѣло, и не могу отъ него отказаться“. Уже лежа на смертномъ одрѣ, за нѣсколько дней до кончины, когда зашелъ разговоръ о томъ же предметѣ, Александръ Степановичъ, желая выразить, насколько ему дорога „Кіевская Старина“, и чтобъ не говорить много, сказалъ: „Кіевская Старина“—„это мое третье дитя“ [1]).

Она дѣйствительно была ему дорога, какъ родное дитя, и еслибъ безвременная кончина не прервала его жизни, онъ ни за что не отказался бы отъ этого дорогаго ему дѣтища, какихъ бы жертвъ для этого ни требовалось. Мы, посильно сотрудничавшіе въ журналѣ, въ своихъ отношеніяхъ къ Александру Степановичу всегда это чувствовали и, потерявъ его, не можемъ не скорбѣть глубоко о нашей утратѣ. Мы потеряли въ немъ и добраго, симпатичнаго, отзывчиваго человѣка и преданнаго своему дѣлу издателя - редактора, готоваго жертвовать для журнала всѣми своими средствами.

Въ пространной эпитафіи, написанной въ стихахъ неизвѣстнымъ авторомъ прадѣду Александра Степановича, Степану Ива-

[1]) Александръ Степановичъ оставилъ послѣ себя двухъ дѣтей.

новичу, и напечатанной въ вышеупомянутой статьѣ г. Николайчика, означенный авторъ, сравнивъ Ст. Ив. Лашкевича съ Авраамомъ по гостепріимству (которымъ, кстати сказать, отличался и покойный Александръ Степановичъ) и указавъ далѣе на храмъ, воздвигнутый имъ, говоритъ: „се трудъ и коштъ его, се ревности есть плодъ“. Невольно вспоминаются теперь эти слова, потому что и объ Александрѣ Степановичѣ можно сказать, указавъ на „Кіевскую Старину“ двухъ послѣднихъ лѣтъ: *„се трудъ и коштъ его, се—ревности есть плодъ“*.

Погребеніе Александра Степановича состоялось 2 ноября. Въ 9½ часовъ утра совершенъ былъ выносъ тѣла покойнаго въ Георгіевскую церковь, при собравшейся значительной группѣ друзей и сотрудниковъ Александра Степановича. По окончаніи заупокойной литургіи, была совершена каѳедральнымъ протоіереемъ П. Г. Лебединцевымъ, въ сослуженіи двухъ протоіереевъ, панихида, ко времени которой церковь переполнилась многочисленной публикой; въ средѣ ея было много студентовъ и вообще молодежи. Въ 12½ часовъ сотрудники „Кіевской Старины“ вынесли на своихъ рукахъ изъ церкви гробъ; онъ былъ украшенъ вѣнками, на которыхъ виднѣлись надписи: „отъ друзей и товарищей по изданію „Кіевской Старины“, „отъ женщинъ-друзей“, „отъ молодыхъ украинцевъ“. Былъ сумрачной, осенній день, въ теченіе котораго не переставая шелъ мокрый снѣгъ; но, несмотря на ненастную погоду, многочисленный кружекъ друзей, сотрудниковъ и почитателей Александра Степановича проводилъ печальную процессію на Аскольдову Могилу, гдѣ нашелъ себѣ успокоеніе дорогой и уважаемый сотоварищъ нашъ. Предъ опусканіемъ гроба въ могилу, товарищъ покойнаго по университету и одинъ изъ близкихъ друзей его П. И. Житецкій произнесъ глубоко прочувственное слово, текстъ котораго приводимъ здѣсь:

„Добрый товарищъ и другъ мой! Не для тебя, а для себя и для моихъ друзей и сверстниковъ моихъ я хочу сказать здѣсь

нѣсколько словъ, чтобы облегчить тяжелыя минуты послѣдней разлуки съ тобой.

Я хочу напомнить здѣсь давніе, давніе годы, когда мы съ тобою въ дружной толпѣ товарищей нашихъ готовились къ жизни, — напомнить золотую пору юности нашей, когда люди съ пѣснями горе встрѣчаютъ, съ пѣснями его и провожаютъ.

Ходили мы съ тобой въ ту пору по этимъ дивнымъ урочищамъ Кіева, не разъ были и здѣсь, гдѣ теперь хоронимъ тебя. Припоминали мы въ этихъ прогулкахъ давнее историческое прошлое Кіева, задумывались надъ исторической судьбой родной земли нашей.

Изъ Alma mater нашей, изъ университета кіевскаго, мы вынесли глубокое уваженіе къ сознательной общественной дѣятельности, къ сознательному труду для блага родины нашей. Мы вынесли изъ него горячія симпатіи къ народу русскому въ его дѣйствительномъ, а не выдуманномъ существованія.

Мы вступили на путь общественной жизни при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ. Тогда во всѣхъ концахъ русскаго міра раздался благодатный призывъ къ честному труду на пользу народа, выходившаго изъ крѣпостной неволи. Святымъ трепетомъ отозвался этотъ призывъ въ сердцахъ нашихъ, и ты пошелъ вмѣстѣ съ другими сѣять доброе сѣмя на родной нивѣ своей.

Прошли годы.

Я не знаю, какъ мы исполнили наши задачи, какъ мы осуществили завѣтныя мечтанія юности нашей. Знаю только, что мы никогда не были довольны собою, что мы часто искали въ самихъ себѣ причины нашихъ разочарованій и разбитыхъ надеждъ нашихъ. Знаю также, что вокругъ насъ выросло новое племя, появились новые люди, а вмѣстѣ съ ними и новыя вѣянія, которыя уже не ласкаютъ насъ весною юности нашей.

И вотъ, чтобы сберечь эти остатки юности, ты пришелъ къ немногимъ друзьямъ своимъ на помощь въ ту минуту, когда они чувствовали нравственную потребность сказать новымъ лю-

лямъ, что новое не вѣчно будетъ новымъ, и что въ немъ нѣтъ прочныхъ залоговъ жизни безъ широкаго историческаго самосознанія.

Ты пришелъ къ намъ въ ту минуту, когда оборвался голосъ „Кіевской Старины“, и снова, подъ твоимъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ, раздался этотъ голосъ, какъ живое слово правды и добра, какъ искреннее и честное слово, которое не всуе произносится, но отъ сердца отрывается.

Не знаю, умолкнетъ-ли этотъ голосъ на всегда,—но не забудется подвигъ твой, съ которымъ ты слилъ все свое существованіе до самыхъ послѣднихъ минутъ твоей жизни, не забудется среди людей, которые знали тебя, симпатичный и свѣтлый образъ твой съ неисчерпаемой добротой души твоей—незлобливой и кроткой.

Пусть-же родная земля покроетъ тебя, обниметъ тебя, какъ мать роднаго сына своего!...

Прощай, добрый товарищъ и другъ мой!“

Глубоко тронутая и этимъ словомъ, и вообще прощаніемъ съ дорогимъ покойникомъ, публика разошлась съ кладбища около 3-хъ часовъ дня.

На имя вдовы покойнаго А. С. Лашкевича и редакціи были получены сочувственныя телеграммы отъ редакцій журналовъ, общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, текстъ которыхъ занялъ бы много мѣста. Память покойнаго почтили и въ историческихъ обществахъ кіевскомъ и харьковскомъ.

Засѣданіе историческаго общества Нестора Лѣтописца, 5 ноября, открылось краткой рѣчью предсѣдателя общества, проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, посвященной памяти покойнаго редактора-издателя „Кіевской Старины“, А. С. Лашкевича, состоявшаго дѣйствительнымъ членомъ общества Лѣтописца Нестора. По двумъ причинамъ, сказалъ проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, покойный А. С. Лашкевичъ заслуживаетъ вѣчной памяти о немъ членовъ историческаго общества. Почти прямо

со студенческой скамьи А. С. Лашкевичъ получилъ должность мироваго посредника въ одной изъ губерній юго-западнаго края и этимъ призванъ былъ къ участію въ улучшеніи быта мѣстныхъ крестьянъ послѣ возстанія 1863 г., т. е. принялъ активное участіе въ томъ великомъ историческомъ процессѣ, въ которомъ надо видѣть не только экономическое возрожденіе нашего края, но и возрожденіе національное. Хотя покойный Лашкевичъ игралъ не первенствующую роль въ этомъ великомъ дѣлѣ, но отъ участниковъ преобразованій въ краѣ, предначертанныхъ правительствомъ, и не требовалось громкихъ подвиговъ; нужно было честное, энергичное отношеніе къ принятымъ на себя обязанностямъ, да заботливое участіе къ нуждамъ народа, такъ недавно еще терпѣвшаго беззаконныя несправедливости. Всѣ эти качества въ высокой степени присущи были покойному Лашкевичу, и онъ честно выполнилъ гражданскій долгъ. Другой моментъ въ дѣятельности покойнаго А. С. Лашкевича, дающій ему право на вѣчный дипломъ почетнаго члена историческаго общества—это изданіе и редактированіе „Кіевской Старины“—единственнаго историческаго журнала на всемъ обширномъ югѣ Россіи. Онъ вложилъ всю душу въ это дѣло, положилъ на него не мало труда и матеріальныхъ затратъ, никогда не думая о личныхъ выгодахъ. Въ заключеніе проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ предложилъ почтить память усопшаго обычнымъ вставаньемъ съ мѣстъ.

Въ харьковскомъ историко-филологическомъ обществѣ предсѣдатель его проф. А. А. Потебня предложилъ почтить память Лашкевича вставаньемъ съ мѣстъ, а проф. Д. И. Багалѣй сдѣлалъ краткій очеркъ дѣятельности покойнаго.

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго [1]).

Университетская администрація.

Высшая власть во всемъ юго-западномъ краѣ принадлежала генералъ-губернатору. Объ отношеніяхъ этой власти къ попечителямъ кіевскаго учебнаго округа любопытно свидѣтельство перваго попечителя фонъ-Брадке.

„Гр. Гурьевъ, говоритъ онъ, ненавидѣлъ (?) всѣ университеты. Хотя между нами не было никакихъ неудовольствій, но по университетскимъ дѣламъ выходили столкновенія, такъ что дѣло доходило до Государя, рѣшавшаго ихъ въ мою пользу. На мѣсто Гурьева назначенъ Бибиковъ, человѣкъ великихъ природныхъ дарованій, но безъ научнаго образованія. По внѣшности мы были друзьями, но потомъ ясно оказалось, что онъ съ самаго начала имѣлъ намѣреніе соединить попечительское мѣсто съ генералъ-губернаторскимъ и добивался этой цѣли“.

Весьма естественно, что при наклонности все въ управляемомъ имъ краѣ подчинять своей власти, приснопамятнаго Димитрія Гавриловича, такое учрежденіе, какъ университетъ, съ извѣстной долей автономіи, не могло ему нравиться. А все таки, послѣ увольненія фонъ Брадке, ему не удалось захватить въ свои руки [2]) управленіе кіевскимъ учебнымъ округомъ: попечителемъ назначенъ гродненскій губернаторъ кн. Давидовъ.

---

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1889 г., № 11, ноябрь.

[2]) Въ 1812 году Бибиковъ потерялъ при Бородинѣ руку. Кіевская аристократія называла его manchot (однорукій). Говорятъ, одинъ исправникъ, отправляя къ нему секретное донесеніе, затруднялся, какъ ему надписать на конвертѣ: въ *собственныя руки* или въ *собственную руку?*

Попечитель кн. Давидовъ

былъ человѣкъ крайне лѣнивый. Въ университетъ онъ заглядывалъ рѣдко. На экзаменахъ обыкновенно садился на студентскую скамью и все время рисовалъ на лоскуткѣ бумаги головки. Въ дѣла округа онъ также не входилъ: назначеніе учителей, ихъ перемѣщенія, повышенія, награды и увольненіе зависѣло отъ всемогущаго при немъ правителя канцеляріи А. А. Лазова. Князь подписывалъ бумаги, не читая. Административная его бездѣятельность, въ сравненіи съ „барабанной поспѣшностію“ фонъ Брадке, очень рѣзко бросалась въ глаза. Явно недовольный его назначеніемъ Бибиковъ постоянно запускалъ въ него шпильки.

Хвалился князь передъ кіевской аристократіей, что ему лично извѣстны всѣ студенты, но на самомъ дѣлѣ онъ зналъ только двѣ студентскія фамиліи: Вернадскаго и Пухальскаго. Гуляетъ, напр., попечитель въ Царскомъ саду съ своими знакомыми; встрѣчается студентъ и дѣлаетъ фронтъ.

— А, здравствуй, Вернадскій! привѣтствуетъ онъ любезно юношу.

Встрѣчается другой:—„а, здравствуй, Пухальскій!“

— Неужели, prince, вамъ извѣстны фамиліи всѣхъ студентовъ? удивляется гулявшая съ нимъ дама.

— О, да, отвѣчаетъ за князя его супруга, онъ знаетъ всѣхъ молодыхъ людей: они у насъ, какъ дѣти—мы постоянно съ ними.

Если на бѣду попадался на встрѣчу еще одинъ студентъ, то князь или старался его не замѣтить, или называлъ Вернадскимъ.

Да, нашъ сіятельный не обладалъ твердой памятью; не то что Егоръ Ѳедоровичъ фонъ-Брадке, который зналъ по фамиліи не только всѣхъ студентовъ, но и гимназистовъ. Бибиковъ подмѣтилъ его слабую струнку. Исторія съ Денисомъ Подпружниковымъ, во время царскаго посѣщенія университета, навела Димитрія Гавриловича на мысль—въ ожиданіи новаго посѣщенія—заставить князя выучить фамиліи студентовъ: это было предъ Высочайшимъ пріѣздомъ въ Кіевъ Императора Николая Павловича, въ 1841 году.

За двѣ недѣли до царскаго пріѣзда насъ начали собирать по вечерамъ въ институтскую залу, ставили въ ряды, а князь ходилъ между рядами въ сопровожденіи инспектора и училъ фамиліи, повторяя каждую по нѣсколько разъ. Но память его не слушалась: едва

онъ успѣвалъ пройти одинъ рядъ и перейти къ другому, какъ уже рѣшительно не помнилъ ни одной фамиліи, возвратясь къ первому. Пробившись такимъ манеромъ недѣли полторы, его сіятельство бросилъ свои упражненія въ мнемоникѣ, да такъ и остался при двухъ фамиліяхъ: Вернадскаго и Пухальскаго.

Былъ гдѣ то попечитель на именинномъ обѣдѣ. Тамъ въ присутствіи генералъ-губернатора стали говорить о похожденіяхъ студентовъ въ ночное время, особенно казеннокоштныхъ. Не заѣзжая домой, прямо изъ гостей, ѣдетъ князь въ институтъ. Мы жили уже въ новомъ зданіи на четвертомъ этажѣ. На лѣстницахъ не оказалось ни одной лампы. Пробираясь въ потьмахъ до студентскихъ камеръ, онъ не разъ спотыкался и падалъ. Затѣмъ, преодолѣвъ всѣ трудности восхожденія на высоту, врывается въ первую попавшуюся камеру и тамъ не находитъ никакого кутежа, ни даже преферанса, а только одинъ лирическій безпорядокъ: раздѣтые студенты лежали съ книгами въ рукахъ, кто на полу, подложивъ подъ голову латинскій лексиконъ или логариѳмы, кто на сдвинутыхъ комодахъ или на окнѣ; но всѣ, однакожъ были заняты дѣломъ, а не кутили, какъ на нихъ насплетничали. Нашумѣвши вволюшку за безпорядокъ, попечитель вошелъ въ другую камеру, но тамъ не нашелъ уже ни одного человѣка: всѣ разбѣжались и попрятались въ сторожку, кто въ чемъ былъ, оставивъ на полу зажженную свѣчу.

— Чья свѣча? признавайся! закричалъ князь, завидѣвъ одного студента, успѣвшаго одѣться и вернуться въ камеру.

— Моя, ваше сіятельство! отвѣчаетъ студентъ.

— А, твоя? озлился князь, въ солдаты!

— Помилуйте, в. с-во, за что же въ солдаты?

— Въ солдаты, въ солдаты! свирѣпствовалъ князь, выходя изъ камеры. Когда, обошедши всѣ камеры, гдѣ успѣли уже все привесть въ порядокъ, попечитель сходилъ внизъ по освѣщеннымъ уже лѣстницамъ, мой пріятель, Фердинандъ Лыщинскій, поддерживая князя подъ руку, не переставалъ умолять его о пощадѣ.

— Нѣтъ, братъ, не выкрутишься, говорилъ уже шутливымъ тономъ попечитель, будешь солдатомъ, будешь!

— Ну, Богъ съ вами, в. с-во, сказалъ съ притворнымъ отчаяніемъ Фердинандъ, я вамъ жизнь спасъ, а вы меня въ солдаты...

— Что ты говоришь? когда ты мнѣ жизнь спасъ?

— Когда я былъ въ первомъ благородномъ пансіонѣ гимназистомъ— забыли? Вы, сходя съ лѣстницы, поскользнулись и если бы я васъ не поддержалъ, то вы ушиблись бы до смерти.

— Другъ мой! умилился князь, трепля по румяной щекѣ Фердинанда, ты не будешъ солдатомъ — приходи завтра ко мнѣ обѣдать!

По поводу стоявшей на полу свѣчи, во избѣжаніе могшаго отъ того произойти пожара, въ студентскихъ камерахъ, вмѣсто сальныхъ свѣчей, появились стѣнныя лампы, по одной на двухъ человѣкъ. Такое освѣщеніе весьма гибельно повліяло на наше зрѣніе, вслѣдствіе чего мы просили начальство отмѣнить свое распоряженіе и вновь ввести свѣчи. Но насъ заставили молчать. Не получивъ удовлетворенія законнымъ путемъ, мы выразили свой протестъ другимъ способомъ: не проходило вечера безъ того, чтобы не было испорчено нѣсколько лампъ, такъ что на ремонтъ ихъ потребовалось больше денегъ, чѣмъ выходило прежде на сальныя свѣчи. Только такимъ манеромъ, охраняя свои глаза, мы могли заставить начальство убрать противныя лампы съ вонючимъ масломъ и копотью, замѣнивъ ихъ свѣчами.

При кн. Давыдовѣ помощникомъ попечителя былъ сперва Карлгофъ. Но изъ за популярности, какую онъ успѣлъ пріобрѣсть въ кіевскомъ обществѣ, князю онъ не понравился и былъ перемѣщенъ въ харьковскій учебный округъ. На его мѣсто назначенъ инспекторъ казенныхъ училищъ Михаилъ Владиміровичъ Юзефовичъ, остававшійся на службѣ до назначенія попечителемъ Пирогова.

Къ сонму окружной администраціи сопричислялъ себя и нашъ всемогущій Алексѣй Алексѣевичъ Лазовъ. Придешь бывало въ канцелярію—сидитъ „правитель“ на какомъ то возвышеніи, въ родѣ амвона—настоящій Юпитеръ громовержецъ. Взглянетъ на тебя, да такъ у порога и остановитъ орлинымъ взглядомъ. Скажетъ какую нибудь незначущую фразу, да и прощайте!

И не спроста этотъ гордый бюрократъ присвоилъ себѣ право такъ презрительно—обидно относиться къ труженикамъ разныхъ захолустьевъ—онъ былъ всемогущій властелинъ судьбы ихъ: чрезъ

него всего можно было достигнуть и мѣсто лучшее получить и въ инспекторы гимназіи попасть. Что захочетъ, то и поднесетъ къ подписи попечителю.

Ректоры Неволинъ и Ѳедоровъ.

Послѣ перемѣщенія Неволина въ петербургскій университетъ, ректоромъ былъ избранъ Василій Ѳедоровичъ Ѳедоровъ, профессоръ астрономіи, благороднѣйшая и добрѣйшая личность, хотя и далеко уступавшій своему предмѣстнику—юристу въ административныхъ способностяхъ. А дѣло извѣстное, что добродушные люди никогда не бываютъ хорошими администраторами.

Василій Ѳедоровичъ принималъ всегда живѣйшее участіе во всѣхъ нашихъ невзгодахъ, помогая намъ своимъ заступничествомъ на экзаменахъ и даже при случаѣ деньгами. Какъ человѣкъ одинокій и чрезвычайно общительный, онъ каждый почти вечеръ приглашалъ къ себѣ двухъ-трехъ казеннокоштныхъ студентовъ на бесѣду, разспрашивалъ о нуждающихся, давалъ полезные совѣты и разсказывалъ забавные анекдоты. Доступностію, простотой обхожденія нашъ ректоръ астрономъ составлялъ совершенную противоположность гордому, неприступному юристу Неволину, который ни разу ни къ одному студенту не заговорилъ по человѣчески. Настоишься бывало въ пріемной, пока онъ выйдетъ изъ своего кабинета, выхватитъ изъ рукъ прошеніе, заглянетъ въ него вскользь и процѣдивъ свою обычную фразу: „въ свое время будетъ объявлено!“—юркнетъ и исчезнетъ за дверью своего кабинета. Носился между студентами слухъ, что когда родная мать его—пономарица, пріѣдя изъ вятской губерніи въ Кіевъ на богомолье, хотѣла повидаться съ своимъ чиновнымъ сыномъ, то онъ не допустилъ ее къ себѣ, выславъ черезъ лакея ассигнацію, какъ нищей.

Въ ректорство Ѳедорова въ университетѣ св. Владиміра между профессорами образовалось двѣ партіи русская и нѣмецкая; къ послѣдней принадлежалъ и самъ ректоръ, какъ воспитанникъ дерптскаго университета.

Въ 1843 году, въ университетской церкви нашей былъ совершенъ обрядъ крещенія еврея Гринбаума. Окончивъ каменецъ-по-

дольскую гимназію на счетъ кагала, который предполагалъ сдѣлать изъ своего стипендіата ученаго раввина, молодой человѣкъ измѣнилъ своимъ единовѣрцамъ: бросивъ жену и дѣтей, онъ тайно убѣжалъ въ Кіевъ и отдался подъ покровительство ректора, изъявивъ желаніе креститься. Василій Ѳедоровичъ былъ воспріемнымъ отцомъ и далъ ему свою фамилію.

И. М. Скворцовъ совершилъ обрядъ крещенія съ подобающею торжественностію. Посреди церкви была поставлена огромная кадь съ водою. Хотя было очень холодно (это было въ ноябрѣ) жидка раздѣли до нага и трижды окунули съ головой въ ледяную воду; послѣ чего окутали простыней... Неофитъ весь посинѣлъ, дрожалъ...

Нареченный во св. крещеніи Владиміръ Васильевичъ вошелъ въ казенную палату съ прошеніемъ о выдачѣ ему 20 рублей, слѣдующихъ по закону всѣмъ новокрещенцамъ, т. е. выкрестамъ.

По окончаніи университета Ѳедоровъ назначенъ учителемъ греческаго языка во 2-ю кіевскую гимназію, потомъ перешелъ на службу въ канцелярію генералъ-губернатора. Говорятъ, онъ, посредствомъ княгини Васильчиковой, повліялъ на князя и главнымъ образомъ содѣйствовалъ (за крупное вознагражденіе со стороны кагала) великому переселенію іудеевъ въ нашъ богоспасаемый градъ, куда они до того времени пріѣзжали лишь на самое короткое время, не имѣя права жительства.

Университетская полиція.

Gassatim laufunt schnurri
Studentes, pedellque...

Полицейскій персоналъ университета св. Владиміра въ мое время состоялъ изъ инспектора полковника Сычугова, двухъ субъинспекторовъ Гудимы и Троцкаго да трехъ неделей. Съ открытіемъ въ 1842 году медицинскаго факультета штатъ полиціи утроился.

Причисленный къ гвардейскому корпусу М. К. Сычуговъ былъ человѣкъ не злой, но безъ всякаго почти образованія. Очутившись волею судебъ въ ученой средѣ профессоровъ и студентовъ, онъ не зналъ, какъ ему быть. Будучи въ ударѣ, полковникъ любилъ иногда бесѣдовать со студентами, причемъ часто попадался въ просакъ.

— Что вы читаете, г. Вернадскій? спрашиваетъ онъ студента, заѣдавшаго какіе нибудь „зразы съ кашей“ французскимъ романомъ.

Студентъ молча подаетъ ему книгу.

— А, это сочиненіе я давно читалъ... когда еще учился въ университетѣ, говоритъ полковникъ, взглянувъ на заглавіе.

Хотя мы всѣ знали, что нашъ инспекторъ ни въ какомъ университетѣ не былъ, да и романа того тогда еще не было на свѣтѣ, но, не желая портить ему хорошаго расположенія духа, молчали, значительно переглянувшись.

А вотъ и другой фактъ крайняго невѣжества г. полковника:

Въ институтѣ была порядочная библіотека для пользованія казеннокоштнымъ студентамъ; но такъ какъ ею распоряжались сами же студенты, то книги часто зачитывались и исчезали безслѣдно. Узнавши о такомъ безпорядкѣ, попечитель предписалъ инспектору произвести ревизію. Способъ повѣрки наличности книгъ былъ такой: полковникъ, держа въ рукахъ каталогъ, громогласно провозглашаетъ званіе и № сочиненія, а студенты разыскиваютъ книгу и показываютъ ему.

— Сочиненія Гу́мана! выкрикиваетъ инспекторъ.

Послѣ долгаго исканія, ему докладываютъ, что такого сочиненія въ студентской библіотекѣ никогда не бывало; но полковникъ и слышать не хотѣлъ, думая, что книга утеряна.

— Ищите, ищите! говоритъ, вѣрно зачитали да и толкуете, что ее никогда не было. Коли въ каталогъ записана, значитъ должна быть.

— Да позвольте, г. полковникъ взглянуть, какое тамъ точное заглавіе этого сочиненія — можетъ быть ошибка переписчика.

По справкѣ оказалось, что въ каталогѣ значится: De natura humana—Цицерона, а нашъ гвардеецъ сдѣлалъ изъ него Гу́мана.

Два раза въ годъ инспекторъ обязанъ былъ представлять попечителю кондуитные списки студентовъ, составляемые по извѣстной формѣ съ разными рубриками, долженствовавшими охарактеризовать нравственный обликъ каждаго субъекта.

Разъ, съ приближеніемъ срока подачи списковъ, полковникъ, собралъ совѣтъ изъ субъинспекторовъ и неделей, подъ своимъ личнымъ предсѣдательствомъ. Засѣданіе происходило въ канцеляріи инспектора. Застигнутый врасплохъ въ письмоводительской комнатѣ, гдѣ меня, заснувшаго надъ греческими спряженіями, уходя на почту,

занеръ на ключъ письмоводитель Мирковскій,—я сдѣлался случайнымъ участникомъ совѣщанія экспертовъ-спеціалистовъ по части изученія характеровъ. Лучшими отмѣтками подъ рубриками: „характера тихаго", „откровеннаго", „веселаго" и т. п. воспользовались студенты весьма непривлекательныхъ свойствъ: или неразвитые и пустые шалопаи, или назойливые болтуны и подлипалы; худшими: „скрытаго", „подозрительнаго", „строптиваго", — самые лучшіе юноши, съ виду несообщительные и молчаливые, вѣчно занятые своимъ дѣломъ, или нетерпѣвшіе неправды и несправедливости и нескрывавшіе этого.

— Студентъ А! провозглашаетъ инспекторъ, какого ему?

— Откровеннаго, я полагаю, отозвался одинъ изъ членовъ.

— Помилуйте, Порфирій Петровичъ, какъ можно „откровеннаго", возразилъ полковникъ, я ему нѣсколько разъ приказывалъ остричься, а онъ и до сихъ поръ ходитъ съ патлами. Влѣпить ему: „подозрительнаго!"

А то и физіогномія иного студента не понравится или педель насплетничаетъ, не получивъ гривенника на табакъ—пиши ему: „скрытнаго"!—Такъ легко и скоро опредѣлялись наши характеры.

При устройствѣ помѣщенія для казеннокоштныхъ студентовъ въ новомъ зданіи, нужно было надъ каждой камерой прибить таблички. По поводу сего нехитраго дѣла, также состоялось засѣданіе членовъ полиціи, безъ участія, впрочемъ, педелей.

— Я полагаю господа, началъ полковникъ, надъ каждой камерой слѣдуетъ надписать „занимательная комната" № такой то.

— Нѣтъ, возразилъ Гудима, этакъ писать нельзя: такъ говорится, напр., о книгѣ, что она занимательная, а о комнатѣ сказать неудобно.

— По моему мнѣнію, отозвался другой субъинспекторъ Троцкій, слѣдуетъ написать „занимающаяся комната".

— Что вы, что вы, Порфирій Петровичъ, осадилъ его полковникъ, развѣ комнаты будутъ заниматься—занимаются студенты.

Толковали—толковали, да такъ и оставили вопросъ о табличкахъ открытымъ, его разрѣшилъ ректоръ, велѣвъ написать надъ каждый камерой: „комната для занятій № такой то".

Нашъ бравый полковникъ, къ сожалѣнію, лишенъ былъ одного изъ пяти внѣшнихъ чувствъ—именно обонянія: „носъ у него былъ

не въ порядкѣ-съ!“ какъ выразился однажды педель Ѳедоръ-съ. Говорили, что уже послѣ взятія Паскевичемъ Варшавы нашего полковника ранила какая то рьяная патріотка. Кто знакомъ съ фанатизмомъ польскихъ женщинъ, тотъ нисколько не усомнится въ справедливости такого факта. Этотъ, повидимому неважный, физическій недостатокъ экономъ нашъ Чепурковскій ловко эксплоатировалъ въ свою пользу. Когда, напр., студенты выражали свое неудовольствіе на недоброкачественность говядины или сала „до каши“ и жаловались инспектору, то онъ не могъ убѣдиться въ справедливости претензіи, сколько ни нюхалъ поднесенную ему порцію: мы говоримъ воняетъ, а онъ утверждаетъ, что мы капризничаемъ; эконому это и на руку.

Впрочемъ иногда и мы эксплоатировали полковничій носъ. Въ камерахъ, по крайней мѣрѣ до обѣда, куреніе табку запрещалось, но мы курили и увѣряли полковника, что въ комнатѣ не табачный дымъ, а туманъ, вошедшій черезъ открытую форточку.

Былъ у насъ одинъ товарищъ, отличный малый и страстный курильщикъ вакштафу Жукова. Трубка у него была съ длиннѣйшимъ чубукомъ, который студенты прозвали „пикой“. Когда въ новомъ зданіи началось сильное преслѣдованіе за куреніе въ камерахъ, онъ принужденъ былъ, съ сердечной болью, перерѣзать свою пику пополамъ, чтобы удобнѣе было прятать ее въ комодъ.

Однажды, по случаю хорошей погоды, всѣ казеннокоштники разбрелись на прогулку; я почему то остался дома. Проходя по корридору, подлѣ 4-й камеры я услышалъ сильнѣйшій запахъ гари. Подхожу къ дверямъ—заперты на замокъ; прислушиваюсь—что то трещитъ, а дымъ такъ и претъ въ замочную скважину. Понатуживишись, я сломалъ замокъ и чуть не задохся отъ дыму: горѣлъ внутри комодъ, куда нашъ курильщикъ спряталъ непогасшую еще трубку. Уже успѣло сгорѣть все, что было въ двухъ верхнихъ ящикахъ и третій началъ загораться. Побѣжать въ лакейскую и принесть ведро воды—было дѣломъ одной минуты. Огонь былъ залитъ. Еще нѣсколько минутъ и милліонное зданіе, едва успѣвшее отстроиться, сгорѣло бы ни за что, ни про что. Съ недѣлю послѣ этого случая на всемъ 4-мъ этажѣ слышалась сильная гарь и кромѣ меня и виновника этого несчастія никто не зналъ о причинѣ, сколько ни ломали головы субъинспекторы.

Обязанности помощниковъ инспектора состояли въ контролированіи посѣщенія студентами лекцій и соблюденія ими формы: чтобы сюртуки были застегнуты на всѣ пуговицы, бороды и усы выбриты, головы гладко выстрижены. На разные же дебоши внѣ стѣнъ университета полиція наша смотрѣла сквозь пальцы на томъ разумномъ основаніи, что молодежь, занятая скандальными похожденіями, не станетъ думать о чемъ нибудь этакомъ. Такого, по крайней мѣрѣ, принципа держался дававшій всему тонъ Д. Г. Бибиковъ.

Въ наше время пріобрѣли громкую извѣстность „крестовые походы“ студентовъ. Походовъ этихъ было не три и не четыре, какъ въ средніе вѣка, а немного поболѣе того. Послѣ великой руины, постигшей лучшую часть города—Печерскъ, по случаю постройки крѣпостныхъ башенъ,—не осталось и слѣда этого развеселаго квартала: „яко же духъ пройде въ немъ и не будетъ, и не познаетъ ктому мѣста своего“. Роль „Крестовъ“ впослѣдствіе выпала на долю „Андреевской горы“, пока Андрей Николаевичъ Муравьевъ своимъ вмѣшательствомъ не выселилъ падшихъ дѣвъ на Подолъ—за канаву.

Студентскіе кутежи юнѣйшаго изъ русскихъ университетовъ не представляли ничего необыкновеннаго: ими славились съ давнихъ временъ всѣ германскіе университеты съ тою лишь разницей, что нѣмцы, хотя и больше кутили и пили, да ума не пропили, мы же совершенно напротивъ. Германскіе университеты, передавая цѣлыя столѣтія всему міру вѣковые подвиги ума,—нашимъ русскимъ студентамъ передавали лишь разгульную жизнь буршей, вмѣстѣ съ разудалою пѣсню „Gaudeamus“. Шумны были кутежи нѣмецкой молодежи конца XVIII вѣка и странное явленіе: ни одно время не произвело столько геніевъ въ области наукъ и поэзіи, сколько произвела ихъ знаменитая въ исторіи германской культуры эпоха бурныхъ стремленій—Sturm und Drang...

Нынѣшніе нѣмецкіе студенты также кутятъ, вливаютъ въ себя пиво, какъ въ бездонную бочку, дерутся на дуэляхъ, цѣлые годы не берутъ книги въ руки, но потомъ какъ будто перерождаются, начинаютъ работать такъ же прилежно, какъ прежде бражничали и блестящимъ образомъ оканчиваютъ свою ученую каррьеру. Die Iugend muss austoben, говорятъ нѣмцы. Но... должно полагать, что нѣмцу здорово, то русскому смерть...

Институтъ казеннокоштныхъ студентовъ.

Это благотворительное учрежденіе, оказавшее немалую услугу высшему образованію, служило вмѣстѣ съ тѣмъ, впродолженіе цѣлой четверти столѣтія разсадникомъ учителей гимназій кіевскаго учебнаго округа. „Содержаніе, доставляемое казеннокоштнымъ студентамъ, говоритъ проф. Будановъ, должно быть признано дѣйствительнымъ благодѣяніемъ, предохранявшимъ молодежь отъ растраты силъ и времени на неблагодарные заработки, въ ущербъ научныхъ занятій и отъ того моральнаго озлобленія, которое часто заползаетъ въ душу среди нищеты".

Доставляя недостаточнымъ молодымъ людямъ средства достигнуть высшаго образованія, съ обязательствомъ прослужить не менѣе шести лѣтъ въ должности учителя по назначенію отъ правительства, институтъ ежегодно поставлялъ потребный контингентъ преподавателей для гимназій и дворянскихъ училищъ, которыя, благодаря этому учрежденію, не нуждались въ преподавателяхъ такъ, какъ стали нуждаться, когда института не стало.

Съ 1856 года, при новыхъ „вѣяніяхъ", это въ высшей степени гуманное и полезное учрежденіе представилось въ иномъ освѣщеніи: тогда періодическая печать наша сильно вліяла на общественное мнѣніе; считая закрытыя заведенія вредными, она ополчилась противъ нихъ и главнымъ образомъ содѣйствовала ихъ закрытію. Той же участи не избѣжалъ и институтъ казеннокоштныхъ студентовъ при университетѣ св. Владиміра.

Причины, побудившія совѣтъ къ ходатайству объ его упраздненіи, были слѣдующія: увеличеніе числа воспитанниковъ съ 50 до 150 и происходящій оттого недостатокъ средствъ, при увеличеніи цѣнъ на содержаніе [1]).

Попечитель Пироговъ, раздѣлявшій вполнѣ взглядъ современной печати на закрытыя заведенія, присоединился къ мнѣнію совѣта, прибавивъ отъ себя (какъ доктора) еще одну причину: тѣсноту помѣщенія, низость камеръ; кромѣ того, онъ считалъ закры-

[1]) По штату 1833 года на одного воспитанника полагалось по смѣтѣ 400 рубл. асс., на 1840 годъ по 500 рубл. асс. или 114 руб. 28 коп. серебр., а по уставу 1842 г. 143 руб. сер. на каждаго студента, да кромѣ того на Рождество и на Пасху отпускалось по 110 руб. серебр.

тыя заведенія для взрослыхъ вредными въ политическомъ, нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ. На основаніи всѣхъ этихъ причинъ, Николай Ивановичъ просилъ министра уменьшить число казеннокоштныхъ воспитанниковъ, хоть на половину; но министерство, считая институтъ учрежденіемъ полезнымъ, согласилось лишь на то, чтобы желающимъ жить на вольныхъ квартирахъ выдавать по 143 руб. сер. въ годъ. Генералъ-губернаторъ кн. Васильчиковъ раздѣлялъ мнѣніе министерства; но Пироговъ въ 1858 году вошелъ снова съ представленіемъ о закрытіи института, замѣнивъ его выдачею стипендій и учрежденіемъ „педагогическихъ курсовъ", которые, однакожъ, ни въ какомъ отношеніи не могли замѣнить прежняго способа приготовленія студентовъ къ учительскому званію. Такъ называемыхъ „кандидатовъ — педагоговъ" бывало на курсахъ всего два-три человѣка, а „руководителей" (профессоровъ и учителей гимназій), получавшихъ вознагражденіе за чисто фиктивные труды, — человѣкъ 15 — 20. Да и тѣ немногіе кандидаты-педагоги, такъ дорого стоившіе казнѣ, весьма неохотно шли въ учителя и уходили въ другія вѣдомства, безъ возврата затраченныхъ на ихъ приготовленіе денегъ.

Другая, весьма значительная часть капиталовъ, оставшихся послѣ закрытія института, обращена на выдачу стипендій.

Деньги студенты стали получать на руки, чѣмъ, казалось, устранено было великое зло, происходившее отъ совмѣстнаго жительства болѣе сотни молодыхъ людей. Но, устранивъ такимъ образомъ воображаемое зло, антагонисты закрытыхъ заведеній, помимо того, что лишали гимназіи готовыхъ преподавателей, въ сущности весьма мало обезпечивали существованіе студентовъ въ матеріальномъ отношеніи: они почти такъ же стали нуждаться, какъ и прочіе бѣдняки, живущіе изо дня въ день впроголодь однѣми репетиціями—за 5—8 рублей въ мѣсяцъ. Разница въ обезпеченіи между бывшими казеннокоштными студентами и нынѣшними стипендіатами— громадна: тогда какъ первые, поступая въ институтъ, получали все необходимое для жизни натурой: теплую и удобную комнату, столъ, одежду, обувь, книги и всѣ учебныя пособія и ни о чемъ не заботились,—стипендіаты, которымъ самимъ предоставлено распоря-

жаться выданными имъ деньгами, часто не знаютъ, гдѣ будутъ ночевать сегодня, гдѣ придется обѣдать завтра.

По крайней мѣрѣ для себя лично, я считаю мое трехлѣтнее пребываніе въ институтѣ величайшимъ благодѣяніемъ, и не перестану до самой смерти благословлять судьбу и добрыхъ людей, давшихъ мнѣ возможность докончить свое образованіе и быть полезнымъ обществу. Будучи вполнѣ обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи, я всецѣло посвятилъ себя научнымъ занятіямъ, не тратя молодыхъ силъ на безплодную борьбу съ нуждою и неизбѣжными для каждаго бѣдняка житейскими дрязгами, дѣлающими человѣка негоднымъ для регулярной умственной работы и убивающими его морально.

Существованіе института во время моего въ немъ пребыванія можно раздѣлить на два, рѣзко отличающіеся одинъ отъ другаго, періода, какъ въ отношеніи научныхъ занятій, такъ и въ отношеніи образа жизни студентовъ. До 1842 года институтъ помѣщался въ домѣ Бухтѣевой vis à vis съ институтомъ благородныхъ дѣвицъ (нынѣшняя квартира гражданскаго губернатора). Состояніе института въ этотъ періодъ имѣло за собой то преимущество, что онъ по наружному виду и по внутреннему устройству не имѣлъ казеннаго характера, какимъ обыкновенно отличаются закрытыя заведенія. Домъ Бухтѣевой состоялъ изъ главнаго двухэтажнаго корпуса, деревяннаго флигеля для эконома, другаго для субъинспектора Троцкаго и небольшаго фруктоваго сада. Въ первомъ этажѣ главнаго корпуса помѣщались дортуары, столовая и гардеробная, а во второмъ залы для занятій, раздѣленныя глухою стѣной на два отдѣленія: въ одномъ жили юристы, а въ другомъ словесники и математики. Несвязанные никакими обязательствами, подобно словесникамъ и математикамъ, юристы однако жъ, очень часто, не находя мѣстъ по своей спеціальности, добровольно поступали въ учителя, такъ какъ они слушали нѣкоторые предметы вмѣстѣ съ словесниками.

Съ переходомъ университета въ собственное зданіе, въ немъ отведено особое помѣщеніе для института—на 4-мъ этажѣ.

Съ открытіемъ медицинскаго факультета число казеннокоштныхъ студентовъ утроилось; они заняли весь верхній этажъ: словесники,

юристы и математики помѣщены съ правой, а медики—съ лѣвой стороны. Столовая была общая—на 2-мъ этажѣ. Надобно замѣтить, что мы, первые переселенцы въ новое зданіе, должны были, такъ сказать, собственнымъ дыханіемъ осушать не совсѣмъ еще высохшія стѣны, будучи обречены на жертву разнымъ болѣзнямъ. Если покойниковъ было у насъ немного, сравнительно съ количествомъ заболѣвавшихъ, то этимъ мы обязаны лишь той жизненной силѣ юношескаго организма, которая нерѣдко производитъ чудеса. При всемъ этомъ, пребываніе наше въ сыромъ помѣщеніи отразилось на нашемъ здоровьи впослѣдствіи. Только черезъ годъ послѣ нашего переселенія начальство спохватилось и энергически принялось за осушку зданія посредствомъ желѣзныхъ печей, разставленныхъ по всѣмъ четыремъ этажамъ.

Время нашего новоселья какъ разъ совпало съ открытіемъ медицинскаго факультета; на первомъ этажѣ устроенъ былъ анатомическій театръ въ круглой залѣ подъ костеломъ, а человѣческіе трупы для секцій хранились въ подвалѣ. Стало быть, кромѣ сырости, порча воздуха, которымъ намъ приходилось дышать, еще усилилась отъ разложенія труповъ. А простодушные граждане Подола распустили слухъ, что студенты рѣжутъ по ночамъ людей и прячутъ въ университетскихъ подземельяхъ. Подвалы ихъ воображенію представлялись какими то пещерами, о какихъ говорится въ сказкахъ о разбойникахъ—людоѣдахъ. Жители же прилежащаго къ университету квартала—„Новаго строенія“ нѣсколько смягчили такой ужъ черезчуръ строгій приговоръ подолянъ надъ сынами Эскулапа, утверждая, что студенты рѣжутъ не людей, а жидовъ.

Распространенію такой нелѣпости весьма много способствовало изолированное положеніе университетскаго зданія, кругомъ котораго въ то время на большое разстояніе не было никакого жилья, такъ что въ темныя осеннія ночи не безопасно было проходить запоздалому студенту, хотя и вооруженному, совершенно впрочемъ безвредной, шпаженкой. Были случаи грабежа и разъ чуть не случилось убійства, жертвою коего едва не сдѣлались тѣ же самые медики, которыхъ подозрѣвали въ каннибальскихъ наклонностяхъ.

Вообще говоря, до открытія университета, Кіевъ былъ бѣдный провинціальный городъ. Тамъ, гдѣ нынѣ университетъ, три

гимназіи, ботаническій садъ—въ дикихъ ярахъ росъ одинъ колючій будякъ; люди, еще живущіе повынѣ, охотились по болотамъ Лыбеди на бекасовъ, а нынѣшній Крещатикъ—это была грязная, глухая низменность, отдѣлявшая Старый городъ отъ Липокъ, гдѣ былъ рядъ дачъ, тонувшихъ въ зелени.

Въ домашнемъ быту казеннокоштныхъ студентовъ едва ли не самая значительная роль выпадала на долю экономa: на его обязанности лежало удовлетвореніе насущныхъ потребностей молодыхъ людей, насыщеніе ихъ желудковъ, отопленіе, освѣщеніе, постройка одежды и т. д. не безъ участія, конечно, главнаго воротилы экономическихъ операцій института—г. полковника.

Пользовавшаяся въ чиновномъ мірѣ былыхъ временъ большою популярностію пословица: „дай намъ казеннаго воробья кормить, мы и корову свою прокормимъ“ — вполнѣ примѣнялась къ нашему почтенному кормильцу Степану Кириловичу Чепурковскому. На его долю выпала благодать кормить не воробья, а людей, на содержаніе которыхъ отпускалась весьма крупная сумма. Не взирая ни на безконечные протесты со стороны студентовъ, ни на угрозы кн. Давыдова—отдать его въ солдаты, Чепурковскій не переставалъ немилосердно эксплоатировать казенныя суммы въ свою пользу. Ему въ глаза говорятъ, что онъ воръ, а онъ улыбается и продолжаетъ свое дѣло съ невозмутимымъ хладнокровіемъ. Оградивъ себя отъ нападеній студентовъ властію инспектора, великаго мастера зажимать рты недовольныхъ крикуновъ, нашъ экономъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на наши претензіи. Какъ только за какимъ нибудь столомъ во время обѣда послышится ропотъ по поводу скверныхъ „лозанокъ съ сыромъ“ или „говядины въ своемъ соку“, г. полковникъ, съ чисто военной тактикой, не обращается къ тѣмъ, которые больше всѣхъ шумятъ, а выберетъ какого нибудь бѣдняка да и накинется на него съ азартомъ:

— Милостивый государь! молитесь Богу, что васъ приняли на казенное содержаніе, а вы еще кричать вздумали? Что бы вы ѣли теперь, если бы васъ лишили казеннаго продовольствія? и т. д.

Зубастыхъ и болѣе достаточныхъ воспитанниковъ онъ никогда не трогалъ, а избиралъ козломъ отпущенія [illegible] такого, который

дорожилъ казеннымъ содержаніемъ и разумѣется меньше другихъ шумѣлъ, хотя его желудокъ такъ же требовалъ удовлетворенія, какъ и тѣхъ, которые могли бы насытиться, не прибѣгая къ казенной благотворительности.

Эксплоатація эконома не ограничивалась лишь крупицами, падающими отъ стола студентскаго, главный доходъ его заключался не въ этой дряни. Постройка форменной одежды, бѣлья, обуви, отопленіе, поставка письменныхъ принадлежностей, освѣщеніе — вотъ гдѣ скрывалась цѣлая Калифорнія для нашего кормильца [1]). Помимо плутовскихъ сдѣлокъ съ купцами и подрядчиками, Чепурковскій, открылъ у себя въ квартирѣ лавочку розничной продажи, гдѣ не онъ былъ продавцемъ, а студенты. Дѣло въ томъ, что обезпеченные на счетъ продовольствія, не нуждаясь ни въ квартирѣ, ни въ одеждѣ, ни въ учебныхъ пособіяхъ, мы лишены были карманныхъ денегъ на молочные расходы: нужно было, напр., купить четверку табаку, хоть изрѣдка пойти за четвертакъ въ раекъ, послать письмо къ роднымъ и т. п. Гдѣ взять на это денегъ? Конечно, у эконома. Но экономъ кулакъ, у него не выпросишь въ займы ни за какіе проценты. При томъ же каждый изъ насъ хорошо помнилъ поговорку нѣмецкихъ буршей: Schulden sind keine Haasen sie laufen nicht davon! Поэтому мы не занимали у него денегъ, а продавали ему за полцѣны подлежавшія къ выдачѣ намъ ежемѣсячно вещи, росписываясь въ полученіи ихъ натурой. На вырученные такимъ способомъ деньги мы иногда устраивали скромные кутежи гдѣ нибудь въ погребкѣ Братскаго монастыря (теперь тамъ булочная), состоявшіе изъ нѣсколькихъ рюмокъ краснаго вина, нѣсколькихъ трубокъ Жукова, да селедки или колбасы на закуску. И все это мизерное пиршество было приправлено такими задушевными бесѣдами, такими искрометными вспышками остроумія и неподдѣльной веселости! Блаженное время! Счастливые, невозвратные дни неприхотливой молодости!

---

[1]) На столъ отпускалось по 14 коп. въ сутки на каждаго студента; на учебныя пособія 2 р. с. Чертежныя и рисовальныя принадлежности 28 к., бѣлой бумаги 10 дестей, — 1 р. 70 к., синей — 20 дестей 1 р. 50 к., карандашей 30 въ годъ — 48 к., перьевъ 100 на 10 мѣсяцевъ — 28 коп., чернилъ на 14 к. Сюртукъ, брюки, жилетъ — на одинъ годъ, мундиръ съ брюками на два года, шинель — на 4 года, шляпа и фуражка — тоже на 4 г. Пара сапоговъ, бѣлье, галстухъ, перчатки на 1 годъ.

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus!
Post exactam juventutem,
Post molestam senectutem
Nos habebit humus!....

А театръ, съ очаровательной актрисой, дочерью антрепренера Рыкановскаго!—сколько наслажденія доставлялъ онъ нетребовательному нашему вкусу! А „ученица славной Тальони“, легкая, какъ Сильфида, танцовщица Адель, съ своей очаровательной „лезгинкой“! Зыковъ! гдѣ ты? ужели ты не восчувствуешь зуда въ своей честной десницѣ, при воспоминаніи объ этомъ, когда то дорогомъ для тебя имени и не отзовешься ко мнѣ пламенными строками дружеской переписки, которая, увы! такъ давно прекратилась между нами!

И какъ мы волновались и шумѣли, когда отъ начальства вышелъ приказъ не ходить студентамъ въ „рай?“ Гдѣ же намъ, бѣднякамъ, съ четвертакомъ въ карманѣ, возсѣдать въ креслахъ, рядомъ съ аристократіей? Но, несмотря на такое воспрещеніе и угрозы полковника, мы и тутъ ухитрялись надуть соглядатаевъ: въ институтѣ имѣлось нѣсколько партикулярныхъ шинелей: подымешь воротникъ выше ушей, да еще и щеку подвяжешь бѣлымъ платкомъ—и никакой фискалъ-педель тебя не узнаетъ, никакая гончая собака—Гудима не нанюхаетъ; а если какимъ нибудь образомъ и узнаютъ—невелика бѣда посидѣть нѣсколько часовъ въ карцерѣ.

Но вотъ, во время заурядныхъ представленій жалкой труппы Рыкановскаго, по Кіеву пронесся слухъ, что къ намъ ѣдетъ геніальный трагикъ Мочаловъ. Засуетилась наша казенная голытьба и стала заблаговременно добывать средства, тѣмъ болѣе, что цѣны на билеты увеличены вдвое. Впродолженіе нѣсколькихъ дней квартира экономa находилась въ осадномъ положеніи. Проданы были не только вещи, слѣдовавшія къ выдачѣ въ текущемъ мѣсяцѣ, но и тѣ, которыя слѣдовало получить въ будущіе мѣсяцы—за цѣлое полугодіе. Къ счастію, по причинѣ возвышенія цѣнъ на билеты, распоряженіе начальства относительно райка было отмѣнено—и вся галлерея наполнилась голубыми воротниками. Переносясь мыслію къ этому времени и провѣряя впечатлѣнія давно минувшихъ лѣтъ, удивляешься тому очарованію, той всемогущей силѣ обаянія, какое производила

на душу бурная игра Мочалова, не взирая на весьма жалкую обстановку и мизерный ансамбль. Естественно, что при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ полнаго, цѣлостнаго очарованія ни Гамлетъ, ни Отелло произвесть не могли, но мы, слѣдя за геніальной игрой трагика старались игнорировать ломанье другихъ актеровъ, годныхъ лишь для пошлыхъ водевилей и ходульныхъ драмъ.

Вызвавъ изъ памяти цѣлую вереницу типовъ прошлаго, не могу пройти молчаніемъ честнѣйшаго и благороднѣйшаго нашего буфетчика „дядюшку Ѳаддея“, достойнаго по своимъ нравственнымъ качествамъ болѣе выдающейся роли. Кто изъ моихъ товарищей не помнитъ этой замѣчательной личности? Кто изъ насъ не преклонялся передъ нравственной силой этого мощнаго характера? Съ виду до крайности суровый и несообщительный, этотъ бравый усачъ, съ нависшими густыми бровями, изъ подъ которыхъ свѣтились честные сѣрые глаза, пользовался такою любовію и уваженіемъ студентовъ, что рѣдкій изъ насъ, по окончаніи курса, отправляясь на службу, не заходилъ въ столовую проститься съ дядюшкой Ѳаддеемъ самымъ дружескимъ образомъ, удѣляя ему малую толику изъ 90 рублеваго третного не въ зачетъ жалованья“?

Обязанности буфетчика состояли въ выдачѣ обѣда и въ продовольствіи воспитанниковъ чаемъ утреннимъ и вечернимъ. Оставшіяся отъ обѣда и отъ чая порціи сохранялись имъ до слѣдующаго дня. Проголодавшійся студентъ, по возвращеніи домой изъ болѣе или менѣе отдаленной экскурсіи, могъ во всякое время дня и ночи потребовать свою порцію. Чай и сахаръ, развѣшенный съ точностію аптекарскихъ вѣсовъ, не доставлялъ эконому ни малѣйшаго барыша. Институтскихъ лакеевъ Ѳаддей держалъ въ строжайшемъ подчиненіи, съ чисто военной дисциплиной. На несправедливыя требованія студентовъ онъ отвѣчалъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ и суровостію, граничившею съ грубостью. Остатками студентскаго обѣда и чая онъ обдѣлялъ прожорливое лакейство, сверхъ положеннаго ему продовольствія. Себѣ же никогда ничего не оставлялъ, довольствуясь однимъ жалованьемъ.

И не однимъ лишь точнымъ исполненіемъ своихъ скромныхъ обязанностей почтенный нашъ Ѳаддеюшка заслужилъ всеобщее ува-

женіе: намъ извѣстно было нѣсколько фактовъ, возбуждавшихъ въ насъ удивленіе къ этому старому гвардейцу.

Разъ сидѣлъ я послѣ обѣда въ столовой и занимался. Ѳаддей развѣшивалъ сахаръ на лоты и бросалъ въ симметрически разставленные стаканы. Кто то робко постучался въ дверь, какъ видно не студентъ, а посторонній. Окончивъ свое дѣло, нисколько не торопясь, Ѳаддей отворилъ двери. Вошелъ съ плачемъ крестьянинъ и бухъ ему въ ноги. Это былъ кумъ Ѳаддея. Такое самоуничиженіе ему не понравилось, онъ отвернулся молча и ушелъ за свой буфетный прилавокъ. Давъ куму выплакаться, онъ усадилъ его рядомъ съ собой. Изъ слезнаго разсказа крестьянина я успѣлъ разслышать, что въ Кіевѣ на базарѣ у него „украдено волы", единственное его достояніе и что онъ безъ „худобы" остался нищимъ, „хочъ топися въ Днипри". Долго слушалъ Ѳаддей жалобы своего кума, насупивъ сѣдыя брови и по временамъ шевеля усами, наконецъ всталъ. Громко щелкнулъ замокъ въ буфетномъ шкафу и онъ вынулъ оттуда шкатулку, досталъ изъ нея пачку ассигнацій и, отдавая куму, промолвилъ:

— Возьми это, больше у меня нѣтъ, заработаешь—отдашь. Въ пачкѣ было 75 рублей, припрятанныхъ про черный день изъ маленькаго жалованья.

А вотъ и другой фактъ. Сидимъ мы за вечернимъ чаемъ и разговариваемъ. Къ намъ присоединился одинъ изъ своекоштныхъ товарищей, пришедшій подѣлиться своимъ горемъ: получивъ съ почты 10 рублевую ассигнацію, онъ обронилъ ее гдѣ-то на Крещатикѣ, вслѣдствіе чего хозяйка отказала ему отъ квартиры. Ѳаддей стоитъ за своимъ прилавкомъ и внимательно прислушивается къ разговору.

— А не можете ли вы, примѣрно, сказать, въ какомъ мѣстѣ вы обронили деньги? неожиданно предложилъ онъ вопросъ.

— Я должно быть потерялъ ихъ недалеко отъ почтовой конторы, когда доставалъ изъ кармана платокъ.

Щелкнулъ замокъ, Ѳаддей беретъ съ верхней полки буфетнаго шкапа ассигнацію и отдавая ее студенту, говоритъ:

— Вотъ ваши деньги: я ихъ нашелъ сегодня именно на томъ мѣстѣ, гдѣ вы ихъ обронили, доставая платокъ.

Совершенный контрастъ дядюшкѣ Ѳаддею представлялъ изъ себя другой инвалидъ—институтскій педель Ѳедоръ-съ. Главнѣйшая его обязанность состояла въ томъ, чтобы отпирать и запирать двери запоздавшимъ послѣ десяти часовъ студентамъ. Это былъ, собственно говоря, швейцаръ, но безъ ливреи. Обо всѣхъ воротившихся позже десяти часовъ онъ на другой день рапортовалъ г. полковнику. Никакія просьбы скрыть отъ инспектора поздній приходъ на него не дѣйствовали.

— Отъ просьбы, какъ и отъ брани, мнѣ нѣтъ никакой пользы-съ, говорилъ онъ обыкновенно, потому, я отвѣчаю за евто за самое-съ передъ своимъ начальствомъ.

Такая рѣчь клонилась къ тому, чтобы ему, какъ церберу, охранявшему двери ада, бросили въ жадную пасть какую нибудь лепешку, въ видѣ пятіалтыннаго.

Очерки институтской жизни.

Первое впечатлѣніе при вступленіи моемъ въ институтъ было неблагопріятно. При всемъ томъ, переходъ отъ существованія впроголодь, близкаго къ нищетѣ,—къ довольству былъ такъ рѣзокъ, что я долго не могъ оріентироваться среди новой обстановки. Все какъ будто не вѣрилось, чтобы такая жизнь продлилась цѣлые годы до окончанія университета. Мнѣ указали учебный столъ между словесниками. Такъ какъ годъ приходилъ къ концу, а одежда студентамъ строилась во время каникулъ, то на меня пригнали въ гардеробѣ готовое, нѣсколько приношенное платье очистившаго мнѣ вакансію товарища. Сокурсникомъ моимъ былъ пока одинъ студентъ Малавскій, отличный музыкантъ, но мало способный къ наукамъ, да и тотъ сторонился отъ меня. Возсоединенный уніатъ, мой коллега плохо говорилъ по русски и больше тянулъ въ сторону поляковъ.

Словесники или, какъ насъ называлъ г. полковникъ, философы, какъ будущіе педагоги, жили между собой дружно; юристы же держали себя особнякомъ, составляя нѣкоторымъ образомъ отдѣльную корпорацію. На половину между ними были поляки, на половину семинаристы, поступившіе на казенное содержаніе по про-

текціи профессоровъ юристовъ, которые почти всѣ происходили изъ духовнаго званія.

Извѣстно, что поляки, по крайней мѣрѣ наружно, народъ вѣжливый, деликатный: у нихъ grzeczność—первѣйшее условіе порядочности; они ставятъ ее въ иныхъ случаяхъ выше нравственности: безнравственный проступокъ они простятъ скорѣе, чѣмъ niegrzeczność. Какъ во всемъ юго-западномъ краѣ, такъ и въ институтѣ, они старались удержать за собой права интеллигентнаго класса между русскими; но ихъ шляхетскіе нравы все таки не могли пересилить грубой бурсацкой натуры своихъ товарищей и они сами въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подчинились вліянію семинаристовъ, такъ что общій, господствующій тонъ въ средѣ юристовъ отличался тривіальностію и грубостію, напоминавшею собой скорѣе бурсу, чѣмъ университетъ. Не странно ли, напр., было слышать раздававшіеся изъ конца въ конецъ по институтскимъ заламъ, изъ устъ въ уста дикія уличныя клички, которыми юристы надѣляли другъ друга: быкъ, кнуръ, бугай, поросенокъ, муха, куцый, козликъ, Танька (имя извѣстной въ то время проститутки), гадюка и т. п.? Несмотря, однако жъ, на всю свою грубость, клички очень мѣтко попадали въ цѣль, характеризуя особенности каждаго субъекта. Хотя нѣкоторые изъ героевъ этого животнаго эпоса впослѣдствіе занимали не послѣднія ступени на лѣстницѣ чиновной іерархіи, черты ихъ характера не измѣнились: такъ, мнѣ извѣстно, что „гадюка“ и до сего дня остался такою же гадиной, какою мы всѣ знали его во время оно. Чтобы не возвращаться въ другой разъ къ своеобразной личности сего господина, я разскажу о немъ нѣсколько анекдотовъ, рисующихъ нравы нашей институтской общины.

Въ 1839 году въ Кіевъ прибыло нѣсколько семинаристовъ для поступленія въ университетъ. Между ними былъ нѣкто Прокопецъ N, который съ перваго же шагу въ новую для него среду сдѣлался притчей во языцѣхъ.

Въ самой бо́льшей аудиторіи шла лекція богословія, въ сборѣ были студенты всѣхъ курсовъ. Едва они усѣлись по мѣстамъ и по прочтеніи молитвы приготовились слушать от. протоіерея, въ аудиторію проскользнула какая то странная фигура въ бѣломъ парусинномъ балахонѣ „по сіе время“ и, отыскавши глазами образъ,

начала преусердно молиться; затѣмъ, отвѣсивъ поясной поклонъ профессору, при дружномъ хохотѣ студентовъ, стала пріискивать и себѣ мѣстечко. Не осмѣлившись сѣсть на скамью, рядомъ съ прочими слушателями, чучело это сѣло на подножку задней скамьи: „Ничего, говоритъ, мнѣ и здѣсь будетъ хорошо!“ Это былъ тотъ самый Прокопецъ, гадюка тожъ, о которомъ я хочу разсказать въ предстоящемъ очеркѣ. Съ поступленія въ институтъ для Прокопця начался нескончаемый рядъ преслѣдованій со стороны товарищей. Чѣмъ терпѣливѣе сносилъ онъ насмѣшки, тѣмъ изобрѣтательнѣе на нихъ становились студенты, задавшіеся, какъ видно, цѣлію искоренить въ немъ бурсацкія угловатости. Сознавая свои недостатки, Прокопецъ весьма усердно занялся полировкой своихъ манеръ: не пропускалъ ни одного танцкласса, упражнялся до третьяго пота въ фехтованіи, учился верховой ѣздѣ, даже пробовалъ заучивать французскія фразы для изъясненія въ любви знакомымъ барышнямъ. Не обращая вниманія на насмѣшки товарищей, онъ съ невообразимымъ упорствомъ преслѣдовалъ свою цѣль—сдѣлаться совершеннѣйшимъ джентльменомъ. Но, несмотря ни на танцы, ни на фехтованье, ни на французскіе діалоги съ латинскимъ произношеніемъ—онъ на всю жизнь остался неисправимымъ бурсакомъ, какимъ явился въ первый разъ на лекцію богословія. Быть можетъ, товарищамъ его скоро бы и прискучило возиться съ этимъ антикомъ; натѣшившись вдоволь надъ смѣшными ухватками вѣчнаго семинариста, они, вѣроятно, оставили бы его въ покоѣ, еслибъ къ его угловатой фигурѣ не пристало новое, весьма зловредное качество—подлизываніе къ профессорамъ и даже наушничество. Замѣтивъ въ Прокопцѣ такое ехидство, студенты стали къ нему еще безпощаднѣе и прозвали его „гадюкой“.—Замѣчательно, что всѣ пакости, чинимыя гадюкѣ, исходили главнѣйшимъ образомъ изъ среды такихъ же бурсаковъ, какимъ былъ и онъ самъ. Какъ видно, эти господа соскучились по оставленнымъ въ семинаріи нравами и обычаями и готовы были учинить ему „вселенскую смазь“ или „выжать изъ него масло“, еслибъ только не боялись осужденія со стороны благовоспитанной части товарищей, незнакомыхъ съ такими милыми шутками.

Самая ядовитая изъ такихъ шутокъ, нелишенная впрочемъ юмора, принадлежитъ покойному И. Я. Шульгину (будущему по-

мощнику попечителя въ Вильнѣ), который, хотя и не происходилъ изъ духовнаго сословія, но получилъ первоначальное образованіе въ семинаріи.

27 февраля утромъ, въ день преподобнаго Прокопія Декаполита, когда еще нашъ дорогой имянинникъ находился въ постели, человѣкъ 20 студентовъ, облачившись въ мундиры и надѣвши треуголки, но безъ панталонъ, окружили его ложе. Двое изъ нихъ держали огромной величины хлѣбъ, нарочито заказанный для сего торжества (Прокопецъ истреблялъ за обѣдомъ огромное количество хлѣба). Неудержимый хохотъ проснувшихся студентовъ, при видѣ такой карнавальной процессіи, разбудилъ имянинника. И тутъ Иванъ Яковлевичъ, принявъ важную мину, ставши на табуретъ, произнесъ сочиненныя имъ вирши, помѣщаемые здѣсь, ради курьеза.

Возстань отъ сна нашъ присноосклабленный!
Яви намъ лучезарны искры зрака твоего!
Возрадуйся въ сей день, тебѣ тезоименный—
Несемъ ти даръ отъ братства своего.
Возрадуйся и осклабнися,
И зубы бѣлыми сіяй,
И яко нѣкіимъ, такъ намъ ты умилися
И гласу нашему внимай!
Великъ бѣ Голіафъ, и силенъ бѣ Давидъ,
Но что сіи предъ славой чрева твоего?
Ничто же есть и бочка Данаидъ,
Егда восхощеши разширити его.
Возрадуйся! утробу днесь возможешь ты согрѣти;
Но первѣе ослабь, елико можеши, попруги
И тѣмъ утѣшиши здѣ зрящи на тя други.
И аще пити хощеши, дадимъ тебѣ всего:
Воды дванадесятъ сосудовъ принесохомъ
И аще хлѣбецъ малъ предъ хлябей чрева твоего—
Прости намъ—большаго во градѣ семъ не обрѣтохомъ!

На поднесенномъ хлѣбѣ была наклеена такая надпись:

Какъ капля, въ море опущенна,
Такъ крошкой предъ тобою я,
И крошкой будетъ вся вселенна,
Егда расширится кишка твоя.

Были между казеннокоштными воспитанниками люди иного пошиба, которые возмущались подобными издѣвками надъ товарищемъ,

явно высказывая свое неодобреніе; но они составляли незначительное меньшинство. Были между нами и отчаянные франты въ сиреневыхъ перчаткахъ, въ сюртукахъ изъ собственнаго сукна либеральнаго покроя—съ широчайшими рукавами и съ голубой шерстяной матеріи подкладкой, вѣчно раздушенные и скрипящіе лакированными ботинками. У одного изъ такихъ щеголей заботы о своей наружности простерлись до того, что онъ ежедневно смачивалъ квасомъ свои черныя дипломатическія бакенбарды, для приданья имъ металлическаго блеска, а чтобы они плотнѣе прилегали къ щекамъ, укручивалъ ихъ на ночь полотенцемъ. Господинъ этотъ „пустѣйшій изъ самыхъ безтолковыхъ“,—до поступленія въ университетъ былъ нѣсколько лѣтъ юнкеромъ, но когда дядюшка его, Никита Андреевичъ Дьяченко, сдѣлался профессоромъ высшей математики, онъ счелъ болѣе для себя выгоднымъ получить кандидатскій дипломъ и вступить на педагогическое поприще. Не будучи въ состояніи грамотно написать нѣсколько строкъ, этотъ штыкъ-юнкеръ, съ помощію дядюшки, получилъ золотую медаль, за образцовую диссертацію по математикѣ, а по выходѣ изъ университета, будучи уже учителемъ, былъ рекомендованъ тѣмъ же Никитой въ профессоры, на мѣсто Тихомандрицкаго. Къ этому господину я буду имѣть случай вернуться впослѣдствіе.

Ареной, гдѣ фигурировали наши франты былъ Царскій садъ. Туда съѣзжался по вечерамъ весь кіевскій beau monde. Тамъ можно было встрѣтить постояннаго завсегдатая, пріобрѣвшаго печальную извѣстность, убійцу поэта Лермонтова—Мартынова, присланнаго въ Кіевъ на эпитемію—замаливать, подъ руководствомъ о. Василія Панова, тяжкій грѣхъ, онъ же не простится ему ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій!.. Самоувѣренно и гордо шагалъ онъ по главной аллеѣ сада съ своею всегдашнею спутницей, извѣстной куртизанкой Ш — чъ [1]). „Въ бытность свою свою на Кавказѣ Мартыновъ выдѣлялся изъ круга молодежи тѣми физическими достоинствами, которыя такъ нравятся женщинамъ: высокимъ ростомъ.

---

[1]) Студентъ П—скій побился объ закладъ, что онъ на Крещатикѣ публично поцѣлуетъ Ш-ву и выигралъ пари; Бибикову очень понравилась такая смѣлая выходка.

выразительными чертами лица и стройностью фигуры. Взглядъ его былъ смѣлъ; вся фигура, фантастическій костюмъ и жесты полны были удали и молодечества". Бѣлый бешметъ, которымъ онъ плѣнялъ сердца пятигорскихъ красавицъ, въ Кіевѣ замѣненъ синимъ халатомъ съ расшитыми по немъ золотыми звѣздами. Какъ теперь вижу его сидящимъ у раскрытаго окна своей квартиры (въ три окна, противъ Царскаго сада), презрительно посматривающаго на проходящихъ.

Въ шумныхъ аллеяхъ желающіе могли познакомиться съ гр. Т—мъ. Пресыщенный чувственными удовольствіями старикъ ловилъ между гуляющими рослыхъ и румяныхъ юношей, предлагая имъ на собственный счетъ на Крестахъ тѣ удовольствія, которыми самъ онъ, отъ истощенія силъ, уже не могъ пользоваться. Объ этомъ развратномъ циникѣ можно сказать то же самое, что сказалъ въ своей автобіографіи фонъ-Брадке о 80-лѣтнемъ фельдмаршалѣ Сакенѣ: „на немъ ясно можно было видѣть, что чувственность не умираетъ даже тогда, когда изсякла возможность удовлетворить её". Кромѣ господъ офицеровъ и юнкеровъ, къ стыду нашей интеллигентной молодежи, и между нашими студентами находились охотники до лакомаго угощенія сіятельнымъ польскимъ магнатомъ...

По вечерамъ, послѣ занятій, институтская зала оглашалась музыкой Малавскаго. Изъ камеръ выскакивали студенты и составлялись танцы; а въ положенные дни въ институтъ приходили учителя искусствъ: танцмейстеръ Дебре́ и гимнастъ Урсо́ и зала оглашалась то звуками скрипки, то воинственными кликами вѣчно пьянаго фехтмейстера: tempez! сопровождаемыми звяканьемъ сабель и рапиръ. Желающіе могли пользоваться и уроками верховой ѣзды у старика Ольшанскаго, сынъ котораго, отличный наѣздникъ, впослѣдствіи былъ избранъ предводителемъ конницы, вошедшей въ составъ той грозной арміи изъ гимназистовъ и студентовъ, которая вышла изъ Кіева по житомирскому шоссе въ 1863 году и была переловлена крестьянами.

Танцмейстеръ нашъ былъ великій комикъ. Онъ весьма удачно копировалъ каждаго танцующаго, за что иногда долженъ былъ выслушивать крупную русскую брань, но онъ прикидывался не понимаю-

щимъ ни слова по русски. Французу было особенно много возни съ семинаристами, разучившимися подъ ферулой монаховъ и ходить по людски, по причинѣ длиннополой одежды. Они то охотнѣе другихъ накинулись на танцы. Прочіе принимали участіе въ танцахъ, потѣхи ради, „для моціона“. Распотѣшить веселую компанію и побѣсить Дебре́ козлиными прыжками и обезьянними ужимками для нѣкоторыхъ было большимъ удовольствіемъ. Особенно отличался по этой части своекоштный студентъ, жившій въ институтѣ—Кандыба, по адресу котораго было сочинено четверостишіе: ни ракъ, ни рыба и пр. Тутъ же, во время танцевъ, потѣшникъ этотъ пѣлъ иногда преуморительную пѣсню:

Був соби Гриця въ нашей Украини,
Вчився винъ добре та все по латыни...

Съ большимъ комизмомъ выкрикивалъ онъ стихъ, въ которомъ Гриць, пріѣхавши домой на каникулы, началъ въ свиномъ хлѣву учить свиней по латыни: „задавъ свинямъ орацію!“.. пѣсня, очевидно, направлена была противъ бурсаковъ-студентовъ.

Между юристами находился и мой землякъ Денисъ Подпружниковъ, получившій отъ товарищей за свой неукротимый нравъ прозваніе „свирѣпаго“.

„Бываютъ люди, которыхъ съ ранняго дѣтства приходится назвать натурами надломленными, неудачниками, которымъ словно суждено стать рѣшительно въ разрѣзъ со всѣмъ окружающимъ жизненнымъ строемъ“.

Строки эти, относящіяся къ біографіи Свифта, можно отчасти примѣнить и къ моему земляку Денису.

Какъ Свифтъ, упустивши во время уженья большую пойманную рыбу, съ того же момента почувствовалъ себя несчастнымъ неудачникомъ, такъ и Денисъ ожесточился характеромъ именно съ того времени, когда у него, тогда еще гимназиста, почти изъ рукъ ушелъ пойманный имъ на удочку сомъ, давши ему плесомъ пощечину. Родился и выросъ Денисъ въ Новгородѣ-Сѣверскѣ, въ семьѣ, зараженной наслѣдственнымъ порокомъ пьянства. Отецъ его и два старшіе брата погибли въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ; но Денисъ

какимъ то чудомъ уцѣлѣлъ. Окончивъ гимназію и желая продолжать образованіе, онъ поступилъ на кондицію къ ближайшему помѣщику, чтобы заработать сперва деньги. Но едва онъ успѣлъ пріѣхать въ деревню, какъ на помѣщичьемъ дворѣ появилась маменька, съ требованіемъ отъ него денегъ Не получивъ отъ него ни гроша, она разбранила всѣхъ, начиная съ лакея и кончая самимъ бариномъ. Сыну, конечно, досталось больше всѣхъ. Это неожиданное посѣщеніе матери, опозорившей молодого человѣка въ присутствіи дворни, до того ожесточило его, что онъ, уже отъ природы желчный и подозрительный, во всю остальную жизнь не только не могъ говорить, но слышать о ней безъ гнѣва и волненія.

Землякъ мой былъ въ нѣкоторомъ родѣ историческій человѣкъ: съ нимъ постоянно случались исторіи, чему причиной была его несчастная наружность, а отчасти его неукротимый нравъ. Съ нимъ безпрерывно случалось то, чего съ другимъ никакъ не могло случиться.

Послѣ вступительнаго экзамена въ университетъ, Денисъ отправился въ Лавру, не съ цѣлію помолиться (набожностію онъ не отличался), а просто изъ любопытства. Смѣшавшись съ толпой богомольцевъ, онъ дошелъ до пещеръ, куда, однакожъ, войти не захотѣлъ, а остался у входа. Сидѣвшій у дверей монахъ замѣтилъ это и спросилъ его, отчего онъ не идетъ вмѣстѣ съ другими приложится къ св. мощамъ кіевскихъ угодниковъ?

— Вы, вѣроятно лютеръ или католикъ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ Денисъ, я православный!

— Зачѣмъ же вы пріѣхали въ Кіевъ?

— Учиться въ университетѣ.

— Такъ вамъ, молодой человѣкъ, не мѣшало бы передъ экзаменами помолиться святымъ угодникамъ.

— Я уже выдержалъ экзаменъ.

— Да что съ нимъ, безбожникомъ, толковать? вмѣшался другой монахъ, къ митрополиту его тащи!

Замѣтивъ, что св. отцы намѣревались схватить его и вести къ владыкѣ, Денисъ далъ тягу, укрывшись среди богомольцевъ.

Землякъ мой былъ страстный рыболовъ. Все свободное отъ лекцій время онъ употреблялъ на плетеніе разной толщины лесъ,

дѣланіе изъ коры поплавковъ и приготовленіе грузилъ. Сидя постоянно сгорбившись у своего учебнаго стола, онъ всю зиму занятъ былъ этой нескончаемой работой или же валялся на грязной постели неделя Ѳедора, куря отвратительную махорку и ведя съ нимъ интимныя бесѣды. Общества товарищей онъ избѣгалъ, предпочитая ему компанство стараго инвалида; но, дождавшись каникулъ, изчезалъ изъ института съ зарею—удить въ Днѣпрѣ рыбу.

Земляковъ своихъ, какъ вообще всего, что напоминало ему милую родину, Денисъ не терпѣлъ; меня же до глубины души ненавидѣлъ, чего я долго не подозрѣвалъ, пока случай не помогъ мнѣ узнать причину такой ненависти. Возвратясь, послѣ первой своей поѣздки на каникулы домой, я привезъ своему земляку письмо отъ его матери. Что заключалось въ семъ родительскомъ посланіи, я не зналъ; но, судя по тому, что Денисъ, при встрѣчѣ со мной, харкалъ и плевалъ, я заключилъ, что я, противъ своего желанія, сдѣлалъ ему большую непріятность, привезши письмо. Мало того, онъ считалъ меня авторомъ его и когда я потребовалъ объясненія, кто взвелъ на меня такую клевету, то онъ указалъ на Васю Глотова, которому будто бы я самъ въ томъ сознался. Потребовалась очная ставка; пошли искать Глотова. Шли мы вдвоемъ на Подолъ, за канаву, молча, не глядя другъ на друга, какъ самые непримиримые враги.

— Ты, Василій Савичъ, говорилъ мнѣ въ прошломъ году, что онъ (указавъ на меня) написалъ ругательное письмо отъ имени моей матери?

— Нѣтъ, я тебѣ этого никогда не говорилъ! отвѣчалъ Глотовъ.

Денисъ харкнулъ и плюнулъ ему прямо въ лицо, а передо мною тутъ же извинился.

Идучи вмѣстѣ съ Подола въ институтъ, я отъ своего милаго земляка между прочимъ узналъ, что онъ цѣлый годъ питалъ ко мнѣ смертельную злобу, что бурсаки-юристы еще больше раздули въ немъ эту вражду, дѣлая ему разныя пакости и сворачивая на меня, какъ на виновника ихъ. Такъ, однажды они бросили ему въ постель дохлую крысу и взвели эту мерзость на меня; утащили изъ моего стола тетрадь и старались увѣрить его въ сходствѣ почерка

съ письмомъ, привезеннымъ мною отъ матери и т. п. подлости, на какія способны только быки, поросята, кнуры и прочія животныя, наполнявшія юридическія камеры.

— Все это, сказалъ въ заключеніе Денисъ, до того меня ожесточило, что разъ ночью я подходилъ къ вашей кровати съ цѣлію задушить соннаго.

Шли мы по глухой аллеѣ Царскаго сада и когда мой спутникъ разсказалъ мнѣ о своемъ покушеніи на мою жизнь, мнѣ до того стало жутко, что я бросился отъ него въ сторону и выбрался на больную аллею, гдѣ было много гуляющихъ. Только теперь я узналъ, что за свирѣпый человѣкъ этотъ волкообразный Денисъ и на что онъ былъ способенъ въ своей свирѣпости.

На выпускномъ экзаменѣ—опять исторія. Изъ 60 вопросовъ, на которые раздѣлена была чреватая энциклопедія законовѣдѣнія Неволина, Денисъ застраховалъ всего два послѣдніе билета. Выходитъ отвѣчать, беретъ билетъ—застрахованный! Не довѣряя своему счастію, онъ проситъ самого Неволина взять за него билетъ. Взялъ билетъ ректоръ, опять застрахованный. Денисъ не вытерпѣлъ: харкнулъ неистово, плюнулъ и въ присутствіи экзаменаторовъ загнулъ крѣпкое словцо судьбѣ-злодѣйкѣ. Хотя, по правиламъ, третьяго билета брать не полагалось, но такъ какъ неудачникъ объявилъ, что онъ только этихъ двухъ вопросовъ не успѣлъ приготовить, то ему дозволили отвѣчать безъ билетовъ. Спросили его по всѣмъ отдѣламъ науки и онъ отвѣчалъ отлично; а все таки кандидатскаго диплома лишился. Сознавая свои природные недостатки, Денисъ не отважился поступить въ гражданскую службу, а избралъ педагогическое поприще и отправился учительствовать въ Черноостровское дворянское училище. Тамъ съ нимъ опять случилась исторія.

Приглянулась ему одна шустрая полька. Не будучи съ нею вовсе знакомъ, Денисъ въ одно прекрасное утро явился къ ея матери съ предложеніемъ себя въ супруги ея единственной дочери. Озадаченная такимъ страннымъ сватовствомъ вдовица отвѣтила ему, что дочь ея вовсе его не знаетъ, но просила бывать у нихъ въ

домѣ и если онъ успѣетъ заслужить ея расположеніе, то она і owszem очень будетъ рада выдать свою дочь za pana professora [1]).

Началъ мой Денисъ ухаживать за хорошенькою панной очень усердно. Придетъ, сядетъ подлѣ нея и глядитъ на нее молча, какъ козлоногій сатиръ на нимфу. Такъ прошелъ мѣсяцъ. Думая, что испытаніе уже кончилось, т. е. что онъ уже достаточно успѣлъ влюбить въ себя панну, Денисъ пришелъ однажды къ ней съ рѣшительнымъ намѣреніемъ добиться положительнаго отвѣта: да или нѣтъ?

Матери не было дома. Безъ всякихъ прелюдій, мой землякъ обратился къ дѣвушкѣ съ вопросомъ: выйдетъ ли она за него замужъ или не выйдетъ? Получивъ отрицательный отвѣтъ, Денисъ вынулъ изъ кармана баночку съ сѣрной кислотой и откупоривая ее сказалъ: такъ я жъ тебѣ всю физіономію изуродую!

Панна съ ужасомъ выбѣжала на улицу и стала звать на помощь. Сбѣжались сосѣди и влюбленнаго жениха выпроводили изъ дому, принявъ его за помѣшавшагося отъ любви „виріата“.

Со введеніемъ законовѣдѣнія въ гимназіяхъ, Денисъ, какъ юристъ, переведенъ въ волынскую гимназію учителемъ этого предмета. А когда мать подала попечителю просьбу о томъ, чтобы заставили сына помогать ей на старости лѣтъ, то его перевели въ Новгородъ-Сѣверскъ. Въ 1854 году тамъ случился пожаръ, истребившій лучшую часть города; сгорѣлъ при этомъ и домикъ Денисовой матери, но онъ о немъ не столько жалѣлъ, сколько о любимой сукѣ, которую не успѣли спасти.—Еще будучи въ Житомирѣ, онъ женился на полькѣ же. Нашлась таки дура, рѣшившаяся связать свою судьбу съ этимъ дикобразомъ. Лишившись во время пожара лягавой собаки, Денисъ возложилъ ея обязанности на жену, таская ее за собою на охоту и заставляя подбирать убитую птицу и носить охотничьи принадлежности.

Послѣ пожара, неугомонная старуха еще больше стала приставать къ начальству съ своими жалобами. Это наконецъ до того всѣмъ надоѣло, что сына перевели въ Немировъ.

---

[1]) Поляки всѣхъ учителей титулуютъ профессорами, гимназистовъ—студентами, а студентовъ—академиками.

Къ немалому удивленію всѣхъ знавшихъ свирѣпаго Дениса, по протекціи М. А. Тулова [1]), его сдѣлали инспекторомъ сперва новгородъ-сѣверской, а потомъ черниговской гимназіи, гдѣ онъ распился до безобразія. Сказалась такъ наслѣдственная слабость хоть на старости лѣтъ!

Уволенный въ отставку, онъ отправился въ Житомиръ, гдѣ скоро и умеръ, оставивъ семью въ самомъ бѣдственномъ положеніи.

На выходѣ.

Weg corpus juris, weg Pandecten
Weg mit den theologischen Secten,
Weg mit der Medicinerei—
Von solchen Dingen bleib'ich frei!

(Изъ студентской пѣсни).

Окончивъ свой послѣдній экзаменъ, я далъ себѣ льготу. Намучившія до отвращенія профессорскія записки были сложены, завязаны въ мертвый узелъ снуркомъ и отброшены въ сторону. Наконецъ то, думалось мнѣ, я воленъ въ выборѣ занятій по сердцу! Съ этого времени все, что будетъ вложено въ сокровищницу моей внутренней жизни, все, чѣмъ обогатится мой умъ, моя память— все останется неотъемлемой моею собственностью. Опротивѣли мнѣ эти вѣчные экзамены [2]), обязывающіе каждому встрѣчному давать отчетъ въ своемъ умственномъ достояніи, низводящіе взрослаго развитаго человѣка до степени школяра, вызубрившаго заданный урокъ. Теперь, какъ сказалъ безсмертный Пушкинъ,

..... ты самъ свой высшій судъ,
Всѣхъ строже оцѣнить возможешь ты свой трудъ.

Чувство довольства, знакомое каждому труженику, добросовѣстно выполнившему свой долгъ, пробудило въ душѣ забытыя или

---

[1]) Бывшій послѣ Зимовскаго директоромъ немировск. гимназіи. М. А. Туловъ повыводилъ въ инспекторы и потомъ въ директоры большую часть своихъ сослуживцевъ, въ числѣ которыхъ былъ и Денисъ Подпружниковъ.

[2]) Казенокоштные воспитанники, кромѣ годичныхъ, держали еще полугодичные экзамены.

точнѣе сдержанныя на время порыванія въ очарованный міръ поэзіи, непереставшей тянуть меня къ себѣ съ гимназической скамьи...

Дай оглянусь!... Непривѣтливо сурово встрѣтила меня жизнь, при моемъ вступленіи въ университетъ. Много было потрачено молодыхъ силъ въ борьбѣ съ нуждою и лишеніями; то было время тяжелаго для меня испытанія; въ такія минуты человѣку не до поэзіи.

И кому же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодный.

Потомъ настало другое время: обезпеченный на все продолженіе университетскаго курса и успокоившись духомъ, я чуть было не свернулъ на старую дорогу, но, къ счастію, скоро отрезвился. Ознакомившись съ истинно художественными произведеніями великихъ поэтовъ и пораженный, уничтоженный недосягаемой высотой ихъ творческой силы и глубиною ихъ идей, я пришелъ къ сознанію собственнаго ничтожества. Неумѣренныя и всегда пристрастныя похвалы друзей, принявшихъ „избытокъ юныхъ силъ и илѣнной мысли раздраженье“ за признаки вдохновенія — перестали волновать мое разгоряченное воображеніе. Непримиримый врагъ всяческихъ увлеченій — разсудокъ сталъ мало по малу вступать въ свои права и на сей разъ сослужилъ мнѣ немалую службу. Какъ отрезвившійся пропойца, я сталъ лучше сознавать свое положеніе, яснѣе различать окружающіе меня предметы. Наконецъ, въ душѣ заговорила и совѣсть: честно ли поступлю я, казеннокоштный воспитанникъ, бросивъ обязательныя для меня занятія, отдавшись личнымъ моимъ вкусамъ? И не въ правѣ ли общество, обезпечившее мое существованіе, потребовать отъ меня въ будущемъ сослужить и ему службу за его жертвы? Не стиховъ оно потребуетъ отъ меня, а знаній... И въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ я размышлять, не для „веселой науки“—этой gaya scienza—провансальскихъ трубадуровъ, я поступилъ въ университетъ. Вѣдь за поэтическое чувство, какъ бы оно сильно не проявлялось, не только не даютъ „доктора чувствительности“, какъ основательно замѣтилъ Неволинъ, но и дѣйствительнаго студента, пожалуй, не получишь. И съ чѣмъ, наконецъ, предстану я предъ своими будущими учениками, любознательность

которыхъ жаждетъ свѣта, науки, знанія? Чему же я научу ихъ, не обладая самъ научными свѣдѣніями? Нѣтъ, далѣй, далѣй отъ искушенія!

Такія мысли волновали меня, прежде чѣмъ я дошелъ до полной рѣшимости освободиться отъ пагубной страсти „стихоманіи". Людямъ позднѣйшихъ поколѣній покажется страннымъ, что эта страсть могла играть такую важную роль въ жизни развитаго человѣка. Но не слѣдуетъ забывать того обстоятельства, что въ 30-хъ годахъ почти вся наша, такъ называемая, изящная литература приняла стихотворческое направленіе, что всѣ, выходившіе тогда періодическія изданія, не говоря объ альманахахъ, даже газеты были переполнены стихотвореніями разныхъ наименованій. Съ легкой руки Пушкина и блестящей плеяды его подражателей, образовавшихъ „пушкинскую школу", русскій стихъ сталъ достояніемъ всякаго, кто только мало-мальски владѣлъ перомъ. Каждый недоучившійся юноша, ознакомившись съ механизмомъ стихосложенія по книжкѣ Пѣнинскаго, начиналъ писать стихи, воображая себя поэтомъ. Преподаватели русской словесности не только не сдерживали своихъ питомцевъ отъ опасныхъ увлеченій стихотворствомъ, но, въ ущербъ научнымъ занятіямъ, весьма усердно поощряли „незрѣлыя творенія" стихоплетовъ и своими неумѣренными похвалами сгубили не одного даровитаго юношу, раздувъ въ немъ страсть къ стихотворству до чудовищныхъ размѣровъ. Молодые люди часто теряли способность къ серьезному труду, переставали учиться и на всю жизнь дѣлались жалкими мечтателями.

„Наши премудрые педагоги забывали, что многочисленность стихотворцевъ у всякаго народа есть вѣрнѣйшій признакъ его легкомыслія и что самыя поэтическія эпохи въ исторіи всегда представляли самое малое число поэтовъ. Истинные поэты всѣхъ вѣковъ были глубокими мыслителями; но въ 30-хъ годахъ чувство освобождало насъ отъ обязанности мыслить и прельщая легкостью безотчетнаго наслажденія, отвлекало отъ высокой цѣли усовершенствованія (поэтъ Веневитиновъ).

Кромѣ знакомаго уже намъ сѣверскаго поэта Павла Кирилловича Лазаревича, у насъ въ гимназіи было еще нѣсколько до-

морощенныхъ пінтовъ, изъ которыхъ весьма немногимъ удалось, съ грѣхомъ пополамъ, окончить свое образованіе. Отвѣтственность за ихъ неудачи падаетъ на нашихъ непризванныхъ педагоговъ.

Одною изъ жертвъ педагогическаго недомыслія былъ мой землякъ Діомидъ Рубчевскій, извѣстный у насъ подъ именемъ Дёмы.

Какъ живой, стоитъ передо мной этотъ коренастый дѣтина, съ своей угловатой фигурой, съ выдавшимися скулами щекъ, съ маленькими, глубоко сидящими глазками и съ своею неизмѣнною саркастическою улыбкой. На всѣ шутки и подтруниванья товарищей, надъ его чудачествами онъ всегда отвѣчалъ добродушнымъ смѣхомъ, съ прибавкой вѣчной своей поговорки: „умора!“ или „глупъ какъ сапогъ!“.

Находясь еще въ V классѣ гимназіи, Дёма написалъ на заданную тему стихотвореніе „Смерть Святослава“. Словесникъ нашъ Коконко возьми да и расхвали это „твореніе“, въ присутствіи всего класса. Этимъ, быть можетъ, и окончилось бы поэтическое поприще Демы, но когда онъ увидѣлъ свое произведеніе напечатаннымъ, въ „Трудахъ воспитанниковъ“, при Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—у него закружилась голова. Юноша возмечталъ о себѣ, что онъ просто геній; сталъ чуждаться общества товарищей, по цѣлымъ ночамъ не спалъ, и главное пересталъ вовсе учиться. Хотя гимназію онъ и окончилъ, но, поступивъ въ университетъ, гдѣ потребовалось болѣе усидчивыхъ и серьезныхъ занятій, онъ все время посвятилъ стихотворству. Побывавъ на двухъ трехъ лекціяхъ, онъ порѣшилъ, что ходить въ университетъ не стоитъ. Ни одинъ изъ профессоровъ не удовлетворилъ его любознательности; о каждомъ изъ нихъ онъ отзывался съ пренебреженіемъ; каждый у него былъ „глупъ, какъ сапогъ!“

Окончивъ въ первомъ полугодіи свою поэму „Ванюша малый“, начатую еще въ гимназіи, второе полугодіе Дёма просидѣлъ надъ сочиненіемъ другой поэмы „Ванюша большой“. Находя, что его крѣпкое тѣлосложеніе даетъ слишкомъ большой перевѣсъ плоти надъ духомъ, препятствуя ему проявлять свою творческую силу, чудакъ началъ морить себя голодомъ и съ 1 января 1844 года заключилъ съ хозяйкой условіе давать ему обѣдъ только четыре дня въ не-

дѣлю, остальные три дня онъ сталъ питаться однимъ чаемъ. Но такъ какъ и это средство не помогло, то Дёма пришелъ къ убѣжденію, что онъ нехорошо понимаетъ свойства тѣлесной природы человѣка, вслѣдствіе чего счелъ нужнымъ прослушать курсъ анатоміи у проф. Вальтера, а затѣмъ заняться изученіемъ психологіи, чтобы лучше ознакомиться съ духовной стороной человѣка и найти такимъ образомъ связь между тѣломъ и духомъ, опредѣливъ съ точностью зависимость души отъ тѣла и т. д. Но планъ этотъ остался безъ исполненія. Побывавъ нѣсколько разъ въ анатомическомъ театрѣ, Дёма свою затѣю бросилъ и прибавилъ къ числу голодныхъ дней еще одинъ.

Что же это за поэма, стоившая нашему товарищу такихъ лишеній? спроситъ любопытный читатель. Насколько я могъ узнать, изъ моихъ частыхъ бесѣдъ съ авторомъ, главная идея его произведенія заключалась въ томъ, чтобы представить въ образѣ „Ванюши“ что то въ родѣ „Вѣчнаго жида“ Кюхельбеккера, проведши своего героя черезъ всѣ періоды и эпохи всемірной исторіи, олицетворивъ въ немъ все человѣчество на разныхъ ступеняхъ его историческаго развитія [1]). Задача, какъ видите, нелегкая.

Принимая въ землякѣ своемъ живѣйшее участіе, я началъ было убѣждать его оставить пока „Ванюшу“ въ покоѣ и заняться предварительно изученіемъ предметовъ, необходимыхъ для уразумѣнія историческихъ судебъ человѣчества: прослушать курсъ всемірной исторіи, познакомиться съ философіей исторіи и исторіей философскихъ системъ, подъ руководствомъ такихъ достойныхъ профессоровъ какъ Новицкій и Авсеневъ, потому-де что философы съ глубокой древности не переставали думать и додумались, втеченіе цѣлыхъ столѣтій, до тѣхъ истинъ, до которыхъ—онъ, Дема, хочетъ дойти собственнымъ умомъ въ продолженіе лишь одного года. Но на всѣ мои доводы чудакъ отвѣчалъ своимъ излюбленнымъ словцомъ: „умора!“ и продолжаетъ писать чуть ли не 20-ю главу своей поэмы.

---

[1]) Въ поэмѣ Кюхельбеккера обозначаются четыре появленія Агасфера: 1) Разрушеніе Іерусалима, 2) Паденіе Рима, 3) Поле битвы, послѣ Бородина и лейпцигскаго побоища, 4) Смерть послѣдняго человѣка.

Пробовалъ я дѣйствовать на упрямца и другимъ способомъ. Руководясь тѣмъ соображеніемъ, что коль скоро предметъ нашего поклоненія хоть разъ предстанетъ передъ нами въ смѣшномъ видѣ, онъ въ нашихъ глазахъ теряетъ свою цѣну—я написалъ ему посланіе въ стихахъ, изобразивъ въ немъ „Ванюшу“ въ каррикатурѣ: а въ заключеніе выразилъ мысль, что дидактизмъ поэзіи несвойственъ, что если авторъ желаетъ философствовать, то ему изложить свои мысли гораздо удобнѣе прозой, а еще лучше если бы онъ самъ поучился прежде, чѣмъ поучать другихъ и т. д.

На мое посланіе Дёма отвѣтилъ тоже посланіемъ, въ которомъ онъ старается отстоять принятую имъ стихотворную форму для выраженія философскихъ идей—примѣрами древнихъ произведеній. Посланію своему онъ придалъ шутливый тонъ, разсказавъ исторію Пегаса, возившаго поэтовъ на Парнассъ.

Когда крылатому коню надоѣло возить на Парнассъ людей, онъ сталъ проситься въ отставку:

И просьба принята богами
Пегасъ, какъ вихрь, взмахнулъ крылами,
Заржалъ, запрыгалъ и взвился
Стрѣлой подъ небеса:
Не бывъ никѣмъ осѣданъ болѣ,
Пегасъ гулялъ себѣ на волѣ,
Объѣхалъ тысячи планетъ,
Преслѣдовалъ кометъ.

Но, соскучившись „гульней“ ретивый конь подаетъ просьбу богамъ—поступить къ нимъ на службу:

И просьба принята. Юпитеръ—
Въ одну перо, въ другую скипетръ,
Сѣвъ на Пегаса, полетѣлъ
И одой прогремѣлъ.
Смѣялись люди пышной одѣ—
Она была уже не въ модѣ—
И спрыгнулъ, разсердясь, Зевесъ
Съ Пегаса средь небесъ.

За Зевсомъ наѣздничали и другіе боги; одна лишь Минерва скромничала, отговариваясь „незнаньемъ верховой ѣзды“.

Пегасъ печаленъ—нѣтъ работы—
У олимпійцевъ нѣтъ охоты.
Идетъ въ раздумьи самъ не свой,
Бесѣдовать съ судьбой.
Ему отвѣтствуетъ судьбина:
«Оселъ ты, глупая скотина!
Лишь та богиня, что съ совой
Управится съ тобой.

Пегасъ отправляется къ Минервѣ и униженно проситъ ее хоть разъ проѣхаться на немъ.

Надѣвъ дурачества порфиру,
Минерва показалась міру,
Взяла сову и тотъ же часъ
Махнула на Парнассъ.
Ѣздою люди изумились,
Упали ницъ и поклонились:
Изъ всѣхъ боговъ она одна
Забавна и умна.

Всѣ восхищаются нарядомъ
Слѣдятъ за нею быстрымъ взглядомъ,
Мечтаютъ ей во слѣдъ бѣжать
И стали подражать.
Пегасъ Минервою доволенъ:
Онъ съ нею веселъ, быстръ и воленъ,
Сова плѣнила мудрецовъ,
Дурачества глупцовъ.

Такъ какъ рукопись „Ванюши Большого“ до потомства не дошла, то это посланіе можетъ дать понятіе о достоинствахъ утраченной поэмы.

Въ сентябрѣ я уѣхалъ на службу. Пріятели по временамъ извѣщали меня, что Дёма ни на волосъ не измѣнилъ своихъ привычекъ и продолжаетъ чудить по старому. Наконецъ въ январѣ 1845 года Зыковъ увѣдомилъ меня, что наканунѣ новаго года съ Дёмой случился казусъ. Знакомая многимъ студентамъ молодая и красивая торговка яблоками, извѣстная у насъ подъ именемъ „кузины“, подобно своей прародительницѣ Евѣ, искусила своими яблоками нашего анахорета... „вслѣдствіе чего нашъ Адамъ какъ будто немножко поумнѣлъ и просилъ меня, продолжаетъ Зыковъ, написать тебѣ о своемъ грѣхопаденіи“. Товарищи нагрянули къ нему цѣлою толпой съ поздравленіями, а я, отсутствующій, привѣтствовалъ его „возрожденіе“ одой въ анакреонтическомъ родѣ, начинавшейся стихомъ: Ура! ура! философъ взятъ!...

Близко знавшіе Дему земляки отъ души порадовались благодѣтельной перемѣнѣ въ его образѣ жизни и надѣялись, что онъ наконецъ перестанетъ чудить и примется за дѣло, болѣе полезное; но не тутъ то было.

Въ концѣ февраля, окончивъ своего „Ванюшу“, Дема понесъ его къ М. А. Максимовичу, прося его высказать свое мнѣніе о его любимомъ дѣтищѣ. Отзывъ Михаила Александровича былъ далеко не въ пользу недоноска Ванюши; но авторъ нисколько тѣмъ не смутился: произнесши любимую свою фразу: „глупъ, какъ сапогъ!“ онъ отправился къ другому авторитету—Н. Т. Костырю, въ которомъ онъ надѣялся встрѣтить болѣе компетентнаго критика. Николай Трофимовичъ довольно долго держалъ у себя рукопись „Ванюши“ и наконецъ высказалъ свое мнѣніе на счетъ этого про-

изведенія. Приговоръ его былъ еще строже. Идя отъ Костыря, Дема, какъ надо полагать, совершенно разочаровался въ своихъ надеждахъ на будущую славу.. Горько ему было убѣдиться въ своемъ заблужденіи. Оказалось, что онъ самъ былъ глупъ, какъ сапогъ, а не тѣ, кто изъ желанія ему добра старались отклонить его отъ пагубной страсти къ стихотворству и притянуть къ занятіямъ болѣе производительнымъ.

Что же случилось съ Демой послѣ такого горькаго разочарованія?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ я приведу отрывокъ изъ письма того самаго пріятеля, который такъ сильно заботился о судьбѣ бѣдняка-товарища, попавшаго на скользкій путь сочинительства.

„Любезный другъ! Увѣдомляю тебя о неожиданномъ происшествіи, которое, безъ сомнѣнія, поразитъ тебя, какъ громомъ. Не знаю, съ чего начать? Скажу прямо: Рубчевскій 14 марта утопился. Что побудило его къ этому, постарайся разгадать самъ. За день до того онъ былъ у своихъ товарищей, въ томъ числѣ и у меня; спрашивалъ о твоемъ адресѣ и говорилъ, что приготовилъ тебѣ „закатистое посланіе“... Дема оставилъ прекомическое завѣщаніе, въ силу коего, всю свою мизерію раздѣлилъ, на память, между земляками: кому книги, кому рубахи, кому тюфякъ. Тебѣ завѣщалъ онъ перо, которымъ писалъ своего Ванюшку, мнѣ фуражку, въ которой писалъ по ночамъ, а инспектору Сычугову старые сапоги. Въ заключеніе же прибавилъ: „Иду въ Днѣпръ разрѣшить задачу на кой чортъ созданъ человѣкъ?“ Вотъ такъ выкинулъ штуку! Послѣдніе дни онъ былъ неестественно веселъ и никто не могъ догадаться, что онъ замышляетъ такое недоброе!... 24 марта 1845 г.“

Пораженный такимъ печальнымъ извѣстіемъ, подъ вліяніемъ тяжелаго впечатлѣнія, я въ самый день полученія письма написалъ элегію на смерть Демы и отправилъ ее въ Кіевъ для прочтенія землякамъ.

На смерть Рубчевскаго.

Прощай, мой философъ, злосчастный страдалецъ,
Безрадостный житель печальной земли!
Въ Днѣпрѣ ты укрылся, безлюдный скиталецъ,
И шумныя волны тебя унесли.

Всю жизнь ты томился химерной мечтою
Постичь недоступныя тайны небесъ
И нылъ безутѣшно пытливой душою,
Безсильный проникнуть въ міръ Божьихъ чудесъ.
За темной завѣсой, за тучей сомнѣній
Скрывается міръ тотъ отъ смертныхъ очей—
Къ нему уносилъ тебя злобный твой геній,
Смѣясь надъ безсиліемъ мысли твоей.
Измученный долгимъ, напраснымъ томленьемъ,
Ты въ вѣчности зрѣлъ лишь желанный предѣлъ—
Къ нему, истомленный земнымъ заключеньемъ,
Разбивши оковы, твой духъ улетѣлъ.
Лишенъ ты могилы, бѣднякъ одинокій,
Никто не оплакалъ кончины твоей,
Безвѣстно ты скрылся въ пучинѣ глубокой—
Въ холодное лоно кипящихъ зыбей:
Привыкшему мыслью парить надъ землею,
Тебѣ былъ бы тѣсенъ подземный пріютъ,
Куда всѣ отходятъ по смерти къ покою,
Гдѣ медленно сирыя кости гніютъ.
Нѣтъ ты не покоя искалъ за могилой:
Ты умеръ, чтобъ тайну проникнуть душой,
Стѣсненной при жизни вещественной силой,
Томившейся долго темницей земной.
Тебя ужасало безмолвье кладбища,
Гдѣ спятъ безмятежно собратья твои,
Кончая насиліемъ юные дни,
Иного искалъ ты по смерти жилища;
Днѣпръ сталъ тебѣ гробомъ: тамъ вѣчно кипитъ
Тревожная жизнь на раздольи широкомъ,
Волна твое тѣло въ себя претворитъ,
А кости зароетъ въ лиманѣ далекомъ...
Не люди свершали обрядъ погребальный
Надъ трупомъ бездушнымъ твоимъ,
Не вѣрилъ ты воплямъ разлуки печальной,
Суровый страдалецъ, степной нелюдимъ!
Людей не встревожилъ твой голосъ прощальный,
Червей не насытилъ ты тѣломъ своимъ.

Другою жертвою той же педагогической безтактности былъ весьма дѣльный и кросивый молодой человѣкъ Матушевичъ. Онъ кончилъ еще хуже нашего стародубскаго поэта-философа—съ ума

сошелъ. Занимаясь долго писаніемъ безгрѣшныхъ стишковъ, онъ, подъ конецъ университетскаго курса, принялся за сочиненіе философскаго романа, задавшись мыслію, подобно Демѣ, примирить философію съ поэзіей, съ тою только разницей, что сей юноша прослушалъ курсъ философіи, а Дема до всего доходилъ собственнымъ умомъ. Ненормальное состояніе его умственныхъ способностей впервые проявилось у него на гуляньѣ, въ Царскомъ саду, гдѣ публично, во всеуслышаніе, онъ сталъ проповѣдывать о несовершенствѣ всѣхъ философскихъ системъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ и что только одна его собственная система, построенная на религіи католической, докажетъ міру, что значитъ истинная философія. Затѣмъ, въ одно прекрасное утро, онъ явился къ Новицкому и объявилъ, что пришелъ по очень важному дѣлу. Орестъ Марковичъ попросилъ его въ кабинетъ.

— Видите ли г. профессоръ, въ чемъ дѣло: я хочу преобразовать христіанство—оно слишкомъ устарѣло для человѣчества.

Смекнувъ въ чемъ дѣло, Новицкій принялъ надлежащія мѣры; пока реформаторъ развивалъ свою теорію объ устройствѣ новой религіи, онъ послалъ за инспекторомъ и юнаго реформатора свели въ студенческую больницу. Тамъ до пріѣзда родителей онъ находился около двухъ недѣль, не переставая философствовать.

Товарищей онъ не узнавалъ, принимая ихъ за еретиковъ, а полковника постоянно титуловалъ превосходительствомъ. Польщенный такимъ величаніемъ, инспекторъ сталъ увѣрять насъ, что Матушевичъ не совсѣмъ сумасшедшій. Но когда больной принявъ полковника за царя Ирода, намѣревался схватить его за усъ, тогда только испугавшійся гвардеецъ призналъ несчастнаго дѣйствительно помѣшаннымъ.

Въ гостяхъ у монаха.

По окончаніи экзаменовъ мы съ Добрашовымъ совершили фантастическое путешествіе по Днѣпру въ незабвенное Сваромье. Сидя однажды вечеромъ въ Царскомъ саду, мы заглядѣлись на Заднѣпровье: на лугахъ тамъ и сямъ свѣтились огоньки рыбаковъ, широкая полоса Днѣпра сверкала во мракѣ, отражая въ своей

зеркальной поверхности звѣздное небо. Наслаждались мы этою картиной молча.

— А что еслибъ мы съ тобой, дружище, махнули вверхъ по Днѣпру dahin, dahin, wo die Zitronen blühn? Понимаешь? задалъ я вопросъ.

— Отчего жъ, поѣдемъ, согласился пріятель. Это будетъ даже очень кстати: во первыхъ мы переночуемъ на лугу sub divo, какъ говоритъ Нейкирхъ, а во вторыхъ, я увижу тѣ хваленыя мѣста, о которыхъ ты мнѣ прожужжалъ уши.

Сказано, сдѣлано. На другой же день мы отправились на Подолъ, нашли тамъ сваромцевъ, влѣзли въ дубъ и поѣхали. Пока свѣтило и грѣло солнце и пока не заговорилъ желудокъ, мы блаженствовали.

Къ вечеру, подъѣзжая къ Вышгороду, мы стали томиться голодомъ. Съ собой у насъ не было никакихъ запасовъ. Что дѣлать? Увидѣвъ подъ горой шалашъ, я направился туда добывать провизію. Тамъ я нашелъ семью жидовъ: дѣти въ порванныхъ и грязныхъ рубашенкахъ копошились на полу или лучше на пескѣ; на треногомъ подобіи стола стояла коза, жуя жвачку и тряся своей наполеоновской бородкой; на палатяхъ охала больная старуха; другая еврейка помоложе, мать ползавшихъ по полу дѣтей, стояла возлѣ печки съ рогачомъ и готовила обѣдъ. „Нѣтъ ли у тебя продать чего нибудь съѣстного? „обратился я къ ней черезъ отверстіе въ шалашъ.

— Що у мене есть? мы сами съ голоду дохнемъ, отвѣчала мнѣ болѣзненнымъ голосомъ еврейка.

— А этого не можешь продать? спросилъ я ее, указывая на лежавшую тутъ только что зажаренную рыбу, долженствовавшую насытить цѣлую семью.

— Ну, дайте мени 40 грошей да й возьмить соби.

— А что жъ вы сами будете ѣсть?

— Ну, мы будемъ исты хлибъ та цыбулю. Коза дасть молока дѣтямъ.

Торгъ состоялся. Схвативъ добычу, я побѣжалъ къ рѣкѣ поѣлиться ею съ пріятелемъ. Но увы! отвѣдавши жидовской стряпни, мы скоро разочаровались въ надеждѣ утолить свой голодъ: рыба до того была пропитана перцемъ, что во рту словно огнемъ жгло.

А тутъ еще предательскій совѣтъ товарища напиться послѣ кушанья воды—хоть на стѣну лѣзь! Но полакомившись рыбой, мы должны были побѣдить другого противника — нестерпимый холодъ ночью надъ водою. Мы убѣдились на опытѣ, что изъ прекраснаго далека все кажется привлекательнѣе: издали мы любовались огнями и завидывали тѣмъ счастливцамъ, которые наслаждались ночлегомъ на лугу, вдыхая въ себя ароматическій воздухъ, пропитанный запахомъ травъ и цвѣтовъ и засыпая здоровымъ сномъ подъ трескъ потухающаго костра. Костеръ то и мы развели, да все таки онъ не могъ согрѣть насъ, весьма легко одѣтыхъ, съ пустымъ желудкомъ, надъ самымъ Днѣпромъ. Сколько мы ни старались согрѣться усиленнымъ движеніемъ и разными гимнастическими упражненіями—ничто не помогало. А вѣдь до Межигорья рукой подать: стоило только обогнуть гору и мы бы покоились на мягкой перинѣ любезнаго кума и благодѣтеля Ивана Маркевича. Къ утру стало еще невыносимѣе. Такъ какъ мы не могли найти достаточно топлива, то костеръ нашъ скоро погасъ. Пристали мы къ хозяину дуба и заставили его продолжать путешествіе, что бы сколько нибудь согрѣться, работая веслами. Ворча и подтрунивая надъ нашимъ горемъ, онъ отчалилъ. Около 7 часовъ утра мы сидѣли уже за чаемъ. Выпивъ по три стакана горячаго чаю да еще съ ромомъ, и плотно покушавши, мы избавились, быть можетъ, отъ опасныхъ послѣдствій простуды и весело продолжали свой путь. Около часу мы были уже въ Сваромьѣ у почтеннаго о. Василія. Въ ожиданіи обѣда, посѣтили завѣтныя мѣста. Насъ сопровождалъ и самъ батюшка, который до того расчувствовался, вспоминая недавнее прошлое, когда жилъ тутъ лѣсничій съ семействомъ, что даже прослезился. Особенно жаль ему было разставаться съ кузиной, къ которой онъ питалъ чувство самой нѣжной привязанности, близкое къ обожанію. Мы посѣтили сельское кладбище, осѣненное столѣтними соснами, число которыхъ значительно убавилось: ихъ весною унесъ Днѣпръ, вмѣстѣ съ костями покойниковъ, отмежевывая собѣ ежегодно часть песчанаго берега и угрожая въ будущемъ цѣлому селенію своимъ непріятельскимъ нашествіемъ[1]). Исчезла подъ водой и половина ого-

[1]) Въ настоящее время, по разсказамъ крестьянъ, мѣсто, гдѣ было село покрылось водой, а жители переселились на болѣе возвышенное.

рода, гдѣ четыре года тому назадъ росли такіе сочные арбузы... Бровки и Жучки постарѣли и едва узнавали стараго знакомаго полуослѣпшими глазами. Не измѣнился только хозяинъ квартиры лѣсничаго хромоногій Тимишъ, вѣчно веселый и живой, со всегдашнимъ своимъ юморомъ и плутовскою усмѣшкой на рябоватомъ лицѣ.

Посидѣвъ на берегу Днѣпра подъ сосною и насладившись до сыта пріятною бесѣдой о старинѣ, мы отправились къ батюшкѣ на обѣдъ, а послѣ обѣда затѣяли совершить прогулку къ о. Иліодору въ Тарасовичи, версты за четыре отъ Сваромья. Путь лежалъ лѣсомъ, который, благодаря ревностному опеканію казенной собственности гг. лѣсничими, втеченіе четырехъ лѣтъ значительно порѣдѣлъ. Протрясшись порядкомъ на поповской чертопхайкѣ по корнямъ вѣковыхъ сосенъ, мы благополучно прибыли къ монаху и готовы были къ новому, еще обильнѣйшему угощенію. Домъ, занимаемый о. Иліодоромъ, представлялъ собой прекраснѣйшую помѣщичью усадьбу. Окруженный съ трехъ сторонъ лѣсомъ, фасадомъ онъ выходилъ на озеро, соединяющееся съ Днѣпромъ узенькимъ проливомъ и потому изобилующее всевозможными рыбами. Обширный дворъ кругомъ застроенъ сараями, гдѣ приготовлялась рыба въ прокъ бабами изъ Тарасовичей и загроможденъ рыболовными снастями. Въ озерахъ, завѣдываемыхъ о. Иліодоромъ было такое обиліе рыбы, что, не смотря на великое множество лаврскихъ потребителей, остается столько, что ее солятъ и продаютъ, выручая ежегодно весьма почтеную сумму въ пользу св. обители. У крыльца насъ встрѣтилъ честной отецъ своимъ обычнымъ восклицаніемъ: „Ааа! и вы пріѣхали“.

Онъ былъ по домашнему, въ старенькомъ подрясникѣ, подпоясанномъ широкимъ кожанымъ поясомъ, въ остроконечной монашеской шапкѣ. Поздоровавшись съ радушнымъ хозяиномъ, я между прочимъ спросилъ:

— А гдѣ же, отче, ваша лисичка, что тутъ бѣгала по канату съ однаго конца двора на другой?

— Волкъ, бездѣльникъ, волкъ! не повѣрилъ я вамъ, когда вы увѣряли меня что то волкъ, я все думалъ, что лисичка, а онъ, разбойникъ, выросъ, перегрызъ веревку и отблагодарилъ меня за мое о немъ попеченіе: задавилъ двухъ барановъ, что были возлѣ лошадей, да и убѣжалъ въ лѣсъ.

Дѣло въ томъ, что крестьяне подарили монаху маленькаго волченка, увѣривъ его, что то лисичка. Онъ ее кормилъ и холилъ, стараясь сдѣлать ручною, забывъ народную поговорку: волка сколько ни корми, а онъ все въ лѣсъ смотритъ.

— Просимъ же покорно до моей убогой монашеской хаты!

Вошли, помолились на образа и сѣли.

— Михайло! кликнулъ хозяинъ въ другую комнату, поставьте самоваръ.

Вышла высокая, мрачная фигура, вся обросшая густыми съ просѣдью волосами, взяла двухведерный самоваръ и исчезла съ нимъ молча за дверью. Чаемъ обыкновенно начиналось монашеское угощеніе, въ какое бы время дня и ночи ни пріѣхалъ гость. Чай подавался въ огромныхъ межигорскихъ чашкахъ, вмѣстимость каждой изъ нихъ безъ малаго равнялась вмѣстимости суповой вазы. Выпили мы, по двѣ такихъ порціи, а хозяинъ подноситъ по третьей съ прибавочкой. Не безъ страха приступили мы къ осушенію предложенной чаши, и когда окончили, радушный хозяинъ проситъ выпить еще по одной. Но мы съ Добрашовымъ отказались на отрѣзъ.

— Ото вже, якіе вы! Я монахъ, а колы двухъ чашекъ не выпью съ прибавкой, то и не засну, а вы въ мірѣ живете, вамъ бы слѣдовало больше меня выпить!

Послѣ чаю о. Иліодоръ повелъ насъ въ садъ, со множествомъ сажалокъ, въ которыхъ плавали огромные судаки, лещи, коропа. Хозяинъ предложилъ намъ выбрать на жаркое любыхъ рыбъ. Пойманные, по нашему указанію, исполины отправлены на кухню и едва мы успѣли обойти садъ и пройтись по берегу озера, отставной гвардеецъ Михайло уже успѣлъ съ ними управиться и насъ пригласили закусить. Надобно отдать честь искусству приготовленія блюдъ монашескимъ поваромъ: это не то, что жидовская фишъ— это объѣденіе! Ужинъ сопровождался приличными возліяніями, слѣдуя совѣту римскихъ гастрономовъ: post pisces vinum misces! Наливки и медъ оказались великолѣпными. А между тѣмъ, пока мы смаковали разныя питія, вкусомъ и букетомъ нектару неуступающія, на озерѣ снаряжался огромной величины дубъ для самой лучшей тони, какія только находились во владѣніи о. Иліодора. Желая доставить гостямъ полнѣйшее удовольствіе, хозяинъ устроилъ

невиданное нами зрѣлище. На дубѣ сидѣло около 30 человѣкъ рабочихъ; сложенный въ образцовомъ порядкѣ неводъ представлялъ цѣлую гору сѣтей. Не знаю доподлинно, сколько было въ немъ саженъ въ длину, не помню хорошо, что ширина его простиралась до четырехъ саженъ. Бросаніе въ воду такой снасти продолжалось около часу; неводъ, съ помощію каната, обхватилъ пространство версты на двѣ въ окружности. О. Иліодоръ, великій знатокъ рыбнаго промысла, все время стоялъ посреди дуба и раздавалъ приказанія. Закинувши неводъ, насъ выпустили на берегъ, гдѣ пылалъ костеръ, озарявшій магическимъ свѣтомъ и озеро, и лѣсъ, и монашескій котеджъ. При заревѣ костра, люди, тянувшіе неводъ и хлестко потрясавшіе по водѣ канатомъ, казались вышедшими изъ хладной глубины озера духами, а неугомонный монахъ метался во всѣ стороны въ зачарованномъ кругѣ, очерченномъ едва замѣтной полосой поплавковъ изъ коры осокоря, недававшихъ неводу погрузиться на дно и державшихъ его грозною стѣной на водѣ. Но вотъ очарованный кругъ мало по малу начинаетъ уменьшаться; вотъ сошлись уже оба крыла и всѣ 30 человѣкъ дружно принялись за самый неводъ. По мѣрѣ приближенія къ берегу „кормы“ крупная рыба, почувствовавъ близкую опасность и не находя себѣ простору, подняла цѣлую бурю. Смиренный инокъ Иліодоръ преобразился въ яростнаго предводителя пиратовъ, во время абордажной схватки: онъ неистово кричалъ, потрясая въ воздухѣ весломъ, бросался по поясъ въ воду, хватался то за одно крыло, то за другое, то бранился, то поощрялъ рабочихъ, пока не притянули къ берегу самой кормы. Увидавъ множество блещущей чешуей рыбы, монахъ издалъ какой то особенный горловой звукъ, не то пискъ, не то визгъ, не то рычаніе звѣря; однимъ словомъ, что то такое, что напоминало торжество хищника, сжимающаго въ когтяхъ пойманную добычу. Рыбы было громадное количество, и какое разнообразіе: сомы, щуки, лещи, язи, окуни... Да и неудивительно; на этой тонѣ, передъ самыми окнами „Начальника озеръ“, при самомъ входѣ въ Днѣпръ, только три раза въ годъ бросался неводъ. Рыбы всегда здѣсь бываетъ изобильно, но, по словамъ самого монаха, никогда столько не лавливали за одинъ разъ, сколько поймали, на наше счастье, теперь.

Небывалая удача тони объясняется отчасти и тѣмъ, что неводъ забросили передъ грозой, когда рыба особенно хорошо ловится.

Дѣйствительно, съ запада надвигалась черная туча, предвѣстница грозы. Какъ ни желательно было пересидѣть дождь за бутылкой доброй сливянки, но от. Василію нужно было почему то поспѣшить во свояси. Вѣрно побоялся матушки.

Туча неслась за нами быстро, и едва мы въѣхали въ лѣсъ, гроза разразилась съ страшною силой. Мѣлнія, сопровождаемая оглушительными ударами грома, ежеминутно озаряла непроглядную глубь лѣса, невдалекѣ отъ насъ задымилась громадная сосна, расколотая пополамъ ударомъ молніи, дождь лилъ, какъ изъ ведра, лошаденка нѣсколько разъ падала на переднія ноги, дрожа отъ страха; о. Василій шепталъ молитву—куда тотъ и хмѣль дѣвался.

У насъ на троихъ былъ единственный парусинный зонтикъ, которымъ, по праву владѣльца, пользовался одинъ батюшка. У меня давно уже сухой нитки не было и мнѣ стало завидно, что попъ, одѣтый въ суконную рясу, а слѣдовательно и болѣе меня огражденный отъ враждебной стихіи и безъ помощи зонтика, мало заботился о другихъ. Я попробовалъ завладѣть зонтикомъ хитростію:

— О. Василій! въ вашемъ зонтикѣ мѣдный наконечникъ?

— Да, мѣдный, а что?

— А то, что это очень небезопасно: вѣдь металлъ притягиваетъ электричество—вы знаете?

Вмѣсто отвѣта, батюшка чуть не бросилъ зонтика на землю, но я остановилъ его и устроилъ себѣ защиту отъ дождя.

— А вы зачѣмъ же держите надъ собой зонтикъ? спросилъ онъ.

— Да мнѣ то что? мнѣ нечего бояться—одна голова не бѣдна, за мною никто не заплачетъ. Вотъ вамъ дѣло другое: у васъ семья.

Уже стало свѣтать, когда мы постучались у воротъ церковнаго дома. Хороши мы были тогда! Прежде всего нужно было позаботиться о томъ, что бы сбросить мокрое платье и обсушиться; а такъ какъ у насъ не было другой перемѣны бѣлья, то мы, скинувши все, остались въ томъ, въ чемъ насъ мать родила. За стѣной слышалось змѣиное шипѣнье неспавшей всю ночь матушки.

Ушедши благополучно отъ грома, бури и молніи, батюшка никуда не могъ уйти отъ гнѣва своей супруги. Предметомъ препи-

рательства между ними была постель для насъ—странниковъ: разсвирѣпѣвшая попадья не только не хотѣла дать намъ никакой постели, но не позволила батюшкѣ предложить намъ рваное одѣяло для прикрытія наготы нашей.

Пока о. Василій возился съ своей неукротимой супругой, мы, отыскали въ шкафчикѣ графинчикъ съ полынной и согрѣли дрожавшее нутро живительною влагой, такъ что, когда вошелъ къ намъ батюшка, волоча за собой цѣлый ворохъ всякой рвани для сооруженія намъ логовища, то мы попотчивали и его, а онъ за то принесъ намъ бутылочку вишневки, а тамъ и самоваръ поспѣлъ. Согрѣвшись такимъ манеромъ окончательно, мы вовсе не ложились спать, а дождавшись, пока высохла одежда, отправились на село искать дуба для обратнаго путешествія, избѣгнувъ тѣмъ способомъ встрѣчи съ новѣжественной хозяйкой, не оказавшей намъ гостепріимства.

Лѣтъ 20 спустя, мнѣ случилось быть въ Лаврѣ. Вошедши въ церковь, я увидѣлъ стоящаго въ „формѣ“ стараго инока. Присмотрѣвшись къ нему, я узналъ о. Иліодора. Онъ былъ уже іеромонахомъ и казначеемъ.

— Зачѣмъ вы, отче, оставили Тарасовичи? тамъ такъ хорошо жилось вамъ когда то на свободѣ, спросилъ я его.

— Что жъ бы я тамъ высидѣлъ? Я былъ тамъ простой монахъ, а теперь меня іеромонахомъ сдѣлали! похвалился онъ.

О честолюбіе! не чуждо ты и людей, отрекшихся отъ міра! И подъ монашескій клобукъ не уйдешь отъ тебя!

Лѣтъ черезъ пять послѣ этого послѣдняго нашего свиданія, о. Иліодоръ принялъ схиму и умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ въ ангельскомъ чинѣ...

Прощаніе съ родиной.

Послѣднія свои студенческія каникулы я провелъ на родинѣ. Избравъ темой для кандидатской диссертаціи „Послѣднее десятилѣтіе русской словесности“ (съ 1834—1844), я разсчитывалъ заняться ею дома, такъ какъ матеріалъ для нея былъ у меня подготовленъ еще въ Кіевѣ; но увлекшись охотой и разными похожде-

ніями по окрестнымъ весямъ, я рѣшительно ничего не сдѣлалъ путнаго. Написалъ, правда, нѣсколько дружескихъ посланій и стихотвореній въ анакреонтическомъ родѣ, которыя хотя тоже относились къ послѣднему десятилѣтію русской литературы, но большая часть изъ нихъ канула въ Лету, о чемъ, конечно, не очень пожалѣетъ потомство.

Натѣшившись вдоволь охотой, я посвятилъ нѣсколько дней бесѣдѣ съ родными, оставаясь безотлучно дома. Наканунѣ моего выѣзда, ночь была такъ хороша, что я просидѣлъ до зари у растворенаго окна своей „келіи“. Полный мѣсяцъ, пробиваясь сквозь густыя вѣтви деревъ, освѣщалъ садъ, располагая къ мечтательности. Тишина была мертвая.

Вдругъ изъ за угла показалась бѣлая фигура. Внезапность такого появленія обняла меня страхомъ. Настроенная на тонъ чудезнаго и таинственнаго фантазія, подъ вліяніемъ балладъ Жуковскаго, готова была вспыхнуть блуждающимъ огнемъ суевѣрія; но послѣ минутнаго испуга, разсудокъ вступилъ въ свои права. Вглядѣвшись въ „привидѣніе“, я узналъ въ немъ сосѣдку Жучиху. Эту несчастную женщину весь городъ считалъ страшною вѣдьмой. Но для меня, прослушавшаго курсъ „Исторіи души“ у П. С. Авсенева, женщина эта показалась лишь жалкою больною. Я тихо назвалъ ее по имени. Она вздрогнула, оглядѣлась вокругъ себя и со слезами стала просить у меня прощенія, сама не зная въ чемъ. Она рѣшительно не сознавала, какъ очутилась въ саду, когда вышла изъ дому и зачѣмъ? При полнолуніи, какъ извѣстно изъ исторіи душевныхъ болѣзней, для страдающихъ лунатизмомъ настаетъ самый трудный періодъ: не проходило ночи, чтобы Жучиху гдѣ нибудь не встрѣтили; не было утра, что бы ее не проклинали сосѣди. Бѣдная женщина! Никто не въ состояніи помочь ей; никто не сжалится надъ нею: всѣ ее чуждаются, боятся, ненавидятъ. Суевѣры—горожане, проходя мимо ея дома, ограждаютъ себя крестнымъ знаменіемъ, нечаянная встрѣча съ ней считается предвѣстіемъ несчастія; родныя дѣти выгоняютъ изъ дома, не будучи въ силахъ переносить попрековъ отъ сосѣдей; съ ея внуками и внучками не хотятъ играть дѣти, уходя отъ нихъ прочь безъ оглядки.

Спустя нѣсколько дней послѣ описанной встрѣчи въ саду, (поѣздка моя была на нѣсколько дней отложена) въ одно прекрасное утро, чуть только начало свѣтать, по берегу Десны шла торговка изъ Покровской парафіи на базаръ, съ кошикомъ подъ мышкой. Подъ „кручей“, не доходя береговой Васи, содержавшей перевозъ черезъ рѣку, она увидѣла что то бѣлое, медленно двигавшееся ей на встрѣчу, при самой водѣ. Приблизившись, она разглядѣла женщину, съ опущенною на грудь головою, полунагую, съ распущенными по плечамъ волосами. Торговка узнала въ ней Жучиху.

— Домна! Богъ съ тобою, куда ты идешь такъ рано, въ одной сорочкѣ?

Не успѣла она договорить этихъ словъ, какъ больная, услышавъ свое имя, всѣмъ тѣломъ грохнулась о земь и стала биться въ страшныхъ конвульсіяхъ. Черты лица ея безобразно исказились, кости трещали, изо рта клубилась пѣна.

Между тѣмъ совершенно разсвѣло. На зрѣлище сбѣжалась большая толпа любопытныхъ; но никто изъ нихъ не тронулся съ мѣста помочь несчастной, прикрыть ея наготу.

— А що! тараторили кумушки, доигралась, на свого таки наскочила! такъ тобѣ й треба, видюга!.

Такими привѣтствіями осыпали безчувственную больную окружавшіе ее мужчины и бабы.

Прибѣжалъ наконецъ и сынъ Григорій: рознялъ ей зубы, влилъ въ ротъ воды и приводилъ въ чувство, положилъ на телѣгу и повезъ домой, сопутствуемый язвительными насмѣшками прохожихъ.

Вмѣшавшись въ толпу зѣвакъ, долго еще не расходившихся по домамъ, слыша нелѣпые, обидные толки про вѣдьму Жучиху, я попробовалъ вразумить глупое стадо разясненіемъ болѣзненнаго припадка Жучихи, стараясь пробудить въ этихъ темныхъ людяхъ не презрѣніе къ ней, а сожалѣніе, котораго она вполнѣ заслуживала. Я сталъ читать этой буйной толпѣ что-то въ родѣ народной лекціи Соляного-Городка—о лунатизмѣ.

Случалось ли вамъ, любезные мои сограждане, испытывать во снѣ, что вы какъ будто бы ходите, или бѣгаете? Хотя на самомъ дѣлѣ вы не ходите, а лежите въ своей постели, но вамъ кажется что вы ходите. Такіе сны снятся человѣку здоровому. Но есть

несчастные больные, которые дѣйствительно ходятъ во снѣ, оставляя свою постель, но не переставая спать. Такой болѣзни подвержены бываютъ не однѣ женщины, но и мужчины, молодые и старые, дѣти, страдающія глистами, дѣвицы при достиженіи совершеннолѣтія, пожилыя женщины въ истерическихъ припадкахъ, однимъ словомъ, всѣ тѣ, у которыхъ нутро испорчено, тѣлесныя машины не въ порядкѣ и потому не дѣйствуетъ правильно. Такою то болѣзнію страдаетъ и бѣдная моя сосѣдка Домна Жучиха, которую вы только что видѣли и которую вы позорите, называя ее вѣдьмой. Такія, какъ она, больныя называются „лунатиками.“

1) Они, съ перваго взгляда, совершенно похожи на спящихъ: глаза у нихъ закрыты, или если и открыты, то неподвижны, какъ у мертвеца; уши не слышатъ даже сильнаго стуку—значитъ, они спятъ.

2) Однакожъ, несмотря на свое сонное состояніе, они встаютъ съ постели, ходятъ, занимаются иногда своими дѣлами, взлѣзаютъ на крыши, ходятъ въ темнотѣ по карнизамъ и не падаютъ оттуда. Знающіе музыку играютъ на инструментахъ, поютъ, другіе разсуждаютъ, отвѣчаютъ даже на предложенные имъ вопросы; словомъ, дѣлаютъ то, что они всегда дѣлаютъ днемъ, когда не спятъ. Дѣти, вставши, или твердятъ свои уроки, или идутъ драть воробьиныя гнѣзда, женщины стряпаютъ, наряжаются, молятся или идутъ доить коровъ своихъ, чужихъ и т. п. Нѣкоторые больные склонны въ припадкѣ къ воровству, къ порчѣ вещей своихъ и чужихъ, даже обнаруживается наклонность къ убійству и самоубійству.

3) Похожденія лунатиковъ начинаются, по большой части, въ началѣ новолунія, съ прекращеніемъ мѣсяца становятся чаще, а съ ущербомъ прекращаются. Вотъ отчего больные любятъ бродить при лунномъ свѣтѣ, въ мѣсячную ночь, какъ это было всегда съ Жучихой. Когда случится, что мѣсяцъ зайдетъ за хмару, больные нерѣдко просыпаются, возвращаются домой и ложатся въ постель.

4) Я вамъ уже сказалъ, что самый сильный стукъ не въ состояніи разбудить лунатика, но стоитъ только назвать его по имени—онъ тотчасъ пробуждается. Такъ было и съ несчастной Домной. У меня въ саду, назадъ тому три дня, въ пятницу, я ее окликнулъ и она проснулась, заплакала и пошла домой.

5) Послѣ пробужденія, больные совсѣмъ не помнятъ о своихъ похожденіяхъ или вспоминаютъ о нихъ такъ, какъ мы, здоровые, вспоминаемъ то, что намъ приснилось.

Лекція моя была прервана дикимъ хохотомъ толпы и осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. „Глупаго учити, что камень докотити“, говорилъ еще въ XII столѣтіи блаженной памяти Даніилъ Заточникъ. Я горячился, укорялъ своихъ согражданъ въ жестокосердіи, а они продолжали скалить зубы. Косоглазый шаповалъ Маслёнка отнесся ко мнѣ съ такою любезностію:

— Бачъ, лыхо ёго батьку, яке учене зробылось, що хоче старыхъ людей навчать! А чи давно воно тутъ по берези съ удочкой бигало.

— Эгежъ! поддакнулы баби: яйця да курей учать!

Это была моя первая и послѣдняя попытка просвѣтить заскорузлые въ непроходимомъ невѣжествѣ умы моихъ согражданъ. Потерпѣвъ fiasco, я, отряхши прахъ отъ ногъ своихъ, направилъ стопы своя на далекую чужбину—проповѣдывать съ учительской каѳедры—межи Чехи и Лехи.

Nemo propheta est patriae suae.

М. К. Чалый.

ПОДСУДОКЪ.

ОЧЕРКЪ ИЗЪ ВОЛЫНСКОЙ ХРОНИКИ.

НИКОЛАЯ САРНЕЦКАГО.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

I.

Дѣло было въ 184... году.

Въ губернскомъ городѣ Житомирѣ предстояли дворянскіе выборы на новое трехлѣтіе. Изъ среды дворянъ—землевладѣльцевъ избирались губернскій и уѣздные маршалки (предводители дворянства), предсѣдатели и ассесоры отдѣленій главнаго губернскаго суда, депутаты легитимаціонной коммисіи, кураторы (попечители) учебныхъ заведеній, делегаты по ревизіи общественныхъ запасныхъ магазиновъ, наконецъ, судьи и подсудки уѣздныхъ судовъ. Каждый землевладѣлецъ обязанъ былъ явиться въ Житомиръ къ назначенному сроку и въ качествѣ законнаго избирателя предстать въ т. наз. „выборовомъ“ залѣ.

Добраться до Житомира было въ ту пору дѣломъ нелегкимъ, особенно для жителей окрестностей Ковеля, Владиміра и Луцка: приходилось тащиться нѣсколько десятковъ миль на лошадяхъ. О желѣзной дорогѣ тогда имѣли такое же понятіе, какъ о какомъ-нибудь желѣзномъ волкѣ; объ устройствѣ шоссе еще носились лишь темные слухи; дороги были убійственны; сколько-нибудь сносныхъ гостиницъ вовсе не существовало, а

въ еврейскихъ корчмахъ и „заѣздахъ“ нельзя было ничего добыть, кромѣ водки, пива, яицъ и подозрительнаго молока; встрѣчался правда, вѣчно грязный и испорченный самоваръ или закоптелый котѣлокъ съ фаянсовымъ чайникомъ, безъ крышки или носка; о постели нечего было и помышлять. На дорогу въ Житомиръ приходилось вслѣдствіе этого запасаться полнымъ хозяйствомъ, начиная съ тюфяковъ, подушекъ и одѣялъ, свернутыхъ въ огромные узлы, и кончая коробками, коробочками, ящиками и корзинками со всякаго рода снѣдью, напитками и посудой. Тяжелое было это путешествіе, но всѣ ѣздили аккуратно, исполняя гражданскій долгъ.

Но кромѣ долга нерѣдко и другія причины поддерживали эту любовь къ поѣздкамъ въ губернскій городъ: желаніе получить извѣстную должность, поддержать или провалить того или другого кандидата, развлечься послѣ трехъ лѣтъ соннаго бездѣлья, наконецъ, поддержать и возобновить старыя знакомства и отношенія, узнать что творится на бѣломъ свѣтѣ, и т. д.

Были впрочемъ и такіе что являлись въ Житомиръ лишь въ силу приглашенія отъ маршалка. Для нихъ было совершенно безразлично, кого изберутъ на ту или иную должность. Не желая никого обидѣть, напротивъ, готовые угодить всѣмъ, являлись они въ „выборовую“ залу, брали шары, означавшіе голоса, и заботились единственно о томъ, чтобы не промахнуться и положить свой шаръ непремѣнно вправо, „на аффирматыву“. Исполнивъ такимъ образомъ свой долгъ, они начинали мечтать, какъ бы поскорѣе выбраться изъ этой непривычной сутолоки къ домашнему затишью. Они дивились и въ душѣ даже не одобряли избирателей рьяныхъ и безпокойныхъ, которые, ставъ въ оппозицію и примкнувъ къ извѣстной партіи, поддерживали однихъ кандидатовъ, проваливали другихъ, сѣяли смуту и несогласіе между братьями-дворянами—и тѣмъ самымъ, конечно, отдаляли срокъ, указанный свыше для окончанія выборовъ.

Къ числу такихъ миролюбивыхъ и безпристрастныхъ избирателей безспорно принадлежалъ и панъ Эварыстъ, владѣлецъ небольшой деревеньки на Волыни, гречкосѣй, домосѣдъ, словомъ, человѣкъ почтенный во всѣхъ отношеніяхъ. Отдаленная дере-

вушка, которою онъ владѣлъ, была не изъ послѣднихъ въ своемъ родѣ: поля съ песочкомъ, луга—все на лѣсныхъ мочарахъ. Несмотря на это, панъ Эварыстъ, хозяинъ усердный, а еще болѣе бережливый, при томъ же бездѣтный, мало по малу добился гроша,—его считали однимъ изъ самыхъ зажиточныхъ помѣщиковъ въ уѣздѣ. Пани Эварыстóва, значительно моложе мужа, женщина энергичная и работящая, была что называется завзятой хозяйкой: на нѣсколько миль въ окрестности ни у кого не было такихъ коровъ, такой домашней птицы, никто не приготовлялъ лучшаго масла, превосходнѣйшихъ сыровъ, чудеснѣйшей ветчины или копченаго гуся; а наливки, варенья, повидла, сласти разныя—просто пальчики оближешь. Распорядительная и неугомонная, пани Эварыстóва помогала мужу во всѣмъ хозяйствѣ вообще, и кто знаетъ, весь этотъ порядокъ и разумная бережливость, а затѣмъ и достатокъ—не были-ли они всецѣло дѣломъ пани Эварыстóвой.

Панъ Эварыстъ никогда не занималъ общественныхъ должностей и не нося никакого титула, очевидно, не могъ передать его и своей женѣ.

Между тѣмъ, по традиціонному обычаю, какая-нибудь судейша, подсудкóва или депутатóва пользовались привилегіей первенства къ кругу уѣздныхъ домъ, совершенно независимо отъ своихъ личныхъ достоинствъ. Поэтому, если пани Эварыстóва занимала почетное мѣсто на какомъ-либо публичномъ балу или обѣдѣ, гдѣ присутствовалъ весь уѣздный beau-monde, то этимъ она обязана была исключительно своему достатку, который могъ импонировать. Прилично меблированный домъ, рессорная коляска, четверка бравыхъ коней, дорогое шелковое платье—замѣняли титулъ. И все таки мысль объ этомъ титулѣ не давала покоя пани Эварыстóвой.

Приближалось время поѣздки на выборы.

Въ каждомъ дворянскомъ домѣ и домикѣ царствовало волненіе и бѣготня: выкатывали кареты, брички и фургоны, внимательно осматривали ихъ, исправляли, чистили, подмазывали; далѣе, выбирали лучшихъ лошадей, болѣе пригодныхъ для дальняго пути; приготовляли и упаковывали вещи, укладывали съѣст-

ные припасы,—словомъ, готовились въ дорогу такъ, чтобы имѣть подъ рукою все необходимое.

Въ домѣ пана Эварыста, гдѣ обыкновенно господствуетъ невозмутимая тишина, теперь совершенная ярмарка: стукъ, шумъ, крики, толкотня, точно, упаси Боже, на пожарѣ. Пани Эварыстóва за всѣмъ присматриваетъ хозяйскимъ глазомъ, собственноручно все приготовляетъ и укладываетъ, въ величайшемъ порядкѣ разставляетъ кострюли, горшки и горшечки, банки, бутылки, связки большія и малыя съ разными надписями: масло, сыръ, соленья, ветчина, птица, печенья, корнишоны, рыжики, повидла, варенье, старка, медъ, малиновка,—развѣ только птичьяго молока не найти здѣсь. Рядомъ на другомъ столѣ выложены горы свѣже-выглаженнаго бѣлья, одежа, постель и разныя разности. Ежеминутно подносятъ что-нибудь еще и еще, то или другое передвигается съ мѣста на мѣсто или исключается, наконецъ, все то, что должно *идти въ дорогу*, заносится въ особый реестрикъ. Неудивительно, если пани Эварыстова, женщина солидной комплекціи, что называется „утопталась“ и просто ногъ подъ собою не чуетъ. Природный румянецъ, подъ вліяніемъ бѣготни и горячаго утюга, залилъ ей теперь все лицо; потъ ручьемъ струился по лбу; выразительныя и отрывистыя приказанія, съ которыми она поминутно обращается къ слугамъ, обличаютъ нѣкоторую горячность, раздражительность и даже дурное расположеніе духа....

Панъ Эварыстъ, не желая мѣшать женѣ, старался держаться подальше и спозаранку отправился въ обходъ по хозяйству: заглянулъ въ клуню, загоны и овчарню, безъ всякой цѣли побродилъ по полямъ, зашелъ на пасѣку; завернулъ затѣмъ въ конюшню, все время болтая съ экономомъ и гуменнымъ; но должно быть темы для бесѣды изсякли, да и пора было что-нибудь перекусить, потому что панъ Эварыстъ возвратился наконецъ въ комнаты. Увидѣвши что здѣсь творится, онъ примостился въ уголку и сталъ машинально перелистывать бердичевскій календарь, который попался ему на глаза.

— Скажи пожайлуста, милый Эварсю,—замѣтила пани съ нѣкоторой ироніей въ голосѣ—зачѣмъ ты ѣздишь на эти выборы? Очень интересно!

— Ихе!—вздохнулъ панъ Эварыстъ, который обыкновенно прибѣгалъ къ этому средству, если не могъ или не хотѣлъ дать прямого отвѣта на вопросъ.

— Однакожъ?—настаивала пани:—право, интересно-бы узнать.

— Тодуню, душа моя (пани Эварыстова носила имя Теодосіи), видишь-ли, Тодуню—мягко возразилъ панъ Эварыстъ—ты иногда задашь такой вопросъ, что....

— Такой трудный, что-ли? Странно!—прервала пани брюзгливо.

— Ѣзжу, потому что всѣ ѣздятъ,—обязанъ...

— Всѣ, всѣ—зашипѣла пани—но изъ этихъ всѣхъ одинъ сталъ маршалкомъ, тотъ депутатомъ, тотъ судьей, предсѣдателемъ, ассесоромъ, подсудкомъ, а ты... а ты...

— Вотъ тебѣ разъ! кого выбрали, тотъ и сталъ... дѣло извѣстное, кажется.

— Ну, а ты что же, хуже всѣхъ, что-ли? Не такой же дворянинъ, какъ и всѣ?

— Бога ради, Тодуню...

— И тебя тоже могли-бы выбрать, но ты самъ избѣгаешь, не хочешь. Халатъ и лежанка—вотъ твое излюбленное занятіе и мѣсто! Ради халата ты на все махнулъ рукой,—просто злость разбираетъ, клянусь Богомъ!

Должно быть, послѣднія слова пани Эварыстовой сопровождались какимъ-нибудь энергическимъ жестомъ, потому что одна изъ стоявшимъ на столѣ банокъ свалилась на полъ и разлетѣлась въ дребезги.

— Успокойся, Тодуню, ради Бога—умолялъ панъ Эварыстъ.

— Прежде, когда было въ карманѣ пусто,—продолжала пани—сидѣлъ себѣ дома и смотрѣлъ за хозяйствомъ, но теперь, когда слава Богу есть средства, могъ-бы и ты сѣсть на урядѣ, какъ сидятъ другіе—прочіе. Дѣти, что-ли, насъ стѣсняютъ, неоткуда потянуться? Но лежанка, халатъ и... и... немощь, Господи прости—прибавила пани тише.

— Ихе!—тяжко вздохнулъ панъ Эварыстъ.

— Если-бы мною такъ пренебрегали, оттѣсняли, унижали, я имѣла-бы по крайней мѣрѣ настолько самолюбія, что или добивалась-бы своихъ правъ, или сидѣла-бы дома, и ужъ конечно

ни за какія коврижки не поѣхала-бы на выборы. Одно изъ двухъ: либо то, либо это...

— Да кто же пренебрегаетъ мною, кто оттѣсняетъ? О чемъ ты собственно хлопочешь, Тодуню, право, не пойму.

— Господи, Боже мой—воскликнула пани—смѣхъ людямъ сказать,—онъ не пойметъ! Развѣ не унизительно, что какая-нибудь делегатóва, ничтожество, бывшая горничная Пражмовскихъ...

— Но почему же горничная? Гувернантка—осторожно замѣтилъ панъ Эварыстъ.

— Велика бѣда! Ни я, ни моя мать, ни бабушка никогда не были гувернантками, а та твоя гувернантка, теперь жалкая делегатóва, деретъ носъ, садится впереди всѣхъ и едва удостаиваетъ взглянуть на твою жену, пренебрегаетъ мною, какъ простой шляхтянкой...

Панъ Эварыстъ, понявъ, что собирается жестокая буря, рѣшилъ ретироваться; поэтому всталъ, незамѣтно придвинулъ шапку и уже готовъ былъ скрыться, какъ вдругъ на дворѣ загрохотало, собаки залаяли и къ крыльцу подкатилъ панъ Янъ близкій сосѣдъ пана Эварыста.

— Депутатъ пріѣхалъ—молвилъ панъ Эварыстъ, заглянувъ въ окно, и поспѣшилъ на встрѣчу гостю.

II.

Пока гость явится въ комнату, познакомимъ съ нимъ читателя.

Панъ Янъ получилъ послѣ родителей богатое наслѣдство, обремененное впрочемъ значительными долгами. Ничего не понимая въ хозяйствѣ и еще менѣе въ денежныхъ дѣлахъ, легкомысленный по натурѣ, онъ велъ разгульную жизнь, не думая о будущемъ; въ кружкѣ такихъ же гулякъ онъ былъ ревностнѣйшимъ членомъ и послѣдователемъ. Не было ярмарки, скачекъ, картежной игры, попойки и скандала, гдѣ-бы панъ Янъ не принималъ дѣятельнѣйшаго участія. Состязаясь съ собутыльниками, онъ безъ разсчета тратилъ средства и здоровье и однажды въ пьяномъ видѣ дошелъ до того, что вздумалъ было насильно

овладѣть молодой дѣвушкой, дочерью бѣднаго шляхтича, которая ему приглянулась. Застигнутый на мѣстѣ преступленія, онъ былъ такъ сильно скомпрометированъ, что долженъ былъ поручить имѣнія управляющему и долго скрывался заграницей, по слухамъ, въ Турціи. Но и здѣсь ему не повезло: присвоивши титулъ барона, онъ сѣялъ деньгами пока были; затѣмъ кажется поступилъ въ военную службу, увлекся какой-то дамой, выдержалъ дуэль и едва отлежался послѣ удара шпаги или съ пулей въ боку. Для такой жизни необходимы были большія средства; поэтому управляющій его, въ виду безконечныхъ требованій денегъ, продавалъ село за селомъ, а когда нѣсколько лѣтъ спустя панъ Янъ вернулся на родину, во владѣніи его оставалась всего одна деревушка, половина которой какъ то уцѣлѣла изъ числа другихъ имѣній.

Какъ бы то ни было, это многолѣтнее шатанье по бѣлу свѣту, эта жизнь полная приключеній, о которыхъ носились самые невѣроятные слухи, наконецъ, свѣтскія манеры и французскій лоскъ, которыми любилъ щеголять панъ Янъ, создали ему извѣстную репутацію на нѣсколько миль въ окрестности. Всякому было понятно, что старый кавалеръ не станетъ сидѣть дома, да и что ему дѣлать въ одиночествѣ въ своемъ разоренномъ гнѣздѣ? Панъ Янъ любилъ общество и сильно скучалъ безъ него; поэтому, когда наступили выборы, кто-то подалъ благую мысль назначить пана Яна депутатомъ по ревизіи общественныхъ запасныхъ магазиновъ. Должность эта, не связанная въ сущности ни съ какими опредѣленными обязанностями, была создана какъ будто спеціально для пана Яна: благодаря ей онъ могъ теперь торжественно разъѣзжать въ качествѣ чиновника отъ села до села, отъ стола до стола, не упуская случая поразвлечься, вкусно поѣсть и попить,—нужно знать, что депутатъ, какъ нарочно, обладалъ просто волчьимъ аппетитомъ.

Время, безжалостно украшая сѣдиною голову депутата, постепенно измѣняло и его характеръ и наклонности, но далеко не къ лучшему. Если прежде панъ Янъ былъ легкомысленъ и забавенъ, то теперь онъ становился смѣшнымъ и несноснымъ; мѣсто побасенокъ объ успѣхахъ на чужбинѣ и видѣнныхъ тамъ

чудесахъ заняли теперь провинціальныя сплетни; панъ Янъ непрочь былъ при случаѣ и поинтриговать; охотно впутывался онъ въ чужія дѣла, чтобы выступить затѣмъ въ роли непрошеннаго посредника. На выборахъ у него было бездна работы: онъ старался плодить какія-то партіи и кружки, суетился, интриговалъ, однихъ поддерживалъ, другимъ вредилъ безъ всякой нужды, хлопоталъ и толкался безъ толку и смысла, словомъ, былъ истымъ и рьянымъ „выборовичемъ“. Хотя вліяніе депутата ограничивалось тѣснымъ райономъ, но все же съ нимъ приходилось считаться. Нѣкоторые опасались, другіе помыкали имъ, число недоброжелателей росло; а когда кто-то остроумно прозвалъ депутата „лисой“, слово это до такой степени пришлось по вкусу, что достаточно было въ разговорѣ упомянуть о „лисѣ“—всякій понималъ, что рѣчь идетъ о панѣ депутатѣ.

Панъ Эварыстъ, человѣкъ прямой и благодушный, не имѣлъ привычки осуждать своихъ ближнихъ, такъ какъ не вникалъ въ ихъ поведеніе; къ депутату относился просто какъ къ земляку и сосѣду и хотя не чувствовалъ къ нему особенной симпатіи, но принялъ его съ распростертыми объятіями, какъ всякаго гостя. Что касается пани Эварыстовой, то она, нужно сказать, видѣла людей насквозь и поэтому терпѣть не могла депутата, котораго величала не иначе, какъ шалопаемъ и проходимцемъ; но имѣя въ виду близкіе выборы и свой разговоръ съ мужемъ, прерванный пріѣздомъ пана Яна, она сдѣлала привѣтливое лицо, оправила чепчикъ и встрѣтила депутата вѣжливо и любезно.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, начались безконечныя разсужденія о будущихъ выборахъ... Оказалось, что депутатъ уже собрался въ Житомиръ и будто-бы лишь по дорогѣ завернулъ къ сосѣду, хотя сильно спѣшилъ ѣхать, потому что выборы на этотъ разъ должны имѣть рѣшающее значеніе, избирательная борьба предстоитъ жестокая въ виду существованія двухъ враждебныхъ партій, изъ которыхъ одна рѣшила удержать Бобра, а другая—провести въ предводители Швейковскаго.

Депутатъ страшно торопился, толковалъ о массѣ дѣлъ, лежащихъ у него на шеѣ, нетерпѣливо потиралъ руки, какъ будто собирался на какую-то работу, поминутно выскакивалъ на крыльцо...

но объявленіе хозяйки, что обѣдъ на столѣ, успокоило депутата—остался.

За столомъ, разговоръ о выборахъ не прерывался ни на минуту, и пани Эварыстóва вскользь замѣтила, что обоимъ панамъ лучше-бы отправиться въ одной бричкѣ четверкой, чѣмъ гонять два экипажа, восьмеро лошадей и двухъ кучеровъ. Мысль эта признана была вѣрной и практичной. Послѣ длинныхъ переговоровъ рѣшили взять бричку пана Эварыста, какъ болѣе просторную и удобную, и къ двумъ его коренникамъ припречь пару лошадей депутата, а на козла посадить Омелька, любимца пана Эварыста, превосходнаго кучера и человѣка въ дорогѣ незамѣнимаго. Такимъ способомъ пріятное соединялось съ полезнымъ: путешествовать придется въ компаніи, а расходы на худой конецъ сократятся вдвое. Комбинація эта до чрезвычайности понравилась депутату: онъ сберегалъ бричку, пару лошадей и немало расходовъ; кромѣ того, зная пани Эварыстóву какъ образцовую хозяйку, онъ былъ увѣренъ, что въ дорогѣ не придется жаловаться на голодъ,—краснорѣчивой порукой въ томъ служилъ цѣлый рядъ приготовленныхъ узловъ, которые депутатъ разсматривалъ не безъ любопытства. Поэтому онъ только *pro forma* торговался и возражалъ по вопросу о равновѣсіи въ бюджетѣ, наконецъ во всемъ уступилъ дорогой пани Эварыстóвой и былъ въ чудеснѣйшемъ гуморѣ. Пани Эварыстóва рѣшила воспользоваться такимъ настроеніемъ депутата и какъ-бы невзначай и полушутя замѣтила:

— Не забудь же, панъ депутатъ, и о моемъ старикѣ тамъ на выборахъ.

— Ихе!—смущенно оглянулся на жену панъ Эварыстъ.

— О, о... дорогая пани—отвѣчалъ депутатъ съ низкимъ поклономъ, не понимая въ чемъ дѣло.

— Вотъ уже, помнится, седьмой разъ что̀ мой мужъ ѣздитъ на выборы, и однакоже... господа дворяне слишкомъ нелюбезны съ нимъ. Отчего другимъ почетъ и вниманіе, а о мужѣ никто и не вспомнитъ? Согласись, панъ депутатъ, что обидно и тяжело....

Панъ депутатъ внезапно ударилъ себя рукою по лбу.

— Ахъ, comme j'aime Dieu, клянусь Богомъ—прервалъ онъ, возвышая голосъ — правду, святую правду сказала дорогая пани!—и тотчасъ-же обратившись въ сторону пана Эварыста, торжественно воскликнулъ:—Просимъ пана Эварыста въ маршалки, просимъ единогласно!...

— Дорогой сосѣдъ шутитъ—возразилъ панъ Эварыстъ съ благодушной улыбкой.

— Нисколько!—продолжалъ депутатъ, нимало не смутившись и съ возрастающимъ жаромъ: — Почему же это невозможно, спрошу? Шляхтичъ на загродьи равенъ воеводѣ, а достоуважаемому сосѣду почему-бы и не быть нашимъ предводителемъ? Вотъ еще!... Вѣдь мы обязаны добиваться—нѣсколько смѣшался ораторъ—чтобы шляхта, демократія, глубокочтимый пане, стала у кормила, и тогда судно, гонимое по бурному... по бурному... океану, достопочтеннѣйшій!.... Ораторъ запнулся, голосъ его пресѣкся.

— Почтеннѣйшій депутатъ—выручилъ его панъ Эварыстъ—все это такъ, конечно, но что меня касается, то я не сталъ бы и мечтать о высокомъ положеніи маршалка. Возможно-ли!...

— Такъ просимъ въ судьи!—нашелся панъ депутатъ послѣ минутнаго размышленія.

— Ни въ какомъ случаѣ! Положеніе судьи не менѣе важно, оно требуетъ извѣстныхъ способностей, знакомства съ законами. Вѣдь судья руководитъ всѣмъ, постановляетъ рѣшенія, чинитъ судъ и расправу...

— Такъ наконецъ и безъ всякихъ отговорокъ—прервалъ депутатъ—просимъ почтеннаго сосѣда въ подсудки! Ни противорѣчій, ни отказовъ! Не уступимъ ни на волосъ и конецъ дѣлу! А что будетъ такъ, достоуважаемый—прибавилъ депутатъ многозначительно—я въ томъ порукой!

И низко поклонился.

Панъ Эварыстъ думалъ было протестовать, но пани не дала ему говорить.

— Не спорь, душа моя,—молвила она мужу—панъ депутатъ лучше нашего посвященъ въ эти дѣла. Разъ онъ предлагаетъ свое содѣйствіе, слѣдуетъ согласиться и поблагодарить. Наконецъ, у

тебя братъ, который тоже поддержитъ, и какъ-нибудь это устроится, только—прибавила пани лукаво—придется забыть о лежанкѣ...

Нужно сказать, что у пана Эварыста былъ братъ, который владѣлъ деревней по сосѣдству, но получивъ въ приданое за женой имѣніе въ овруцкомъ уѣздѣ, обыкновенно жилъ тамъ.

Часа черезъ два послѣ обѣда, огромная бричка пана Эварыста, вполнѣ снаряженная и представлявшая настоящій возъ сѣна, уже стояла передъ крыльцомъ. Омелько въ новой свиткѣ возсѣдалъ высоко на козлахъ, ежеминутно отплевывался и такъ и сыпалъ чертями, съ презрѣніемъ поглядывая на пару кляченокъ депутата, которыхъ долженъ былъ припречь къ своимъ дышловымъ рысакамъ. Толпа слугъ и домашнихъ глазѣла тутъ же, полусловами выражая свое сочувствіе недовольному Омельку. Дворовые псы, сидя на заднихъ лапахъ, казалось съ нетерпѣніемъ ожидали минуты, когда можно будетъ выпроводить уѣзжающихъ оглушительнымъ лаемъ и пляской впереди лошадей. Наконецъ появились на крыльцѣ господа и депутатъ; пани Эварыстова обнимала мужа, осѣняя его крестнымъ знаменіемъ; депутатъ раскланивался и что-то бормоталъ; слышно было только: „будьте здоровы“, „счастливой дороги“, „до свиданья!“... Оба пана съ великимъ трудомъ взобрались на переполненную бричку; Омелько снялъ шапку, перекрестился трижды и взявъ возжи въ руки, издалъ свое: віо! го!... Лошади тронули разомъ, псы заливались, пыль поднялась столбомъ, окутала весь дворъ, закрыла бричку; нѣкоторое время слышенъ былъ еще грохотъ экипажа, затѣмъ все умолкло... уѣхали!

III.

Нашимъ путешественникамъ предстояло нѣсколько дней пути и нужно было спѣшить, потому что день выборовъ приближался; поэтому ѣхали вскачь, несмотря на отвратительную дорогу (о поддержаніи которой никто не заботился: дожди ее портили, солнце сушило, а колеса бричекъ и возовъ укатывали какъ попало). Сидя въ тряской и неудобной бричкѣ, которая ежеминутно подскакивала, какъ мячъ, наваливаясь то вправо, то влѣ-

во, наши спутники болтались, толкали и тѣснили взаимно другъ друга; время отъ времени они должны были высаживаться, чтобы исправить что нибудь или обойти пѣшкомъ разоренную плотину, или дырявый мостикъ; ночевали и подкармливали лошадей въ грязныхъ и ободранныхъ корчмахъ—и несмотря на все это, путешествіе не казалось имъ ни тяжелымъ, ни мучительнымъ! Крылась ли причина тому въ привычкѣ, терпѣніи и закаленности, или все объяснялось нѣкотораго рода рѣшимостью отчаянія—важно то, что спутники наши не издавали стоновъ, а наоборотъ, безпечно бесѣдовали другъ съ другомъ и, что́ еще важнѣе, время отъ времени дремали самымъ комфортабельнымъ образомъ, совсѣмъ какъ дома гдѣ-нибудь, въ удобномъ креслѣ передъ каминомъ.

Старая какъ міръ пословица гласитъ:

„Towarzysz w drodze mowny
„Starczy za wozek smarowny.
(Разговорчивый попутчикъ
Стоитъ хорошаго возка).

Именно такимъ попутчикомъ для пана Эварыста былъ депутатъ: рѣчь неизсякаемымъ потокомъ лилась съ его устъ. Онъ разсказывалъ разные случаи и приключенія, импровизировалъ забавныя побасенки и шутки, декламировалъ самые разнообразные стишки въ легкомъ и комическомъ родѣ. Все это забавляло-бы пана Эварыста, если-бы панъ депутатъ не имѣлъ привычки бранить все, что попадалось на пути, сравнивая съ видѣннымъ якобы въ чужихъ краяхъ. Повѣрить пану депутату, оказывалось, напримѣръ, что соловьи поютъ здѣсь хуже, нежели на Рейнѣ; кукушки куковали хрипло и немелодично; скворцы чирикали по-воробьиному; виды по Горыни и Случи казались депутату однообразными, безъ простора и перспективы; села—лишены всякой оригинальности и далеко не живописны; палацы и дома, напр. въ Романовѣ и Мирополѣ—неизящны и тяжеловѣсны; равнины утомляли взоръ своею монотонностью, лѣса—скрывали виды, воды—недостаточно прозрачны... Даже сельскія красавицы съ ихъ кокетливыми улыбками не удостоились одобренія пана депутата: куда имъ до тѣхъ, что приходилось видѣть на востокѣ, въ Тиро-

лѣ, Пиренеяхъ и Богъ-вѣсть въ какихъ еще заморскихъ земляхъ. Все это немного досаждало и сердило пана Эварыста, который упорно доказывалъ, что нѣтъ лучше, какъ свое, и пробовалъ хоть въ чемъ-нибудь разубѣдить депутата. И вотъ, когда минули Чудновъ и углубились въ огромную дубовую пущу въ окрестностяхъ Трехъ-Горъ и Денешъ, панъ Эварыстъ предложилъ небольшую прогулку; замѣтивъ у дороги свѣжій пень недавно срубленнаго гигантскаго дуба, онъ подвелъ сюда пана депутата, растянулся на пнѣ во весь ростъ и воскликнулъ съ торжествомъ:

— Взгляни-ка, дорогой сосѣдъ! Отъ ногъ осталось добрыхъ полтора фута, значитъ дубъ-то не меньше шести локтей въ діаметрѣ!... Вотъ великанъ... вотъ такъ дубъ, пане!

— Ничего особеннаго, сосѣдъ—спокойно возразилъ депутатъ—заграницей такіе дубы—да это просто прутья...

— Ихе!—фыркнулъ возмущенный панъ Эварыстъ и вскочилъ на ноги.

Депутатъ понялъ, что хватилъ черезъ край, и поспѣшилъ исправить дѣло:

— Шутки въ сторону,—дубокъ конечно недуренъ, а этотъ пень—настоящій столъ. Хоть десять персонъ угощай. Сколько разъ случалось бывать въ лѣсу на пикникахъ... въ Фонтенбло, напримѣръ...

— Ну, что жъ, быть можетъ хоть вдвоемъ закусимъ?—сообразилъ догадливый панъ Эварыстъ.

— Avec plaisir, съ удовольствіемъ,-- отвѣчалъ депутатъ съ пріятной улыбкой.

Омелько принесъ огромную корзину и поставилъ на пнѣ. Депутатъ осушилъ чару старки и уплеталъ за троихъ; все ему пришлось по вкусу, а когда панъ Эварыстъ откупорилъ бутылку малиновки и подалъ полный стаканъ депутату, послѣдній, осушивъ его моментально, поднялъ стаканъ надъ головой и съ улыбкой удовольствія созерцая его, патетически воскликнулъ: цвѣтъ, видъ, вкусъ и запахъ... восхищеніе!

Щелкнулъ языкомъ и прибавилъ:

— Parole d'honneur, клянусь частью, такой прелести, правду сказать, не пивалъ и въ Парижѣ... délicieux!

— Ну, хоть этимъ угодилъ—подумалъ про себя панъ Эварыстъ.

— Удивительная хозяйка почтеннѣйшая наша пани подсудко́ва—вставилъ депутатъ.

— Ужъ будто и подсудко́ва?—возразилъ панъ Эварыстъ съ улыбкой.—Дорогой сосѣдъ не поймавъ уже скубетъ.

— Слово сказано—не отступлюсь!—настаивалъ депутатъ.—Утро вечера мудренѣе: дѣло вѣрное! Но летимъ, летимъ, дорогой сосѣдъ, нечего мѣшкать, еще три проклятыхъ мили осталось да песокъ въ придачу.

Къ вечеру наши странники прибыли въ Житомиръ. Пока перебрались вбродъ черезъ рѣчку Каменку, протекающую подъ городомъ, и вскарабкались по убійственной мостовой на крутую гору, называемую Чудновской улицей, наступилъ полный мракъ. Заморосилъ дождь, а между тѣмъ нужно было еще доставить пана депутата къ какому-то родственнику, жившему у „Дѣвичьей площади“, затѣмъ отправиться на другой конецъ города и разыскивать постоялый дворъ. Поэтому, когда промокшій и измученный панъ Эварыстъ остановился въ Виленской улицѣ передъ „заѣздомъ“ Тышкевича, гдѣ съ трудомъ нашлась еще незанятая конурка, было уже поздно и оставалось лишь подумать объ отдыхѣ.

Услужливый „мишуресъ“ подалъ самоваръ.

— Ну, что у васъ тутъ новенькаго?—освѣдомился панъ Эварыстъ.

— Слава Богу, все благополучно, ясне-пане.

— Наплывъ большой?

— Ой вей! всѣ ясне-панове уже тутъ, всѣ заѣзды заняты, въ панскихъ домахъ полно, великій гармидеръ, а завтра выборы. Ясне-панъ какъ разъ поспѣлъ.

— Что́ за постой теперь?

— Два злоты.

— Да ты въ своемъ ли умѣ!—воскликнулъ панъ Эварыстъ—за что такъ дерете?

— Вѣрьте совѣсти, ясне-пане! Станція и конюшня на четверку, а выборы—не въ счетъ?

— Овесъ по чемъ?

— Четверикъ на десять гарнцевъ по злоту, съ сѣчкой.

— Вотъ деруть безбожно... А обѣдъ?

— Обѣдъ? тоже по злоту. Не хуже какъ у Микульскаго—тамъ берутъ два злоты и полрубля, а никто не скажетъ, что деруть,—на то фанаберія!

— Ну помни же: завтра утромъ подай самоваръ да приведи цирульника волосы стричь. Больше ничего.

— Ничего?—повторилъ мишуресъ, простоялъ еще съ минутку какъ бы въ раздумьи и вышелъ озираясь.

IV.

Несмотря на усталость, панъ Эварыстъ долго не могъ уснуть. Мысль о предстоящихъ выборахъ, о кандидатурѣ, которую нужно было поставить въ угоду Тодунѣ, о вмѣшательствѣ депутата, которое что-то не улыбалось пану Эварысту, наконецъ, о возможной удачѣ—все это до крайности волновало нашего героя: онъ ворочался на постели, стоналъ, вскакивалъ, закуривалъ трубку, снова укладывался и только подъ утро захрапѣлъ такъ сильно и глубоко, что проснулся уже поздно. Нужно было торопиться, панъ Эварыстъ вскочилъ, кликнулъ „мишуреса“ и поспѣшно приступилъ къ туалету. Тутъ возникли новыя и непредвидѣнныя затрудненія: въ послѣдніе три года панъ Эварыстъ, очевидно, такъ располнѣлъ, что парадное его убранство, въ особенности мундиръ, оказывалось тѣснымъ; тщательно сберегаемыя бѣлыя перчатки рѣшительно не вмѣщали всѣхъ пяти пальцевъ; сапоги, вычищенные на-славу, какъ то ссохлись и сжимали ногу какъ въ тискахъ; по мѣстамъ не доставало пуговицъ. Панъ Эварыстъ страшно измучился и даже выбранился раза два,—случай необыкновенный, но просто силъ не было! Съ превеликимъ трудомъ удалось наконецъ застегнуть мундиръ: панъ Эваристъ долженъ былъ задержать дыханіе и вытянуться въ струнку по-военному; онъ энергично топнулъ ногой, приводя въ порядокъ сапоги, сунулъ перчатки въ карманъ, напялилъ треуголку и сердито поглядѣлся въ зеркало. „Какъ есть чучело»—подумалъ панъ Эва-

рыстъ и поспѣшилъ на Бердичевскую улицу, гдѣ находилась „выборовая“ зала.

Онъ пришелъ какъ разъ во время. Вся улица была запружена разнообразными экипажами, которые подъѣзжали ежеминутно; толпа зѣвакъ преграждала всякій доступъ. Комиссаръ для наблюденія за порядкомъ, Сташевскій, дѣтина огромнаго роста, дѣлалъ безплодныя попытки осадить наваливавшую отовсюду толпу. Панъ Эварыстъ съ великимъ трудомъ протолкался въ переднюю, но проникнуть въ залъ не было никакой возможности: толкотня была такая, точно въ церкви передъ великой заутреней. Именно въ эту минуту всѣ наличные избиратели *in gremio*, съ губернаторомъ и маршалками во главѣ, двигались рядами по залу, для участія въ молебствіи и принесенія затѣмъ присяги въ соборѣ.

Панъ Эварыстъ присоединился къ дворянамъ своего уѣзда и тутъ только впервые примѣтилъ брата и сосѣдей по имѣнію. Вся процессія чинно и въ молчаніи двинулась въ соборъ.

Блиставшій тысячью огней, изукрашенный вѣнками зелени и цвѣтовъ, роскошный храмъ былъ переполненъ публикой, которая толпилась здѣсь съ самаго утра. Пріѣхавшія на выборы и мѣстныя дамы занимали обширный притворъ. Всѣ находились подъ впечатлѣніемъ торжества, которое началось величественными, мелодическими звуками орга́на... Наконецъ взошелъ на каѳедру правившій службу капелланъ, съ осанкой торжественной и важной. То былъ прелатъ Куликовскій, нѣкогда профессоръ кременецкаго лицея, а теперь ректоръ мѣстной семинаріи, знаменитый въ свое время проповѣдникъ: онъ обыкновенно говорилъ проповѣдь на торжественномъ богослуженіи въ день открытія выборовъ.

Послѣ привѣтствія присутствующимъ и нѣсколькихъ теплыхъ словъ по адресу тѣхъ, которые сидѣли здѣсь три года назадъ, теперь же „перешли въ жизнь вѣчную, полную таинственнаго свѣта, очамъ разума непостижимаго“, ораторъ разсказалъ слушателямъ басню о лѣсныхъ деревьяхъ, которыя просили масличное дерево взять ихъ подъ свой скипетръ. Отвѣтъ масличнаго дерева, которое не желало разстаться съ своимъ жиромъ,—

намекая на лицъ, подъ разными предлогами уклонявшихся отъ общественной службы,—ораторъ передалъ такъ: „Зачѣмъ связывать себя узами долга, когда мнѣ милѣе домашнее затишье, сладкое бездѣлье, послѣобѣденный сонъ и лежанка“...

Панъ Эварыстъ поднялъ очи на проповѣдника и подумалъ „Неужели прелатъ въ заговорѣ съ моей Тодуней“.

По окончаніи службы и пѣнія „Te Deum“ избраннымъ хоромъ клириковъ подъ управленіемъ викарія Кендзерскаго и капеллана Боратынскаго, избиратели возвратились въ „выборовую“ залу.

По дорогѣ панъ Эварыстъ сообщилъ брату о своихъ честолюбивыхъ планахъ касательно мѣста подсудка.

— Неужели же, милый мой, тебѣ надоѣло домашнее спокойствіе? удивился братъ.

— Чудакъ ты!—возразилъ панъ Эварыстъ—развѣ не слышалъ что говорилъ нашъ проповѣдникъ?

— Слышалъ... но, дорогой мой, это не касается насъ, стариковъ. Мы свое отжили; теперь иное время, новыя понятія, выдвигаются молодыя силы—дадимъ имъ дорогу и удалимся на покой благодарить Господа.

— Вѣрно! Но, говоря между нами—прибавилъ панъ Эварыстъ, понижая голосъ—Тодуня просто сама не своя...

— Ага! Ну, такъ бы и сказалъ... что-жъ, рискни! Для начала вотъ тебѣ мой голосъ... и дастъ Богъ, увидимъ!

— И депутатъ обѣщалъ...

— Депутатъ! Не вѣрь ему, братъ! это... лиса...

Избиратели явились на сей разъ въ залъ собственно лишь для провѣрки списка лицъ, имѣвшихъ право голоса, и для соблюденія другихъ необходимыхъ формальностей, послѣ чего всѣ *in gremio* отправились въ домъ губернскаго предводителя, который по обычаю устраивалъ въ этотъ день завтракъ... Маршалокъ Бобръ жилъ открыто, кухня и винный погребъ были у него снаряжены превосходно, если запасовъ хватало на пятьсотъ гостей.

Замѣчаніе депутата за обѣдомъ у пана Эварыста, что избирательная борьба должна на этотъ разъ принять ожесточен-

ные размѣры, повидимому, вполнѣ подтверждалось. Выборъ губернскаго предводителя служилъ яблокомъ раздора. Избиратели разбились на двѣ главныя партіи: одна желала удержать бывшаго маршалка Бобра, который въ свое время былъ избранъ огромнымъ большинствомъ и вполнѣ подходилъ къ своему сану; другая стремилась выдвинуть людей помоложе и поэнергичнѣе и непремѣнно требовала Красицкаго или Швейковскаго... Глухая борьба, агитація и всякіе происки обѣихъ партій, происходившіе сперва за кулисами, постепенно давали себя чувствовать, возбужденіе росло и поднималось, угрожая принять острый характеръ у избирательной урны, когда голосованіе покажетъ на чьей сторонѣ перевѣсъ.

Но кромѣ выборовъ, вниманіе съѣхавшихся въ Житомиръ дворянъ было сильно возбуждено дѣломъ Млодецкаго, владѣльца множества деревень на Волыни и Украинѣ, собственника города Бродъ въ Галичинѣ. Въ это время Млодецкій уже сталъ притчей во языцѣхъ: про него разсказывали цѣлыя легенды, которыя, переходя изъ устъ въ уста въ преувеличенномъ и прикрашенномъ видѣ, приняли наконецъ колоссальные размѣры и чудовищный характеръ. Въ основѣ всѣхъ слуховъ лежали панскій капризъ, неслыханная надменность магната и безграничное его самодурство и своеволіе, жертвами котораго служили евреи принадлежавшихъ Млодецкому городовъ и мѣстечекъ, многочисленные его крѣпостные, дворовые, офиціалисты, прикащики, словомъ, всѣ, кому приходилось сталкиваться съ Млодецкимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Млодецкій, человѣкъ скупой и жадный, чрезмѣрно преданный дѣлу пріумноженія своихъ доходовъ, обложилъ еврейскіе кагалы разными поборами и повинностями; вымогалъ у крестьянъ чрезмѣрныя панщины и такъ наз. „дани“, которыя были впослѣдствіи отмѣнены закономъ [1]). Непослушныхъ и недоимщиковъ наказывали „кожанною плетью о пяти концахъ“ или бросали въ т. наз. „гусакъ“, устроенный въ палацѣ Млодецкаго [2]). Офиціалисты пана, отъ управляющаго до послѣдняго

[1]) „Дани“ состояли изъ куръ, пряжи, грибовъ, и т. п. Такъ наз. *инвентарныя правила* 24 мая 1847 г. освободили крестьянъ отъ этихъ „даней“.

[2]) „Гусакъ“—это деревянные кандалы, устроенные въ неподвижной колодѣ

писарька, исполняли тутъ же постановленные приговоры, и послѣ жестокой экзекуціи евреи, крестьяне и даже крестьянки нерѣдко платились здоровьемъ, иногда даже жизнью!... Къ ворамъ, плутамъ, бездѣльникамъ и нищимъ Млодецкій былъ неумолимъ. Конечно, насилія эти не всегда проходили безнаказанно. Но суды, весьма благосклонные къ Млодецкому, обыкновенно обрушивались на его офиціалистовъ, какъ орудія преступленія. Цѣлые томы слѣдственныхъ дѣлъ о различнаго рода насиліяхъ странствовали по разнымъ судебнымъ инстанціямъ и округамъ, такъ какъ имѣнія Млодецкаго были разсѣяны по тремъ губерніямъ и каждое дѣло производилось въ томъ судѣ, въ округѣ котораго находилось данное имѣніе. Уголовно-слѣдственныя коммисіи не выѣзжали изъ Варковичъ.

Такіе порядки завелись уже давно, потому что еще въ 1831 г. отдѣленіе главнаго волынскаго суда приговорило офиціалиста Млодецкаго, нѣкоего Тышкевича, къ уплатѣ крестьянкѣ Ульянѣ Прокоповой за побои „четырехъ копъ литовскихъ грошей“; офиціалиста Збилитовскаго за жестокое обращеніе съ крестьянами тотъ же судъ приговорилъ къ тюремному заключенію, уплатѣ двухъ копъ литовскихъ грошей и лишилъ права завѣдывать имѣніями, и т. д.

Такимъ образомъ, прячась за спину своихъ служащихъ, Млодецкій избѣгалъ всякой личной отвѣтственности, хотя было совершенно очевидно, что бо́льшая часть насилій производилась съ согласія и по прямому приказанію пана, который не разъ „засыпалъ батоги“ офиціалистамъ за малѣйшее отступленіе отъ его распоряженій.

Въ исключительныхъ случаяхъ, когда насиліе грозило личной отвѣтственностью, Млодецкій представлялъ куда слѣдуетъ добытыя путемъ насилія свидѣтельства крестьянъ, удостовѣренныя мѣстными священниками и гласившія, что—„панъ Млодецкій—якъ ридный батько: побье и пожалуе“...

Но не все коту масляница. Нашелся человѣкъ, который, не взирая на огромное вліяніе Млодецкаго, какъ магната, и не

такимъ образомъ, что нѣсколько десятковъ человѣкъ бывали ущемлены въ нихъ за ногу и лежали какъ гуси.

обращая вниманія на его гнѣвъ и угрозы, не побоялся выяснить истинное положеніе дѣла и объявить во всеуслышаніе, что виновникомъ безпрестанныхъ и безчеловѣчныхъ насилій въ имѣніяхъ Млодецкаго—былъ самъ Млодецкій! Такимъ непримиримымъ обличителемъ Млодецкаго явился маршалокъ Омецинскій. Высшее начальство, основываясь на этомъ, предало Млодецкаго суду сословныхъ представителей. Судную коммиссію составляли уѣздные предводители дворянства и столько же депутатовъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго маршалка.

Млодецкій долженъ былъ явиться въ коммиссію, собранную въ Житомирѣ, и оправдываться противъ обвиненій.

Ожидаемый пріѣздъ Млодецкаго совершился съ великимъ торжествомъ и роскошью. Въ огромной желтой каретѣ осьмерикомъ, окруженный надворными козаками, ѣхалъ самъ Млодецкій; далѣе тянулись повозки съ офиціалистами и челядью; въ концѣ двигались брички и громадные фургоны съ кухней и разными запасами. Толпы зѣвакъ глазѣли на это чрезвычайное торжество, невиданное еще въ Житомирѣ, а домъ, гдѣ остановился Млодецкій, былъ въ настоящей осадѣ!...

Всѣ думали и даже громко заявляли, что Млодецкому все сойдетъ какъ съ гуся вода и никто пальцемъ его не тронетъ. Разсказывали, что у него есть сторонники, которые станутъ за него горой. Мнѣнія расходились, интересъ былъ всеобщій, любобытство возбуждено до высочайшей степени.

— Я снабдилъ своего управляющаго Чемеровскаго—объяснялъ Млодецкій въ коммиссіи—довѣренностью, гдѣ именно указано ему блюсти и заботиться, чтобы въ имѣніяхъ моихъ наистрожайше исполнялись законы и предписанія властей. Если, какъ вы утверждаете, были безчинства, что̀ мнѣ впрочемъ неизвѣстно, пусть отвѣтитъ Чемеровскій!...

— Чемеровскій—прервалъ предсѣдатель—въ такихъ то и такихъ-то случаяхъ дѣйствовалъ согласно полученнымъ приказаніямъ...

— Ну, что-жъ—возразилъ Млодецкій, возвышая голосъ—если ему случилось исполосовать жида-мошенника, гультяя-хлопа или батогами заставить попрошайку бросить суму и палку и взяться

за цѣпъ, то что́ за бѣда? По моему, онъ былъ правъ и лучшаго желать нельзя. Считаю пренія исчерпанными и свидѣтельствую свое почтеніе...

Съ этими словами Млодецкій удалился изъ зала засѣданія.

Послѣ продолжительныхъ дебатовъ, коммиссія вынесла обвинительный вердиктъ, въ силу котораго, предоставляя подлежащимъ судамъ разрѣшить вопросъ о виновности Млодецкаго въ отдѣльныхъ уголовныхъ проступкахъ, она устраняла магната отъ управленія имѣніями, подлежавшими передачѣ въ опеку [1]).

Пока приговоръ былъ утвержденъ сенатомъ, Млодецкій умеръ.

Современники называли Млодецкаго чудакомъ. Бѣда лишь въ томъ, что чудачества свои онъ записывалъ на чужой спинѣ, слѣдовательно, не былъ безвреднымъ чудакомъ, какихъ встрѣчалось въ ту пору не мало. Напримѣръ, панъ Зе́нонъ. Онъ считалъ, что на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ ему равнаго пана. Господа Бога и всѣхъ святыхъ онъ почиталъ, но былъ убѣжденъ, что стоитъ не ниже... Разъ зимою, при переѣздѣ черезъ рѣку, подъ нимъ подломился ледъ и панъ едва спасся отъ вѣрной гибели. Благодарный панъ Зе́нонъ велѣлъ поставить на берегу памятникъ съ слѣдующею надписью:

„Pan pana od smierci zbawił—
„Pan Panu figurę wystawił [2]).
(Богъ пана отъ смерти избавилъ—
Панъ Богу „фигуру“ поставилъ).

Какой то насмѣшникъ прибилъ рядомъ съ этою надписью такое двустишіе:

„Не бойся, Зеноне:
„Кому висѣть—не утонетъ“.

Возвратимся однако въ залъ выборовъ.

Въ прежнее время, панъ Эварыстъ всегда бывало держался на выборахъ въ сторонкѣ. У него былъ излюбленный уго-

---

[1]) При этомъ исчислены были гражданскіе убытки крестьянъ въ суммѣ 72,000 руб. сер., хотя мнѣнія раздѣлились въ этомъ вопросѣ.

[2]) Игра словъ: попольски, pan—панъ и Господь Богъ. „Фигура“—крестъ съ изваяніемъ Спасителя. Подробнѣе о томъ же эпизодѣ см. въ замѣткѣ г. О. Л. „Панская пыха“ („Кіев. Стар.“ 1887 г. кн. 9, стр. 174). *Пр. пер.*

локъ за колоннами, гдѣ панъ Эварыстъ обыкновенно проводилъ время въ тихой бесѣдѣ съ какимъ нибудь благопріятелемъ о хозяйствѣ, о тяжелыхъ временахъ, иногда о политикѣ, если была подходящая тема. О томъ, что происходило въ залѣ, панъ Эварыстъ и не думалъ,—это его вовсе не касалось. На сей разъ, однако, помня о выговорахъ жены, которая упрекала его, что онъ отъ всѣхъ сторонится и на все махнулъ рукой, панъ Эварыстъ рѣшился хоть чѣмъ нибудь заявить о своихъ намѣреніяхъ и желаніи выступить на арену общественной дѣятельности; поэтому онъ счелъ нужнымъ занять другое мѣсто и держался поближе къ центру, гдѣ приходилось все время стоять на ногахъ, несмотря на безжалостные толчки, выпадавшіе на его долю. На глухо застегнутый мундиръ стѣснялъ дыханіе; жара была невыносимая. Панъ Эварыстъ украдкой взглянулъ на свой любимый уголокъ: обычный собесѣдникъ былъ уже тамъ и видимо поджидалъ пана Эварыста,—а недостатка въ темахъ не было: происходили важныя событія въ мірѣ политики; въ воздухѣ пахло порохомъ; носились слухи о питейной реформѣ, о какомъ-то акцизѣ; свеклосахарное производство на Волыни, въ Славутчинѣ начинало развиваться—словомъ, было о чемъ потолковать. Но панъ Эварыстъ боялся потерять разъ занятое мѣсто и долженъ былъ отказаться отъ всего. Его толкали и тѣснили безпрестанно, но панъ Эварыстъ держался на мѣстѣ, какъ вкопанный, отирая фуляромъ потъ, градомъ катившійся по лицу. Поминутно къ нему обращался тотъ или другой изъ сосѣдей, что-то кричали ему въ лицо, что-то доказывали, въ чемъ-то старались убѣдить, довольные, что попался молчаливый и повидимому внимательный слушатель. Панъ Эварыстъ утвердительно кивалъ головою, ровно ничего не понимая.

— Изъ-за чего они бьются—размышлялъ панъ Эварыстъ—право не возьму въ толкъ. Вѣдь если, по ихъ словамъ, Бобръ—почтенный человѣкъ и Красицкій—тоже почтенный, и Швейковскій, и Ледоховскій—такъ чего же имъ наконецъ нужно? [1]).

[1]) Если хочешь получить идеальнаго маршалка—потѣшался Кондрацкій изъ Добраго-Кута—вотъ рецептъ: положи въ реторту: фунтъ прямодушія Ледоховскаго, фунтъ такта Швейковскаго, сколько влѣзетъ богатства Сангушки; прибавь по лоту:

Не успѣлъ панъ Эварыстъ задать себѣ этотъ вопросъ, какъ надъ головой его раздались оглушительные крики:

— Просимъ пана Бóбра въ маршалки, просимъ единогласно!

— Красицкій маршалкомъ!—отвѣчали хоромъ— всѣ просимъ!

Смятеніе возрастало и поднялось такое замѣшательство и сутолока, что панъ Эварыстъ, толкаемый въ разныя стороны, едва устоялъ на ногахъ. Онъ задыхался.

— Просимъ Бóбра!—вопили одни.

— Просимъ Красицкаго единогласно!—кричали другіе.

— Къ урнѣ, панове, на голоса!

— Тише, тише! восклицали отовсюду.

Шумъ и гамъ мало по малу улеглись... Настала тишина. Всѣ молча ожидали результата баллотитировки... Подсчитали голоса—Красицкій побѣдилъ!

Буря возгласовъ и крики «браво» слились въ одно оглушительное эхо. Всѣ наперерывъ тѣснились къ новоизбранному маршалку для поздравленій. Видимо взволнованный, Красицкій вѣжливо раскланивался во всѣ стороны, благодаря за оказанную честь, и поспѣшилъ уйти изъ залы.

Всѣ двинулись за нимъ вслѣдъ и поднялась такая давка, что выходъ былъ прегражденъ совершенно. Болѣе сильные пробивали себѣ дорогу локтями, слабѣйшіе падали, а панъ Эварыстъ, жестоко прижатый въ толпѣ, былъ выброшенъ на улицу совершенно измученный, облитый потомъ, обезсиленный и почти безъ чувствъ.

Съ трудомъ дотащился онъ до своей квартиры. Подали обѣдъ, но панъ Эварыстъ и не притронулся. Онъ прилегъ, тяжко вздохнулъ и все повторялъ лишь: О, Тодуню, Тодуню!... если-бы ты знала что́ здѣсь творится!...

отваги Лозинскаго, знанія гдѣ раки зимуютъ Пражмовскаго и пониманія какъ трава растетъ Стецкаго; смѣшай; прибавь перцу въ мѣру—и получится идеальный маршалокъ.

V.

Если-бы выборы, подобные житомирскимъ, происходили въ большомъ городѣ, гдѣ издаются газеты, послѣднія отмѣтили-бы всѣ подробности и успокоили-бы любопытство публики. Житомирцамъ въ ту пору о газетахъ и не снилось, но публика безсознательно чувствовала этотъ недостатокъ и потому жадно хваталась за всякіе листки и писанья, гдѣ хотя-бы отчасти и въ случайной формѣ обрисовано было какое либо выдающееся событіе мѣстной жизни.

Въ описываемое время жилъ въ Житомирѣ доморощенный стихотворецъ, человѣкъ уже немолодой, принятый въ обществѣ, превосходно знакомый съ мѣстными отношеніями и общительный, но иногда желчный и саркастическій. Онъ сочинилъ по разнымъ поводамъ немало стихотвореній, которыя въ безчисленныхъ спискахъ ходили по рукамъ; всякое выдающееся происшествіе или событіе, въ томъ числѣ конечно и выборы, давали матеріалъ для его остроумія, которымъ онъ несомнѣнно обладалъ. Обыкновенно онъ писалъ по малорусски,—съ языкомъ этимъ былъ знакомъ въ совершенствѣ, зналъ всего Котляревскаго наизустъ.

Въ описываемое время, губернскій маршалокъ Бобръ, жившій постоянно въ городѣ, человѣкъ въ высшей степени общительный и гостепріимный и при этомъ державшій домъ на широкую ногу, не только устроилъ обычный завтракъ въ первый же день выборовъ, но и вообще щедро угощалъ все дворянство. Обѣды задавались изысканные, вина были превосходны: винный погребъ былъ собственный и снабженъ всѣмъ въ избытвѣ, а мѣстный купецъ Ринебергъ изъ „красной каменной лавки“ поставлялъ чудесное вино. Послѣ побѣды Красицкаго надъ Бобромъ, уже на другой день по городу кружили такіе стишки:

„Я казавъ вамъ, що недобре
„Буде зъ вами, пане Бобре:
„Шляхта чысто васъ окпила,
„Бо хлибъ зъила, выно спыла,
„Васъ на коши посадыла“...[1]).

[1]) „Окпила“—одурачила; „на коши посадыла“—обманула, надула: выраженія употр. и нынѣ на Волыни и заимств. съ польскаго (okpić, osadzić na koszu).—*Пр. пер.*

Не понравился также нашему юмористу и выборъ куратора мѣстной гимназіи. Дѣйствительно, выборъ былъ самый неудачный. Новый кураторъ, „съ виду похожій на лошадь, никогда въ Аѳинахъ не былъ и съ софистами не водился“, а между тѣмъ любилъ произносить спичи, пересыпая ихъ, къ довершенію несчастія, французскими фразами ни къ селу, ни къ городу. Слѣдуетъ прибавить однако, что кураторъ этотъ помогалъ не одному школьнику: вносилъ плату за право ученія, снабжалъ теплой одежей и обувью, давалъ деньги на покупку учебниковъ, посылалъ въ квартиры бѣднѣйшихъ гимназистовъ, которые не уѣзжали домой на праздники, рождественскую кутью и лично являлся съ святымъ хлѣбомъ.—Ну, хлопцы—говаривалъ онъ—будетъ у васъ кутья и первую ложку къ потолку за здоровье куратора! [1]).

Не понравился, говоримъ, выборъ куратора доморощенному поэту, который сочинилъ по этому поводу слѣдующее четверостишіе:

„Якъ-же вамъ, панове, не стыдъ и не соромъ,
„Выбрать Божыдара та ще й куратором,
„Бо якъ скоро почне въ школи мудру ричъ заводыть,
„Побачыте, що всихъ дитей дурнямы поробыть“.

Другой обыватель, овцеводъ и гречкосѣй, сколотилъ значительное состояніе, благодаря чему успѣлъ породниться съ графскимъ домомъ. Послѣ этого онъ возмнилъ себя важнымъ паномъ и водился только съ магнатами, пренебрежительно относясь къ мелкому дворянству, къ которому самъ принадлежалъ и въ свое время льнулъ всей душей.

Этому ренеегату поэтъ посвятилъ такое посланіе:

„Гей, Даныло, глянь на Бога, змылуйся надъ намы,
„Десь нечыста тебе сыла спутала зъ панамы,—
„Бо якъ скоро сіешъ гречку або й загонъ проса,
„То чого жъ ты такъ на шляхту задераешъ носа?!
„Схаменысь, Даныло, прошу, прытулысь до братьи,
„На панивъ махны рукою, най ихъ пирвуть кáты“ [2]).

---

[1]) Малорусская примѣта: если брошенная къ потолку кутья прилипнетъ—пасха будетъ хороша.

[2]) „Схаменысь“—очнись, удержись.

Такія и подобныя риѳмы возбуждали противъ автора большое негодованіе, не обходилось и безъ скандаловъ, если острякъ слишкомъ уже явно задѣвалъ кого-нибудь; пробовали, какъ говорится, клинъ клиномъ вышибать; такъ, когда юмористъ купилъ домъ, нѣкто приклеилъ на стѣнѣ такое четверостишіе:

„Nowy dziedzic kamienicy
„Chodzi tylko po ulicy,
„Węszy, gada, nic nie robi—
„Na autora się sposobi".
(Новый владѣлецъ каменнаго дома
Только ходитъ по улицѣ,
Водитъ носомъ, болтаетъ, ничего не дѣлаетъ—
Готовится въ писатели).

Клинъ, какъ видно, былъ плоховатъ, поэтому остался безъ всякаго дѣйствія. А такъ какъ на малорусскіе юмористическіе стишки существовалъ большой спросъ, ихъ читали нарасхватъ и переписывали другъ у друга, то нашъ поэтъ, польщенный такимъ успѣхомъ, не обращалъ вниманія на неудовольствіе и угрозы и продолжалъ пописывать...

Понятно, что стишки эти, переходя изъ руки въ руки, возбуждали мимолетный смѣхъ своею мѣткостью, но не оставляли по себѣ глубокаго впечатлѣнія; какъ бы то ни было, нужно сказать, что описываемые выборы отличались большею осторожностью при назначеніи тѣхъ или другихъ лицъ на общественныя должности; теперь искали молодыхъ сихъ, болѣе пригодныхъ для дѣла; такъ, куратором школъ былъ избранъ Крашевскій, явились маршалки, подобные Ледоховскому, Владиміру Швейковскому, Викентію Піотровскому и другимъ... даже Даныло понизилъ тонъ и по прежнему примкнулъ къ братьямъ—шляхтѣ!...

Хотя по закону для выборовъ былъ назначенъ лишь двухнедѣльный срокъ, за рѣдкими исключеніями, но большинство избирателей не спѣшили домой по окончаніи выборовъ. Житомиръ, при такомъ многолюдномъ и избранномъ обществѣ, какое собралось на выборы, представлялъ столько пріятныхъ развлеченій, что разстаться съ нимъ было нелегко, тѣмъ болѣе, что въ деревнѣ нечего было и мечтать о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя представлялись въ городѣ чуть не ежедневно. Кромѣ зав-

траковъ, обѣдовъ и банкетовъ, которые задавали по обычаю новоизбранные сановники въ честь своихъ избирателей, и наоборотъ,—безпрерывно тянулись публичные балы и разнообразныя развлеченія въ частныхъ домахъ и кружкахъ. Магазины мѣстныхъ и пріѣзжихъ купцовъ были въ постоянной осадѣ; модистки работали день и ночь; ресторанъ Микульскаго представлялъ настоящій адъ; кондитерскія Малиновскаго и Явора не успѣвали выполнять заказовъ; даже рѣдко посѣщаемая „усатая тетушка", которая обыкновенно продавала вкусный „верещакъ" [1]), принарядила теперь свое скромное заведеніе по мѣрѣ силъ и заготовила всего, точно въ первостатейномъ ресторанѣ: соборный клиръ съ панамъ Яншевскимъ во главѣ не былъ уже теперь единственнымъ ея постояннымъ посѣтителемъ. Словомъ, жизнь и движеніе кипѣли въ городѣ, чтобы уступить затѣмъ мѣсто трехлѣтней спячкѣ.

Кромѣ баловъ, развлеченій разнаго рода, вечеринокъ и экскурій въ окрестности Житомира, на Тетеревъ, въ городѣ существовалъ еще постоянный театръ съ ежедневными представленіями, подъ дирекціей Паулины Зелинской. Публика имѣла случай наслаждаться такими артистами, какъ Юзефовичъ, Лукашевичъ, комикъ Янковскій, игравшая въ наивныхъ роляхъ Елена Зелинская и др. Пріѣздъ знаменитаго Листа и его концертъ просто наэлектризовали публику. Извѣстный гитаристъ Маркъ Соколовскій всегда появлялся въ Житомирѣ къ выборамъ. Наконецъ, панъ Станиславъ изъ Томашграда привезъ съ собою хоръ пѣвицъ, составленный изъ тридцати слишкомъ сельскихъ дѣвушекъ, которыя подвизались на эстрадѣ, передавая малорусскія пѣсни и думки. Это былъ пріятный сюрпризъ: дѣвушки все чернобровыя, кровь съ молокомъ, въ плахтахъ краснаго аксамиту и синихъ юбкахъ съ золотымъ галуномъ, пѣли онѣ превосходно—публика валила толпой.

Для дополненія картины слѣдуетъ отмѣтить, что игра въ карты занимала не послѣднее мѣсто. „Дябелекъ" и фараонъ были тогда въ большой модѣ; золото цѣлыми горстями броса-

[1]) Верещакъ—колбаса подъ соусомъ.

лось на зеленое сукно, а „пульку“ засыпали не иначе, какъ новенькими полуимперіалами въ огромную вазу, которая нерѣдко наполнялась до краю. Нѣкто С—чъ, прозванный барономъ, по происхожденію иноземецъ, а по профессіи шулеръ, человѣкъ свѣтскій и элегантный, погружался иногда въ эти золотыя россыпи и извлекалъ приличные куши; но затѣмъ на бердичевской ярмаркѣ попался къ несчастію въ такую передѣлку, чисто какъ коса на камень, что спустилъ не только золото, но даже повозку, лошадей и весь свой скарбъ и долженъ былъ вернуться домой въ Красиловъ въ одномъ халатѣ, спрятавшись въ фургонѣ у еврея-извощика, т. наз. „балагулы“.

Развлеченія шли своимъ чередомъ, а засѣданія въ „выборовомъ“ залѣ происходили ежедневно по заведенному порядку; впрочемъ, послѣ избранія предводителей дворянства и предсѣдателей судовъ, избирательная горячка нѣсколько поулеглась; выборы низшихъ чиновниковъ уѣздными депутаціями совершались гораздо спокойнѣе, не вызывая такого гама и сутолоки. Поэтому панъ Эварыстъ, упорно не покидавшій своего мѣста въ залѣ, могъ вздохнуть свободнѣе и терпѣливо ожидать своей очереди... Онъ уже прочелъ свое имя на одной изъ урнъ подъ словомъ „подсудокъ“ и съ отчаяніемъ рѣшился ждать до конца.

Дошла наконецъ очередь и до него.

Когда секретарь собранія панъ Прóвансъ громко провозгласилъ имя пана Эварыста и вмѣстѣ съ тѣмъ назвалъ должность подсудка, на которую тотъ заявляетъ притязаніе, приглашая приступить къ выборамъ, панъ Эварыстъ конвульсивно вздрогнулъ, холодный потъ выступилъ у него на челѣ, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и сталъ за колонною, какъ бы желая скрыться... Въ эту минуту онъ походилъ на юношу, который задумалъ жениться и просилъ объ оглашеніи, но когда затѣмъ въ церкви услышалъ съ каѳедры, что это именно онъ, онъ самый намѣренъ вступить въ бракъ, мысль, какъ молнія, подсказала ему: что ты дѣлаешь, несчастный? остановись!... Но пока юноша собирался сказать это, оглашеніе кончилось. Такъ и панъ Эварыстъ, при звукѣ собственнаго имени, думалъ было выступить впередъ, поблагодарить за вниманіе и отказаться, онъ готовъ

былъ даже сорвать съ урны предательскую надпись—но то была лишь мгновенная мысль: для исполненія не хватило рѣшимости; напротивъ, желая выступить впередъ, панъ Эварыстъ обратился вспять и почти въ обморокѣ укрылся за колонной.

Черезъ нѣсколько минутъ—минутъ тяжкихъ для пана Эварыста и долгихъ какъ вѣкъ—пока шло голосованіе, секретарь съ серьезнымъ видомъ выдвинулъ ящикъ урны, предназначенный для утвердительныхъ голосовъ, и замѣтивши тамъ одинъ—единственный шаръ, свободно катавшійся по дну, печально произнесъ: одинъ голосъ!...

— Всего одинъ!—отвѣчали въ толпѣ:—маловато!...

— Браво!—воскликнулъ другой.

— Одинъ голосъ—значитъ, выбранъ единогласно,—потѣшался третій.

Такія рѣчи поразили пана Эварыста какъ громомъ: онъ затрясся, остолбенѣлъ, сердце стучало молотомъ, лицо побагровѣло; онъ дико озирался кругомъ, пошатнулся... братъ явился на выручку: взялъ пана Эварыста подъ руку, отвелъ въ сосѣднюю комнату, предназначенную для возныхъ, усадилъ, вспрыснулъ лицо водою и старался успокоить:

— Ну, что-жъ, братъ Эварыстъ, пустяки, пожалѣй себя Бога ради! Если такъ вышло—такъ неужели же умирать изъ-за этого?

Что происходило съ панамъ Эварыстомъ—описать невозможно. Отчаянію его не было границъ. Тщетно утѣшалъ его братъ, желая умѣрить его горе и внушить благоразуміе—казалось, онъ лишится разсудка!

— Умоляю тебя, успокойся—говорилъ братъ.

Панъ Эварыстъ тяжко—тяжко вздохнулъ, затѣмъ всталъ и бросившись въ объятія брату, застоналъ:

— Дорогой ты мой, единственный другъ! такой позоръ, такое униженіе въ мои годы...

И громко зарыдалъ.

— Не ты первый, не ты послѣдній—утѣшалъ его братъ—непріятно, слова нѣтъ, но зачѣмъ же такъ убиваться, нужно отнестись спокойнѣй...

— Да, я спокоенъ теперь—отвѣчалъ панъ Эварыстъ, оправившись нѣсколько—мнѣ лучше. Жаль мнѣ Тодуни, послушался, сдѣлалъ по ея волѣ. И что́ бы мнѣ захворать въ ту пору... такъ нѣтъ-же...

— Ступай, братъ, домой, отдохни, а я сейчасъ буду, лишь только здѣсь все кончится.

— Но растолкуй же мнѣ, братъ, какъ понять поведеніе депутата? Вѣдь онъ былъ противъ меня — твой голосъ былъ единственный...

— Я же тебѣ говорилъ не вѣрить депутату. Сплетникъ и интриганъ, онъ впутался въ дѣло Млодецкаго, сулилъ ему золотыя горы, говорятъ, даже погрѣлъ руки въ панскомъ карманѣ. Разумѣется, всѣ вознегодовали, а такъ какъ было извѣстно, что вы пріѣхали разомъ, то въ концѣ концовъ это и отразилось на тебѣ.

— Бога ради! Да что же у меня общаго съ депутатомъ?! Онъ попросту навязался ко мнѣ, вотъ и все.

— Знаю братъ, знаю, но всѣхъ не разубѣдишь. И кромѣ того это только мои догадки, такъ какъ ты напомнилъ о депутатѣ. Въ сущности дѣло вотъ въ чемъ: времена мѣняются такъ-то, старики должны очистить дорогу—пусть поработаетъ молодежь. Посмотри, кого выбрали въ маршалки. Посыпемъ главу пепломъ и признáемся, что они правы. Ну, иди, иди, успокойся, братъ, и баста!...

Пошатываясь и спотыкаясь о неровную мостовую, доползъ панъ Эварыстъ въ свой „заѣздъ“. Безпечная его веселость исчезла, улыбка покинула лицо, онъ казался въ отчаяніи и тоскѣ, былъ угнетенъ страшно. У воротъ его встрѣтилъ Омелько. Догадливый слуга смекнулъ, что пану плохо или онъ чѣмъ то огорченъ.

— А чы не пора намъ, пане, до дому—молвилъ Омелько—бо вже очортило въ тимъ мисти сыдиты.

— Правда, Омельку!—отвѣчалъ панъ Эварыстъ и послѣ короткаго раздумья прибавилъ: Пакуй, Омельку, и запрягай... жыво... до дому!

— А депутатъ, проше пана?—вопросилъ Омелько.

Панъ Эварыстъ только рукой махнулъ.

— То и чортъ его беры—заключилъ расторопный Омелько—покынемо его и ту кàличъ. Пара нашыхъ довезé.

Весело собирался Омелько въ обратный путь, работа такъ и кипѣла у него въ рукахъ. Часъ спустя все было готово, и панъ Эварыстъ уѣхалъ. Брату онъ написалъ письмо, которое поручилъ „мишуресу“. Лошади депутата остались въ заѣздѣ.

„Дорогой братъ,—писалъ панъ Эварыстъ—Душно мнѣ здѣсь и тяжело до крайности. Чувствую, что будетъ плохо, если еще останусь. Мнѣ нужно воздуху, ѣду. Умоляю тебя всѣмъ святымъ, пріѣзжай къ намъ. До свиданья, обнимаю тебя. Твой Эварыстъ“.

Въ тотъ же самый день происходило баллотированіе депутата на должность подсудка: не успѣлъ провалиться панъ Эварыстъ, депутатъ, тутъ какъ тутъ, тотчасъ же поставилъ свою кандидатуру, отказавшись отъ прежней должности, которая оказывалась теперь уже неподходящею для него,—депутату улыбалось жить въ городѣ.

Но онъ жестоко ошибся въ разсчетѣ. Ему казалось, что разъ его выбрали въ депутаты, когда онъ и не мечталъ объ этомъ, то большинство и теперь будетъ на его сторонѣ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ добивается мѣста. Между тѣмъ настроеніе измѣнилось, всѣ раскусили депутата и нетрудно было догадаться, что его желаютъ сплавить. Только депутатъ не понималъ этого или лучше сказать умышленно закрывалъ глаза. Результаты оказались крайне печальными для депутата: въ ящикѣ, предназначенномъ для утвердительныхъ голосовъ, вмѣсто шаровъ лежала... фига! [1]) Избѣгая скандала, панъ Провансъ ловко спряталъ ее, но стоявшіе поблизу, и самъ депутатъ въ томъ числѣ, прекрасно подмѣтили этотъ маневръ. По залу пронесся гомерическій хохотъ; разъяренный депутатъ что то забормоталъ и внѣ себя выскочилъ на улицу. Онъ летѣлъ куда глаза глядятъ, бранясь на чемъ свѣтъ стоитъ, и остановился только передъ „заѣздомъ“ Тышкевича.

— Пойду—рѣшилъ онъ—къ этому добряку и постараюсь убѣ-

---

[1]) Случалось, хотя очень рѣдко, что въ избирательную урну попадали фиги, копѣечки и т. п.

дить его отправляться сейчасъ же,—нечего намъ тутъ дѣлать, будь они прокляты...

Каково же было изумленіе и гнѣвъ депутата, когда ему сообщили, что панъ Эварыстъ уже часа два какъ уѣхалъ; а когда мишуресъ добавилъ, что лошади остались въ заѣздѣ, панъ Янъ пришелъ въ такую ярость и поднялъ такой содомъ, что передъ заѣздомъ собралась толпа любопытныхъ. Депутатъ неистово махалъ руками, бранился и разсказывалъ публикѣ свою, бѣду, не зная какъ быть теперь съ лошадьми, безъ кучера, брички и упряжи и вдобавокъ безъ денегъ!... Онъ ожидалъ сочувствія—встрѣтилъ насмѣшку. Въ страшномъ гнѣвѣ ушелъ онъ изъ заѣзда, давая зарокъ никогда болѣе не являться на эти проклятые выборы и даже не возвращаться домой на родину. На другой день депутатъ спустилъ лошадей, нанялъ извощика и уѣхалъ къ родственникамъ на Побережье [1]). Съ тѣхъ поръ онъ точно въ воду канулъ [2]).

VI.

Когда панъ Эварыстъ выѣхалъ за городской шлагбаумъ и вздохнулъ полною грудью, казалось, у него гора съ плечъ свалилась, такъ ему стало легко и привольно. Но мучительная мысль о прошломъ постепенно возвращалась, забыть все это—не было возможности. Онъ вспомнилъ прежніе годы, когда возвращался тою же дорогою домой, спокойный и довольный сознаніемъ исполненнаго долга, и поспѣшалъ къ родному затишью, къ женѣ, чтобы разсказать ей о своихъ приключеніяхъ въ пути, подѣлиться новостями, покалякать о выборахъ...

Теперь—какая разница! Измученный, оскорбленный до глубины души, онъ задавалъ себѣ вопросъ, чѣмъ то онъ подѣлится съ женой? Униженіемъ, позоромъ... Мысль эта новой тяжестью налегла на него; убитый видъ, молчаніе и лихорадочная дрожь обличали душевную муку.

---

[1]) Побережье—нын. Подолія.—*Пр. пер.*

[2]) Имѣніе депутата, объявленное впослѣдствіи въ продажу за долги, пріобрѣли нѣмцы-колонисты, которые массами начали стекаться на Волынь.

Словоохотливый Омелько пробовалъ завязать бесѣду—панъ Эварыстъ упорно молчалъ.

Ночь провелъ онъ безъ сна, волновался, постоянно срывался съ постели; жаръ одолѣвалъ его, силы постепенно оставляли. Онъ звалъ Омелька и торопилъ отъѣздомъ, забывая, что лошади измучены и требуютъ отдыха.

— Поганяй, Омельку—время отъ времени повторялъ онъ слабымъ, едва слышнымъ голосомъ.

Омелько тревожно оглядывался на пана и пытался начать разговоръ.

— Завтра, якъ Богъ помóже—говорилъ онъ—о сю пору якъ разъ будемо дома. А тамъ вже пани выглядàе...

— Поганяй, Омельку—застоналъ панъ Эварыстъ.

Остановившись на послѣдній ночлегъ въ корчмѣ у проѣзжей дороги, панъ Эварыстъ уже не въ силахъ былъ сойти съ брички. Омелько снесъ его на рукахъ, поручилъ лошадей корчемному пáхолку (слугѣ) и всю ночь сторожилъ господина. Больной въ жару метался на постели, безпрерывно бредилъ о чемъ то, но такъ неясно и путаясь, что Омелько могъ только разобрать слова: „одинъ голосъ“, „депутатъ“... Видя пана въ такомъ ужасномъ положеніи, Омелько совсѣмъ потерялъ голову, ломалъ въ отчаяніи руки и ничего не могъ придумать. Лишь къ утру успокоился нѣсколько панъ Эварыстъ. Обрадованный Омелько, желая какъ можно скорѣе добраться домой — оставалось всего три мили—заложилъ лошадей во мгновеніе ока. Панъ Эварыстъ поднялся, но тутъ же пошатнулся и не могъ ступить шагу. При помощи пáхолка усадилъ Омелько своего пана на бричку. Проѣхавши нѣсколько сотъ шаговъ, Омелько оглянулся и увидѣлъ, что больной, уже не въ силахъ сидѣть, улегся на мѣстѣ; бричка трясла немилосердно, и больной жестоко страдалъ. Тогда Омелько подсѣлъ къ пáну, прислонилъ его голову къ своей широкой груди, а свободной рукой правилъ, но такъ осторожно, чтобы собственными движеніями не увеличивать тряски, которая очевидно докучала больному.

— Пане, мій голубе—возрадовался Омелько—онъ де вже нашъ лисокъ, поле, все село якъ на долони, двиръ биліе, Богъ до дому прывивъ. Віо, малютки! прикрикнулъ онъ на лошадей.

Измученные кони не узнали знакомой дороги и полей и понуро тащились шагъ за шагомъ. Омелько страшно волновался, готовъ былъ на рукахъ донести пана поскорѣе; наконецъ, наши путники медленно въѣхали во дворъ...

Стоявшая на крыльцѣ пани Эварыстóва долго всматривалась и никакъ не могла узнать пріѣзжихъ, но когда Омелько поднялся съ мѣста—вскрикнула. Прибѣжали слуги, поднялось замѣшательство, плачъ и рыданія... Обезсиленнаго и совершенно безчувственнаго пана внесли въ комнаты...

Въ ближнемъ мѣстечкѣ жилъ цирульникъ Рафаилъ. То былъ уже старый еврей, человѣкъ уважаемый, пользовавшійся репутаціей архизнатока въ своемъ искусствѣ. У него былъ въ мѣстечкѣ свой домъ, на фасадѣ котораго висѣла громадная вывѣска, съ такою надписью:

„Здѣсь живетъ цирульникъ Рафаилъ:
„Кровь отворяетъ,
„Зубы вырываетъ,
„Оспу прививаетъ,
„Во всемъ помогаетъ.
„Мушки иль пьявки
„Отсюда возьмешь—
„Здоровье найдешь“.

Вотъ этого то господина и доставили къ больному безъ замедленія.

По обыкновенію, не раздумывая долго, Рафаилъ выпустилъ больному двѣ тарелки крови, обмакнулъ большой палецъ, внимательно разсмотрѣлъ и объявилъ, что кровь все покажетъ и большой будетъ здоровъ.

А пану Эварысту дѣлалось все хуже и хуже; онъ впалъ въ постоянную сонливость, сознаніе не возвращалось; лицо поблѣднѣло и осунулось, глаза глубоко впали. Безпокойство пани Эварыстóвой возрастало. Послали въ Колки за докторомъ Калусовскимъ.

Послѣ изслѣдованія больнаго докторъ призналъ положеніе его весьма серьезнымъ и предложилъ консиліумъ. Приглашенные

врачи Гакинъ и Ростковскій присоединились къ мнѣнію коллеги, прописали лѣкарства... Нѣсколько дней спустя пану Эварысту стало все хуже и хуже, онъ видимо угасалъ... Во всѣ концы разсылали за лѣкарями и лѣкарствами, обращались даже къ Ходковскому въ Млыновъ, къ Осѣцкому и Ивановскому въ Славуту, въ аптеку Антонія Махницкаго... все было безполезно, и врачи наконецъ отказались отъ больного.

Кто то посовѣтовалъ пригласить татарина. То былъ отставной воинъ, принадлежавшій къ племени, съ незапамятныхъ временъ осѣвшему на Волыни. Татары эти бо́льшею частію мелкіе землевладѣльцы и званіемъ дворяне, таковы напр. Драгомирецкіе, Моравскіе, Бѣляки, Шахманцеры, Козакевичи и многіе другіе. Нѣкоторые изъ нихъ занимались такъ наз. знахарствомъ и пользовали больныхъ нашептываніями и бумажками, на которыхъ писали слова корана; спеціально же психическихъ больныхъ лечили домашними средствами: холодной водой и березовой... кашей [1]). Приглашенный татаринъ шепталъ надъ головою пана Эварыста, писалъ свои каракули, обнадеживалъ—все напрасно!...

Однажды вечерней порой, когда уже не было сомнѣнія, что больной доживаетъ послѣднія минуты, пріѣхалъ братъ пана Эварыста. Больной повидимому узналъ гостя: онъ усиливался подняться—но не могъ. Братъ подошелъ на цыпочкахъ и наклонился къ больному. Тотъ взглянулъ на брата полуугасшимъ взоромъ—и вѣки его упали. Приблизилась пани Эварысто́ва и прошептала:

— Эварсю, милый, братъ пріѣхалъ,—узнаешь его, лучше ли тебѣ?

— Пхе—вздохнулъ панъ Эварыстъ въ послѣдній разъ и скончался.

И вотъ, нѣсколько недѣль спустя по отъѣздѣ пана Эварыста на выборы, снова подкатилъ къ крыльцу Омелько, но на этотъ разъ лишь затѣмъ, чтобы доставить своего пана на мѣсто вѣчнаго упокоенія!...

На похоронахъ, куда собрались сосѣди ближніе и дальніе, а также всѣ крестьяне изъ села покойнаго, ксендзъ Чачковскій произнесъ надгробное слово, которое закончилъ такъ:

[1]) Въ с. Ивковцахъ, острожскаго уѣзда, существовало даже нѣчто въ родѣ лечебницы для душевнобольныхъ, подъ управленіемъ татарина.

„Вотъ наконецъ та пристань, тотъ берегъ дальній, къ которому человѣку суждено причалить рано или поздно, въ ведро, или бурю, слякоть и мятель. Въ сію то пристань прибылъ нынѣ приснопоминаемый рабъ Божій Эварыстъ! Въ послѣднія мгновенія земной его жизни прочили его въ подсудки, и хотя свершиться сему было не суждено, всячески можемъ сказать смѣло, что каковъ былъ усопшій Эварыстъ какъ супругъ, какъ гражданинъ, какъ сосѣдъ, такимъ точно былъ бы онъ и... подсудкомъ“.

Результатомъ рѣчи ксендза Чачковскаго было то, что пани Эварыстóву тотчасъ же стали величать „пани подсудкóвой“.

Убитая горемъ, пани Эварыстóва сперва не обратила на это вниманія; позже, новый титулъ повидимому обижалъ ее, такъ что она пробовала слегка отклонять эту честь; но постепенно она какъ то освоилась и такъ ужъ и осталась навсегда „пани подсудкóвой“.

Когда же, нѣсколько лѣтъ спустя, подгнилъ и повалился крестъ на могилѣ покойнаго, пани Эварыстóва поставила болѣе показной памятникъ, на которомъ велѣла вырѣзать такую надпись:

„Здѣсь покоится Эварыстъ,
„Незабвенный супругъ,
„Гражданинъ и подсудокъ“.

Н. М.

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

109.

Цыганка-ворожка.

Всѣ восточные народы обнаруживаютъ наклонность къ гаданіямъ и ворожбѣ. Особенно много гадальщиковъ находится въ Индіи. Многіе индійскіе гадальщики предсказываютъ будущее по чертамъ лица и рукъ. Хиромантія служитъ въ Индіи для опредѣленія того, будетъ ли человѣкъ счастливъ, богатъ, будутъ ли у него дѣти. Цыгане, какъ народъ индійскаго племени, обнаруживаютъ вполнѣ эти наклонности. Цыганки-ворожки до сихъ поръ охотно берутся за предсказываніе будущаго по чертамъ руки, причемъ много говорятъ и разсказываютъ разныя небылицы. Съ появленіемъ въ Малороссіи въ XVI вѣкѣ цыгане на первыхъ порахъ заявили себя спеціалистами ворожбы и гаданія, несомнѣнно, своеобразныхъ, отличныхъ отъ украинскаго знахарства. Въ „Номоканонѣ сирѣчь Законоправильникѣ“, изданномъ Захаріей Копыстенскимъ въ 1624 г., уже находится жалоба, что суевѣрные люди обращались за совѣтомъ къ цыганкамъ-ворожкамъ (*Костомаровъ*, Рус. ист. въ жизнеоп. II, 69). Въ старинной вертепной драмѣ змѣя кусаетъ запорожца въ ногу, и онъ обращается къ цыганкѣ съ просьбой вылѣчить его (*Маркевичъ*, Обыч. малор. 52). Цыганка-ворожка выступаетъ въ малорусскихъ пѣсняхъ; здѣсь находятся указанія на нѣкоторые изъ ея пріемовъ ворожбы. Такъ, въ одной пѣснѣ:

Ой у лиси при дорози
Цыганы стоялы,

А межъ тымы цыганами
Цыганка ворожка;

[1] См. „Кіевская Старина“ № 11, ноябрь.

А до тей цыганочкы
Бытая дорожка.
«Цыганочко-вороженько,
Учыны мни волю
Чи не стане дивчынонька
До шлюбу зо мною?»
Цыганочка-вороженька
Волю учынила:
Сывому конькови
Грыву устригла (*Чуб.* V, 418).

Въ варіантѣ этой пѣсни дѣвушка обращается къ ворожкѣ—съ просьбой причаровать козаченька. Цыганка „увирвала зъ коня грывы, дивчину курила“ (ib. 419).

Въ Малороссіи химородникомъ называютъ колдуна, причемъ чаще всего названіе это прилагается къ старымъ кузнецамъ. Самое слово химородникъ, химорода—цыганское, означаетъ кузнеца и коновала. Извѣстно, что цыгане занимаются кузнечнымъ мастерствомъ. Наковальней у нихъ служитъ камень, а орудіями двойной раздувальный мѣхъ, молотъ и пр., съ которыми они переходятъ съ мѣста на мѣсто. У индійцевъ то же самое и тѣ же, какъ у цыганъ, инструменты. Индусы также носятъ ихъ съ собою и со всей своей кузницей располагаются близъ того дома, гдѣ находятъ работу.

Малороссіяне невысокаго мнѣнія о цыганскомъ знахарствѣ, что доказываетъ слѣдующій разсказъ: Пришелъ цыганъ къ одному пасѣчнику на пасѣку и сталъ выдавать себя за большаго знахаря по пчеловодству. Пасѣчникъ не любилъ цыганъ; ему особенно не понравилось хвастовство этого знахаря, и онъ рѣшился его проучить: „ Все у меня хорошо на пасѣкѣ; да вотъ бѣда, тамъ на дубу, очень высоко поселились злыя пчелы“. Цыганъ взялся заговорить ихъ злость. Онъ полѣзъ на дубъ по лѣстницѣ; сталъ шептать и постукивать въ дубъ; въ это время вылетѣли изъ дупла шмели; пасѣчникъ поспѣшилъ принять лѣстницу, бѣдный цыганъ, не зная, какъ назвать лѣстницу, просилъ пасѣчника: „кумъ, кумъ! подай то суковатое“; не дождавшись лѣстницы, преслѣдуемый шмелями, онъ падаетъ на землю (*Nowos.*, Lud. ukr., II, 213) [1]).

[1]) Общая литература о цыганахъ указана въ соч. *Патканова* „Цыгане“ (1887 г.) и въ послѣднее время въ „*Journal of Gipsy lore Society*“. Литература о малорусскихъ цыганахъ очень бѣдна. Короткія замѣтки см. въ „Ист. стат. опис. харьк. епарх.“ Филарета I, 25 (заботливость еп. Іосафа Горленка, † въ 1754 г., о духовномъ просвѣщеніи цыганъ); въ *Воронеж. Бесѣдѣ* 1861 (118 цыг. словъ); въ Малор. нар. пред. *Драгоманова*; въ „Трудахъ“ *Чубинскаго;* въ 2 т. Lud. ukr. *Nowosielskiego*; въ „*Кіевск. Стар.*“ 1886, I, 198, X, 401 (сказки о цыганахъ); въ *Запискахъ* имп. общ. сел. хоз. южной Россіи 1861. № 8; въ *Херсон. Губ. Вѣд.* 1874, № 44 (о цыганахъ въ Новороссіи).—*Прим. авт.*

110.

Ворожба по слѣду.

Ворожба по слѣду довольно обычна въ Малороссіи. Въ народныхъ пѣсняхъ она занимаетъ видное мѣсто. Такъ, въ одной пѣснѣ парубокъ, полюбивъ дѣвушку, подозрѣваетъ, что она дала ему приворотнаго зѣлья. Дѣвушка отвѣчаетъ ему:

Ой я жъ тоби, мій миленькій, зилья не давала,
Слидокъ брала, къ сердцю клала, що вирно кохала (*Чуб.* V, 418),

Въ другой пѣснѣ дѣвушка говоритъ парубку, что она его дѣйствительно приворожила такимъ образомъ: „я зъ пидъ тебе землю брала, до сердця клала, тебе чаровала". Результаты чарованія оказались такими, что парубокъ не можетъ жить безъ очаровавшей его дивчины, и „вечеря ему немыла, и робота немыла", (ib. 422). Въ варіантѣ дѣвушка, чтобы привлечь любовь парубка, „брала песокъ изъ пидъ билыхъ ногъ та вычаровала" (ib. 423). Иногда мотивъ чарованія по слѣду выражается въ очень граціозной формѣ, напримѣръ:

Чогось мини чудно, чогось мини дывно,
Десь мого мылого третій день не выдно,
Не выдно, не выдно, та й не выдаты;
Тылько зосталося на жовтымъ писочку два слидочки знаты;
То еденъ слидочокъ коня вороного,
А другій слидочокъ мыленького мого.
Піду я въ лисочикъ, вырву я листочикъ,
Я накрыю свого мыленького слидочикъ,
Щобъ витеръ не звіявъ, пташкы не склювалы,
Щобъ мого милого инчи не спріялы (*Чуб.* V. 46).

Повѣрье въ снятіе слѣда еще въ шестидесятыхъ годахъ держались среди помѣщиковъ воронежской губерніи (*Воронеж. Бесѣда*, 206). Оно нынѣ часто встрѣчается въ Великороссіи; было здѣсь и въ старинное время, въ XVI—XVII ст. Выбранный слѣдъ замазывали въ печи или сожигали; оттого изсыхалъ тотъ, изъ подъ чьей ноги былъ взятъ слѣдъ. Выбирали слѣдъ и не для злой цѣли, а для того, что бы приворожить къ себѣ (*Костомаровъ*, Очеркъ домаш. жизни великор. нар.).

Поляки также раздѣляли, а м. б. и теперь имѣютъ, вѣрованіе въ чарованіе посредствомъ снятія слѣда. Въ 1674 г., нѣкая Доротея Пикецкая была привлечена къ суду за чародѣйство, состоявшее въ томъ, что она, по словамъ обвинявшаго ее крестьянина Конставнаго, шла за его коровами, вынимала слѣды отъ ихъ ногъ (wyrzynała stopy) и унесла ту землю съ собой (*Karłowicz*, въ „Wisła“ 1887, IV, 138).

Нѣчто подобное мы находимъ у дикихъ Африки и Америки. Чтобы нанести вредъ своему врагу, они не только стараются сжечь или зарыть часть его одежды или часть волосъ съ его головы, какъ pars pro toto, но и такіе предметы подвергаютъ сожженію, которые не имѣютъ прямаго отношенія къ врагу. Колдунья негрскаго народа Конго, желая погубить одного христіанскаго миссіонера, вырыла яму и бросила въ нее какое то растеніе, увяданіе котораго должно было повлечь за собой ослабленіе силъ и здоровья миссіонера. На островахъ Фиджи кладутъ въ храмѣ на огонь кокосовый орѣхъ, задумавъ его на извѣстное имя; по мѣрѣ разрушенія орѣха, должно разрушиться и здоровье того лица, которое представляется имъ, пока это не закончится смертью (*Леббокъ*, Нач. цивил. 176).

Любовное чарованіе по слѣду посредствомъ приложенія его къ сердцу представляетъ, очевидно, нѣкоторое уклоненіе въ сторону отъ настоящей ворожбы по слѣду съ сожженіемъ земли или помѣщеніемъ ее въ печкѣ.

111.

Ворожба по волосамъ и ногтямъ человѣка.

Въ Малороссіи повсемѣстно распространено повѣрье, что остриженныхъ ногтей или волосъ не слѣдуетъ бросать, чтобы не подвергнуться болѣзни. Совѣтуютъ остриженные волоса бережно собрать и сжечь ихъ или бросить въ рѣку. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совѣтуютъ прятать срѣзанные ногти за пазуху, чтобы не нашелъ ихъ чертъ; сохранять ихъ слѣдуетъ еще для того, чтобы предъявить ихъ ангелу при переходѣ на томъ свѣтѣ черезъ мостъ (*Чубинскій*, I, 87). Изъ брошенныхъ обрѣзковъ ногтей черти шьютъ шапки не-

видимки. Если птица унесетъ остриженные волоса для своего гнѣзда, то, говорятъ, человѣкъ тотъ страдаетъ головными болями (*Nowosielsky*, Lud ukr., II, 153). Въ южнорусскихъ документахъ о колдовствѣ первой половины XVIII ст. находятся указанія на повѣрья, что обрѣзанные волосы и ногти могутъ служить, какъ для излѣченія, такъ и для причиненія болѣзней. Съ первой цѣлью больному обрѣзывали ногти, отрѣзывали нѣсколько прядей волосъ и вмѣстѣ съ различными другими веществами забивали въ дверныя лутки осиновыми гвоздями. Подбрасываніе отрѣзанныхъ волосъ, особенно подъ подушку, считалось вреднымъ для здоровья. (*Антоновичъ*, Колдовство, въ „Трудахъ“ Чуб., I, 357).

Подобнаго рода повѣрья и сказанія встрѣчаются у разныхъ народовъ. Прежде всего отмѣтимъ здѣсь весьма сходное съ малорусскимъ норвежское повѣріе о томъ, что демоны Эльбы собираютъ брошенные людьми обрѣзки ногтей и дѣлаютъ изъ нихъ пули, которыми стрѣляютъ въ рогатый скотъ, такъ что даже находили въ коровахъ такія пули (изъ волосъ и ногтей). Другое норвежское повѣрье, также весьма сходное съ малорусскимъ, состоитъ въ томъ, что лѣтучія мыши собираютъ обрѣзки волосъ и ногтей, относятъ ихъ чертямъ, которые, благодаря этому, пріобрѣтаютъ большую власть надъ людьми. Потому въ Норвегіи совѣтуютъ обрѣзывать ногти и волоса въ то время, когда въ церквахъ идетъ служеніе, потомъ обрѣзки закапывать или сожигать (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 324, 330). Въ Берлинѣ и въ окрестныхъ мѣстахъ существуетъ въ настоящее время обыкновеніе для излѣченія больнаго обрѣзать ногти или волоса и пучекъ ихъ положить въ котелкѣ на перекресткѣ; кто подниметъ котелокъ, на того и перейдетъ (*Krause*, въ Zeitschr. f. Ethnologie 1883, I, 78). Во Фландріи женщины (какъ и въ Малороссіи) во время расчесыванія головы собираютъ вышедшіе волосы и сожигаютъ ихъ. Въ противномъ случаѣ волоса попадутъ въ руки колдуна, и онъ станетъ повелѣвать неосторожными женщинами. Съ цѣлью вызвать любовь, берутъ волосъ того человѣка, котораго хотятъ приворожить, помѣщаютъ его въ орѣхѣ и кладутъ въ дупло дерева (*Gittée* въ Revue d. trad. popul. 1888, 495). Американскіе и африканскіе дикари кладутъ обрѣзки своихъ волосъ подъ крыши домовъ, причемъ иногда окапываютъ канавой домъ, чтобы

устранить колдовство (*Леббокъ*, Нач. цивил. 177). Пшавы (на Кавказѣ) не бросаютъ остриженные волосы и ногти, чтобы чертъ не овладѣлъ ими, а прячутъ ихъ въ землю или сожигаютъ (*Вс. Миллеръ*, Сбор. мат. по этногр. III, 89).

Запрещеніе ронять или бросать обрѣзки волосъ и ногтей встрѣчается уже въ древнѣйшихъ законодательствахъ и священныхъ книгахъ арійскихъ народовъ. Вотъ что говоритъ относительно этого Авеста: Тотъ кто приводитъ въ порядокъ волосы свои и стрижетъ ногти, роняя на полъ обрѣзки, содѣйствуетъ развитію могущества демоновъ, потому что эти поступки заставляютъ собираться на землѣ Девовъ и вредныхъ животныхъ, пожирающихъ зерно въ житницахъ и грызущихъ одежды въ хранилищахъ. По этой причинѣ кто стрижетъ волосы и ногти долженъ относить обрѣзки на разстояніе десяти шаговъ отъ вѣрующихъ, 20 шаговъ отъ огня, 30 шаговъ отъ воды. Потомъ надо вырыть въ землѣ яму не очень глубокую, если земля тверда, и поглубже въ рыхлой землѣ, положить туда волосы, произнести заговоръ и начертать вокругъ ямы 3, 6 и 9 круговъ... Для ногтей надо вырыть яму на краю жилища, глубиною въ верхній составъ мизинца, положить въ нее ногти и произнести надлежащій заговоръ (*Дилленъ*, Дуализмъ въ Авестѣ, 138—141).

И въ этомъ, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, обнаруживается большое сходство между славянскими, въ частности малорусскими, повѣрьями и обрядами и древнѣйшими религіозными и законодательными постановленіями азіатскихъ аріевъ. Въ малорусскихъ разсказахъ обрѣзками ногтей пользуются черти; въ Авестѣ—злые духи, слуги Аримана—Девы; украинскіе черти дѣлаютъ себѣ изъ обрѣзковъ ногтей шапку невидимку; авестическіе Девы дѣлаютъ изъ нихъ для себя копья и стрѣлы; (норвежскіе—пули).

Въ Малороссіи записанъ любопытный разсказъ о томъ, какъ опасно давать кому нибудь обрѣзки своихъ волосъ. Здѣсь выступаетъ уже повѣрье мѣстныхъ евреевъ. Еврейка говоритъ, что у ея дочери роскошная коса; одна крестьянка, бывшая прежде въ услуженіи, стала просить дать ей локонъ отъ этой косы. Подозрѣвая лихой умыселъ, еврейка отрѣзала волоса въ ситѣ и дала ихъ просительницѣ. На другой день, какъ только ударили въ колоколъ въ церкви, сито соскочило съ колочка и полетѣло прямо къ церкви,

гдѣ уже стояла колдунья съ полученными наканунѣ и присмаленными ею потомъ волосами. Евреи думали, что если бы волоса дѣйствительно принадлежали дѣвушкѣ, то ей грозило обращеніе въ христіанство (*Nowosielski*, Lud ukr., II, 107).

112.

Ворожба на восковой фигурѣ человѣка.

Въ „Номоканонѣ сирѣчь Законоправильникѣ“ (1624 г.) Захаріи Копыстенскаго замѣчено въ обличеніи южнорусскихъ суевѣрій, что нѣкоторые „ворожили зъ воску, зъ олова“ (*Костомаровъ*, Рус. ист. II, 69). Въ настоящее время ворожба и гаданіе по воску рѣдко встрѣчается, потому что воскъ сталъ дорогъ, имѣетъ хорошій сбытъ и встрѣчается въ достаточномъ количествѣ только у зажиточныхъ пасѣчниковъ. Ворожба съ злой цѣлью состояла въ томъ, что выливали изъ воску фигурку человѣка и прокалывали ее булавкой. Любопытная ворожба на воскъ или присушка состоитъ въ томъ, что дѣвушка, желающая возбудить къ себѣ любовь мужчины, достаетъ нитку изъ его шапки или скоблитъ подошву его сапога и то, что получаетъ такимъ образомъ, залѣпливаетъ въ комокъ воску и бросаетъ въ огонь, приговаривая: „Щобъ тебе за мною такъ пекло, якъ пече вигонь той вискъ; щобъ твое серце за мною такъ топылось, якъ топится той вискъ, и щобъ ты тоди мене покинувъ, якъ найдешь той вискъ“. Утверждаютъ, что послѣ этого чаруемый мужчина пристрастится къ очаровавшей его дѣвушкѣ; въ противномъ случаѣ будетъ чахнуть, сохнуть и умретъ (*Ефименко*, Малор. заклин. 1).

Матеріаломъ или средствомъ ворожбы бывалъ не только воскъ, но въ рѣдкихъ случаяхъ олово, и чаще тѣсто. Въ 1706 г. ковельскій мѣщанинъ Трофимъ Григорьевичъ жаловался на сосѣда своего Михаила Максимовича о томъ, что послѣдній съ женою, посягая на здоровье истца, вылѣпили изъ тѣста что то круглое въ видѣ калача и въ собственномъ саду истцовъ повѣсили на дерево. По распоряженію магистрата отправленъ былъ присяжный лавникъ освидѣтельствовать фактъ, и дѣйствительно онъ нашелъ на вербѣ кругло

вылѣпленный калачъ изъ ржанаго тѣста. Максимовичъ не явился въ судъ къ отвѣту и былъ заочно приговоренъ къ уплатѣ и штрафа и судебныхъ издержекъ (*Антоновичъ*, Колдовство, 333).

Ворожба на воскѣ восходитъ въ глубокую древность. За много вѣковъ до Р. Хр. въ аккадскіе (халдейскіе) тексты магическихъ формулъ вошла уже такая молитва—заговоръ: „Отъ того, кто дѣлаетъ изображеніе съ цѣлью повредить человѣку, отъ дурнаго глаза, отъ болѣзни рта и губъ, отъ вреднаго питья—сохрани духъ небесъ! сохрани духъ земли!“ (*Сэйсъ*, Ассиро-Вавил. литература, 36).

Обычай наносить врагу вредъ посредствомъ прокалыванія иголкой или помѣщенія въ печкѣ на огнѣ его восковаго изображенія былъ извѣстенъ древнимъ грекамъ, въ частности Платону, и былъ весьма распространенъ въ средневѣковой Европѣ (*Lang.*, Myth, Ritual and Religion, I, 93). Въ древней Англіи (V—XI вѣковъ), по словамъ Беды Проповѣдника (VIII в.) бытовало „invultuatio“, или заклинаніе жизни врага при помощи восковой или иной фигуры, въ которую метали острыя стрѣлы (*Спенсеръ*, Описат. соціол., 209). Индѣйцы сѣверной Америки, желая обезпечить себѣ успѣхъ въ сватовствѣ, на войнѣ или охотѣ, дѣлаютъ грубый рисунокъ или небольшое изображеніе, представляющее женщину, мужчину или животное и прилагаютъ къ нему извѣстныя волшебныя средства или прокалываютъ ему сердце, если желаютъ смерти изображаемаго лица. Въ Индіи колдуны лѣпятъ небольшія фигуры изъ глины и пишутъ на груди ихъ имена тѣхъ лицъ, которымъ они хотятъ нанести вредъ. Затѣмъ, они уродуютъ эти фигуры или прокалываютъ ихъ иглами (*Леббокъ*, Нач. цив. 176; *Тэйлоръ*, Антропол. 338). Сѣверо-американскіе индѣйцы дакоты лѣчатъ больныхъ такимъ образомъ, что вырѣзываютъ изъ дерева маленькія фигурки и поражаютъ ихъ потомъ стрѣлами (*Lang.*, Myth., I, 98). Предъ началомъ войны дакоты поступаютъ такъ: старикъ колдунъ изготовляетъ шарики, изображающіе враговъ, и начальникъ дакотовъ поражаетъ ихъ стрѣлами. Подобное обыкновеніе замѣчено въ Индіи (ib. 99).

Ворожба на воскѣ для нанесенія человѣку врела часто упоминается въ старинныхъ польскихъ судебныхъ процессахъ вѣдьмъ и нынѣ еще входитъ въ число польскихъ народныхъ суевѣрій. Въ

1554 г. сожжена была Дорота Гнѣчкова за то, между прочимъ, что, желая опредѣлить кто укралъ деньги у одной пани, выливала воскъ съ наговоромъ. Въ 1559 г. была высѣчена и подверглась изгнанію одна женщина за то, что съ цѣлью любовнаго очарованія мужчины выливала воскъ (*Karlowicz*, въ „Wisła“, 1887, 97, 98).

Въ Малороссіи и въ Великороссіи существуетъ обыкновеніе выливать въ случаѣ болѣзни человѣка золотую или серебряную фигурку и вѣшать ее въ церкви на иконѣ. Иногда выливаютъ только ножку или ручку, если болѣзнь сосредоточивается въ этихъ частяхъ тѣла. Вѣроятно, суевѣріе это представляетъ антитезъ символической ворожбы. Возможно, впрочемъ, здѣсь допустить вліяніе ветхозавѣтнаго сказанія о магіи филистимлянъ во время нахожденія у нихъ въ плѣну ковчега завѣта. Въ это время на поляхъ филистимскихъ размножились мыши, а люди стали подвергаться болѣзнямъ. Жрецы и прорицатели посовѣтывали филистимлянамъ сдѣлать золотыя изображенія поразившихъ ихъ язвъ и опустить эти изображенія въ ящикъ ковчега (Перв. кн. *Царствъ*, гл. 5). Кстати замѣтимъ здѣсь, что въ Англіи VIII—XI вв. въ случаѣ выздоровленія ставили по обѣту восковую свѣчу величиной съ больнаго или его изображеніе изъ воска, серебра или золота (*Спенсеръ*, Описат. соціол., 211).

113.

Обидящая свѣча.

Въ землѣ войска донскаго съ цѣлью наказать неизвѣстнаго вора ставятъ на его погибель „обидящую“ свѣчу. Это—обыкновенная свѣча, но поставленная нижнимъ концемъ вверхъ. Если при этомъ не проклинать и не ругать укравшаго, а служить обѣдни за его здоровье, то его начнетъ мучить совѣсть, и онъ, пожалуй, возвратитъ украденное (*Якушкинъ*, Обыч. право. Пред., 46).

Точно такое же повѣрье существовало въ старину и нынѣ еще извѣстно въ Малороссіи, хотя тутъ карающая врага свѣча, кажется, не имѣетъ особеннаго названія. Мнѣ приходилось только слышать въ харьковской губерніи, что для отомщенія врагу за обиду ставятъ

въ церкви свѣчку нижнимъ концомъ вверхъ. Въ старинныхъ украинскихъ судебныхъ процессахъ женщинъ по обвиненію въ колдовствѣ встрѣчается обидящая свѣча. Такъ, въ 1705 г. въ каменецкій магистратъ жаловалась мѣщанка Морская о томъ, что она находится въ опасности потерять здоровье отъ чародѣйства сосѣдки ея Зелинской, которая ночью ходила по двору Морской со свѣчкой, въ одной рубашкѣ, босая и простоволосая, и затѣмъ она, Зелинская, въ костелѣ доминиканцевъ сломала свѣчу и обратила ее внизъ. Зелинская пояснила, что она ночью искала свою дочь, бѣжавшую изъ дома, и свѣчу поставила какъ слѣдуетъ. Магистратъ приговорилъ Зелинскую къ епитиміи,—въ теченіи двухъ обѣденъ лежать „крыжемъ“ въ томъ же доминиканскомъ костелѣ. Между тѣмъ, нѣкій армянинъ Лукашевичъ, узнавъ о ходѣ этого дѣла, заявилъ магистрату свое подозрѣніе, что свѣча была зажжена въ обратномъ положеніи во вредъ не Морской, а женѣ его, Лукашевича, которая въ этотъ именно день серьезно заболѣла, тѣмъ болѣе, что ранѣе Зелинская произносила таинственныя угрозы (*Антоновичъ*, Колдовство, 332).

Въ основѣ повѣрій и обрядовъ съ обидящей свѣчей лежитъ древнее отождествленіе души и вообще жизни съ огнемъ, имѣвшее мѣсто у славянъ и у другихъ народовъ. Представленіе душъ въ видѣ блуждающихъ огней распространено въ повѣрьяхъ лужичанъ, сербовъ и русскихъ. „Свѣча чья-нибудь погасла“ (=кто нибудь умеръ), говорятъ приморскіе сербы, когда звѣзда катится по небу и гаснетъ (*Котляревскій*, О погреб. обрядахъ, 190). Весьма сходныя повѣрья обнаруживаются у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. Такъ, одинъ дикій изъ племени шаунисовъ, выдававшій себя за пророка, послалъ сказать европейскому путешественнику Танеру, что огонь его хижины неразрывно связанъ съ его жизнью. „Отнынѣ, сказалъ онъ, огонь въ твоей хижинѣ никогда не долженъ угасать. Лѣтомъ и зимою, днемъ и ночью, въ бурю и въ затишье ты долженъ помнить, что жизнь въ твоемъ тѣлѣ и огонь въ твоей хижинѣ одно и то же. Какъ только потухнетъ у тебя огонь, въ ту же минуту кончится и твое существованіе“ (*Леббокъ*, Нач. цив. 175).

114.

Веревка отъ висѣльника.

Въ старинное время въ Малороссіи большое значеніе, какъ средство чародѣйства, имѣла веревка вообще, въ особенности веревка отъ церковнаго колокола и веревка, на которой былъ повѣшенъ преступникъ. Ремесленники считали весьма дѣйствительнымъ средствомъ для снисканія большаго количества заказовъ забивать куски веревки въ щели своихъ станковъ. Въ 1717 г. въ Каменцѣ возникла тяжба между двумя шинкарями, Маньковскимъ и Колецкимъ, о томъ, что послѣдній распустилъ слухъ о женѣ Маньковскаго, будто она завлекаетъ въ свое заведеніе тѣмъ, что держитъ въ шинкѣ добытый ею у палача отрѣзокъ веревки, на которой былъ повѣшенъ преступникъ. Она будто бы совѣтывала Колецкому употребить также это средство. Судъ призналъ этотъ слухъ клеветой и приговорилъ Колецкаго къ штрафу и тюремному заключенію (*Антоновичъ*, Колдовство, 350, 389). Въ настоящее время сохранились слабые остатки этого повѣрья. Такъ, я слышалъ въ харьковской губерніи отъ мѣщанъ и дворянъ, что въ старое время будто бы любители карточной игры покупали у палачей веревку, на которой былъ повѣшенъ преступникъ, потому что обладатель ея былъ счастливъ въ игрѣ. Говорятъ, у одного шулера нашли такую веревку, причемъ концы были скрѣплены серебромъ.

Любопытно, что такое же повѣрье о большомъ значеніи веревки отъ висѣльника попадается въ польскихъ судебныхъ процессахъ колдуновъ и вѣдьмъ. Такъ, въ 1559 г. въ Познани къ суду была привлечена одна женщина по обвиненію, что она ходила подъ висѣлицу съ цѣлью достать веревку отъ висѣльника, которая помогла бы ей удачно торговать въ шинкѣ (ku wyszynkowaniu miodu) и кромѣ того на нее взведены были другія обвиненія въ чародѣйствѣ. По приговору суда, ее высѣкли и выгнали изъ города (*Karlowicz*, въ „Wisła“ 1887, III, 98).

Заслуживаетъ вниманіе та подробность, что дѣла происходили въ 1559 г. въ Познани, а въ 1717 г. въ Каменцѣ—въ мѣстностяхъ находившихся подъ нѣмецкимъ вліяніемъ. Можетъ быть, предпочтеніе веревки отъ висѣльника всякой другой веревкѣ изъ

изъ Германіи или вообще изъ Западной Европы, гдѣ веревкѣ отъ висѣльника приписывалось чародѣйское значеніе. Въ Англіи въ старинное время заботились о пріобрѣтеніи веревки отъ висѣльника, приписывая ей значеніе полезнаго домашняго талисмана. Въ общемъ, уваженіе къ веревкѣ можно считать кореннымъ, славянскимъ. Уваженіе это основывалось на томъ, что на веревкѣ завязывались узлы, что составляло весьма важную часть стариннаго знахарства и колдовства.

Веревка отъ висѣльника потому оказывается особенно волшебной, что на нее переносится понятіе о смерти, а отсюда вытекаютъ уже понятія о ея способности притуплять чувства, память. Въ харьковской губерніи совѣтуютъ отъ лихорадки повѣсить на шею мертвое путо, т. е. ту тесьму, которою связывали ноги умершихъ; но оно помогаетъ всего одинъ разъ, а далѣе теряетъ свою цѣлебную силу (*Ивановъ*, въ „Кіев. Стар.“, 1885, XII, 741). Это суевѣріе поясняетъ значеніе веревки отъ висѣльника, именно, предметъ, прикасавшійся къ мертвецу, даже произведшій смерть получаетъ таинственное умерщвляющее значеніе. Такая идея обнаруживается уже въ Авестѣ въ многочисленныхъ предписаніяхъ объ удаленіи трупа и объ очищеніи всего того, что къ нему прикасалось или было близко къ нему, во избѣжаніе нечистоты, или точнѣе, болѣзни и смерти чистыхъ людей и чистыхъ предметовъ, честью и правдой работающихъ во славу творческой и свѣтлой силы природы, Агуры Мазды.

115.

Могильная земля.

Въ харьковской губерніи при крайне продолжительной и упорной лихорадкѣ совѣтуютъ съѣсть горсть земли съ свѣжей могилы (*Харьк. Вѣд.*, 1884, № 289). Въ кіевской губ. завязываютъ больному въ рубаху могильную землю на 9 дней (*Соврем. Извѣст.*). То же самое обыкновеніе существуетъ у кавказскихъ горскихъ евреевъ. При сильныхъ боляхъ берутъ съ могилы земли, смѣшиваютъ

съ водой и даютъ пить больному (*Вс. Миллеръ*, Сбор. матер. по этногр., III, 262).

Могильная земля, какъ лѣчебное средство, основана на той же мысли, что и веревка висѣльника, т. е. на мысли объ умерщвляющемъ значеніи предмета по его близости къ трупу.

116.

Свѣча изъ человѣческаго жира.

Недавно въ газетахъ проскользнуло извѣстіе о возмутительномъ преступленіи: воры разрыли могилу и урѣзали часть трупа для приготовленія свѣчи изъ человѣческаго жира, съ помощью которой, по народнымъ повѣрьямъ, можно безпрепятственно воровать въ домахъ по ночамъ, такъ какъ всѣ будутъ спать мертвымъ сномъ. Повѣрье это основывается на той же мысли, что и два предъидущія, о веревкѣ висѣльника и могильной землѣ. Оно весьма распространено въ Малороссіи. Въ екатерин. губ. прибавляютъ, что такую свѣчу можно потушить только конскими кизяками (*Драгомановъ*, Малорос. пред., 67). Повѣріе это обычно въ Великороссіи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ той добавкой, что свѣча должна быть сдѣлана изъ жиру некрещенаго младенца (*Якушкинъ*, Обыч. право, 34). Точно такое повѣрье имѣютъ латыши (*Вс. Миллеръ*, Сборн. матер. по этногр., II, 116).

Въ Малороссіи подобныя повѣрья связаны еще съ мертвой рукой (*Драгомановъ*, 67). Въ Московской Руси въ XVI—XVII ст. (и теперь) воры употребляли руку трупа для усыпленія хозяевъ. Въ старину въ Московской Руси совершались заговоры на воровство надъ мертвыми человѣческими костями, рукой и зубами (*Костомаровъ*, Очеркъ жизни великор. нар.).

117.

Наузы.

Первый завязанный узелъ ознаменовалъ большой успѣхъ въ развитіи прогресса, матеріальнаго и умственнаго. Съ одной стороны

съ узломъ появились нѣкоторыя первобытныя формы ремесла, съ другой узелъ оказался пособіемъ для памяти и средствомъ для передачи мысли, а изъ сочетанія узловъ возникла своеобразная таинственная письменность. Для первобытнаго человѣка завязанный узелъ представлялся таинственнымъ гіероглифомъ, загадкой; за нимъ скрывалась чья то мысль, какое то намѣреніе, можетъ быть, злой умыселъ. Отсюда возникаетъ страхъ передъ узломъ, и узелъ входитъ въ разные народные обряды, повѣрья, сказанія и заклинанія. Большое значеніе придавали тому, когда завязанъ, какъ завязанъ узелъ, что было сказано или только подумано при этомъ.

Чародѣйское значеніе наузовъ проходитъ нитью черезъ всю всемірную исторію, въ жизни дикихъ, варварскихъ и цивилизованныхъ народовъ, начиная отъ халдейской литературы и кончая современными украинскими народными суевѣріями и обрядами. Уже у вавилонянъ и ассиріянъ въ случаѣ болѣзни человѣка знахарка окропляла его волшебной водой, за исключеніемъ лѣвой стороны, и потомъ обвязывала ему голову, бокъ и ноги двукратъ семью узлами. Для аккадіянъ, какъ и для евреевъ, число семь было священнымъ (*Сэйсъ*, Ассиро-Вавил. литер., 34). На древней греческой свинцовой дощечкѣ, найденной въ Аттикѣ и заключающей въ себѣ чародѣйскій наговоръ: „я свяжу Сосиклею и ея имущество, и великую славу, и дѣла, и разсудокъ; пусть она будетъ врагомъ для друзей. Свяжу я ее подъ туманный Тартаръ страшными узами съ подземной Гекатой и безумными Эриніями“ (*Помяловскій*, Эпиграф. этюды, 17). Кавказскіе горскіе еврои вѣрятъ, что во время свадьбы и дьяволъ, и лихіе люди завязываютъ узлы во вредъ молодымъ. Узелъ дьявола можно развязать посредствомъ молитвы къ Богу. Гораздо опаснѣе узлы чародѣя, потому что ихъ трудно найти. Три-четыре узла мѣшаютъ молодымъ соединиться три-четыре года (*Сборникъ* матер. по этн., изд. Дашк. Муз., III, 295—296). Турки чрезвычайно боятся заколдованныхъ узловъ, „buya bohcha“. Заколдованный узелъ бываетъ изъ разныхъ предметовъ, волосъ, ушей, земли вмѣстѣ съ лоскуткомъ одежды намѣченной жертвы, завязанныхъ въ тряпку. Если хотятъ смерти человѣка, то пучку придаютъ форму сердца и втыкаютъ въ него 41 иголку, отъ дѣйствія которыхъ человѣкъ изсыхаетъ и умираетъ. Въ любую жен-

щину можетъ быть брошенъ заколдованный узелъ, и ея любовь къ мужу или его къ ней исчезнетъ. Ударъ можетъ нанести всякій недоброжелатель. Говорятъ, что послѣ смерти султана Абдулъ-Меджида въ его диванѣ было найдено около пятидесяти заколдованныхъ узловъ, подброшенныхъ въ разное время женами его, желавшими сохранить надъ нимъ свою власть. Узлы эти были брошены въ огонь или въ море (*Народы Турціи*, II, 143).

Въ русской жизни изстари наузы играли большую роль. Въ древней лѣтописи находится уже извѣстіе, что волхвы навязали наузъ на голову князя Всеслава, котораго мать родила „отъ волхованія". Всеславъ носилъ всю жизнь наузъ, и вліянію этого чародѣйственнаго узла приписывалась его воинственность и жестокость. Въ XVI и XVII ст. въ Великороссіи наузы были обычнымъ способомъ волшебства; надъ ними наговаривали и отдавали желающему: имъ приписывали силу предохранять отъ разныхъ несчастій. Матери брали отъ знахарей чародѣйственные узлы и навязывали ихъ на дѣтей: „баба начнетъ на дѣти наузы класти, смѣривати, плююще на землю, рекше бѣса проклинать". Въ старину узлы навязывали на оружіе, чтобы сообщить ему твердость или мѣткость. Вѣрили, что можно такъ завязать чужое оружіе, что оно перестанетъ или будетъ плохо дѣйствовать (*Костомаровъ*. Очеркъ домаш. жизни, 540). Въ 3 т. Поэт. воззр. славянъ *Аѳанасьева* (429—439) много указаній на великорусскія (старинныя и современныя) повѣрья о наузахъ. Въ Великороссіи особенно боятся наузовъ на свадьбахъ. Вѣроятно, отъ этой боязни произошло обыкновеніе надѣвать на невѣсту рыбачью сѣть, какъ предохранительное средство отъ колдовства. Обычай этотъ бытуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверо-восточной Россіи и кое-гдѣ въ Сибири среди русскихъ и инородцевъ. Въ Бѣлоруссіи, увидѣвъ аиста, завязываютъ узелъ отъ лихорадки (*Крачковскій*, въ „Чтеніяхъ моск. общ. ист. и древ.", 1873, IV, 194).

Въ Малороссіи нѣкогда было сильное вѣрованіе въ могущество наузовъ, что обнаруживается уже въ существованіи въ малорусскомъ языкѣ такихъ выраженій, какъ: „завязанный свитъ", „мини якъ завязано" (т. е. ничто не удается). Въ 1700 г. въ гродскій луцкій судъ поступила жалоба отъ дворянъ Порванецкихъ и другихъ

лицъ на дворянъ Березницкихъ и родственниковъ ихъ за многія обиды и оскорбленія; между прочимъ, Порванецкіе жаловались, что Березницкіе очаровали стадо ихъ овецъ, привязывая конскія кости къ шеямъ животныхъ. Неудовлетворившись этимъ, Березницкіе научили крѣпостную свою женщину Хведоныху, подозрѣваемую односельцами въ чародѣйствѣ, чтобы она причинила вредъ истцамъ. Хведоныха, публично похвалялась, что причинитъ уронъ Порванецкимъ, стала околдовывать ихъ какими то узелками, обливала водой дорогу въ ихъ имѣніи и безъ спросу ходила въ ихъ пасѣку. Истцы замѣтили, что съ этого времени стали околѣвать у нихъ лошади, скотъ и другія животныя, и пасѣка перестала приносить доходъ (*Антоновичъ*, Колдовство, 348). Веревкой съ особеннымъ образомъ завязанными узлами лѣчатъ отъ пьянства. Совѣтуютъ для излѣченія пьяницы разыскать на дорогѣ веревку, завязать концами въ середину и палить ее на сковородѣ. Какъ только загорится веревка, нужно трижды сказать: „такъ якъ ся веревка завъязана, такъ бы мени, рабу Божому, завъязано видъ всякого пьянства мысленого“. Когда веревка сгоритъ, то пепелъ ея даютъ въ чемъ нибудь пить (*Ефименко*, Малор. закл., 24).

Завязываніе узловъ съ наговорами обычно также у поляковъ. Въ петрковской и кѣлецкой губерніи знахарь насылаетъ болѣзнь или смерть на человѣка, завязывая на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, 9 узловъ на ниткѣ, вынутой изъ сорочки покойника, и приговаривая: „завязываю тебя (имя рекъ) во имя чорта, всемогущаго и проклятаго дьявола, на смерть (или на мѣсяцъ болѣзни), чтобы тебѣ было больно и нудно. Аминь“. Завязывая узлы знахарь говоритъ: „одинъ, не одинъ, два, не два“ и т. д. Если онъ пожелаетъ избавить человѣка отъ заклятія, то развязываетъ узлы, приговаривая: „развязываю тебя (имя рекъ) отъ болѣзни во имя всемогущаго Бога. Аминь“ (*Federowicz*, Lud, II, 233).

118.

Закрутка.

Закрутка представляетъ большое сходство съ наузомъ: тотъ же волшебный узелъ, только въ полѣ, на хлѣбной нивѣ. Крестьяне

23 іюня, наканунѣ дня Іоанна Предтечи осматриваютъ свои поля, чтобы воспрепятствовать злымъ людямъ дѣлать на посѣвахъ „завивки“, которыя, по народнымъ вѣрованіямъ, чаще всего завиваются въ этотъ день на скотъ или на извѣстнаго человѣка и бываютъ весьма пагубны, какъ для тѣхъ лицъ и предметовъ, на которые завиваются, такъ и для людей, вырвавшихъ эти завитки. „Завивки“ дѣлаются такимъ образомъ: берутъ два пучка стеблей ржи или пшеницы и, не вырывая ихъ, связываютъ вверху въ особенный узелъ и колосья втыкаютъ въ землю (*Чубинскій*, III, 193, „Zbior wiadomosci“, XII, 94). Чтобы снять закрутку, приглашаютъ знахаря, который вырываетъ закрутку, произнося при этомъ заговоръ, втыкаетъ на томъ мѣстѣ три осиновыхъ палочки и самую закрутку сожигаетъ (*Kopernicki*, въ Zbior wiadom. XI, 199). Въ заговорахъ „на завитьте“ знахарь говоритъ: „не я тебе пилю, а осиновый кій“, упоминаетъ при этомъ „беззаконного Іуду (Юду или „Юдиху“), „мисячнаго видьмача“ и готовится вырвать закрутки (и скрывающуюся въ ней вѣдьму) въ „ростани однесты и осиновымъ коломъ пробить“ (*Ефименко*, 41, 42).

Въ старинное время въ Малороссіи было весьма распространено вѣрованіе въ закрутки и породило не мало судебныхъ процессовъ. Такъ, къ 1666 году относится любопытный судебный процессъ въ стародубскомъ полку по клеветѣ одного мельника на нѣкую женщину Арину въ томъ, что она „якобы мѣла зъ своего знахарства жита заламываты“, называлъ ее вѣдьмою, и ссылался на нѣкоторыхъ очевидцевъ. Но такъ какъ обвиненія эти не подтвердились, то по жалобѣ мужа оклеветанной женщины мельникъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію на 4 мѣсяца; но Арина „за упрошеніемъ людскимъ будучи милосердемъ знята простила его во всемъ“. (*Архіеп. Филаретъ*, Ист. ст. оп. черн. еп. VII, 70). На одной малорусской картинѣ страшнаго суда на полотнѣ XVIII в., находящейся въ кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ, между прочимъ, изображена колдунья заламывающая жито (*Покровскій*, въ Трудахъ одес. археол. съѣзда III, 327). Въ 1718 г. въ овручскій гродскій судъ жаловались дворяне Невмержицкіе на своихъ сосѣдей, дворянъ Верповскихъ и Ярмолинскихъ, за то, что отвѣтчики „очаровали и завили ярую пшеницу истцевъ“. Въ 1723 г.

въ с. Мошкахъ около Овруча дворянки Люба и Анастасія Мошковскія заподозрѣны были своимъ односельцемъ дворяниномъ Духовскимъ въ томъ, что онѣ дѣлаютъ завитки. Когда завитка оказалась на нивѣ Никона Мошковскаго, то Духовскій взялся отворожить ее и, съ этой цѣлью, встрѣтивъ Любу Мошковскую, ударилъ ее въ грудь на отмашь такъ сильно, что опрокинулъ ее ударомъ на землю (*Антоновичъ*, Колд. 348).

Повѣрье въ завязываніе закрутки съ цѣлью погубить урожай и человѣка встрѣчается въ Великороссіи (*Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр. III, 515) и въ Привислянскомъ краѣ (*Karłowicz*, Wisła 1887, II, 58, V, 172). Въ старинныхъ требникахъ встрѣчаются молитвы на закрутку; послѣ молитвословія священникъ выдергивалъ закрутъ церковнымъ крестомъ. Теперь въ Великороссіи для снятія закрутки приглашаютъ знахаря, который вырываетъ закрутку осиновымъ коломъ и сожигаетъ ее благовѣщенской свѣчей. На мѣстѣ закрутки знахарь вбиваетъ осиновый колъ, что причиняетъ колдуну нестерпимыя муки (*Аѳанасьевъ*, III, 516).

119.

Порча коровъ.

Вѣдьмы наносятъ вредъ не только лично человѣку, но вредятъ и его домашнему скоту, именно, коровамъ, иногда вредятъ домашней птицѣ, преимущественно курамъ. Повѣрье въ порчу коровъ вѣдьмами чрезвычайно распространено въ Малороссіи. Въ кіевской губерніи со словъ сельской бабки записано, что „вѣдьмы наравнѣ съ людьми уважаютъ годовые праздники, посѣщая церковь, одѣваясь по праздничному, а къ столу готовя молочныя кушанья. Коровье молоко, смѣшанное съ утреннею росою, есть необходимость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣнецъ ихъ праздничнаго стола. Гостепріимство по праздникамъ принято и у нихъ. Гостями бываютъ злые духи и иносельныя волшебницы. Но, чтобы столъ былъ полонъ для гостей, наканунѣ праздниковъ вѣдьмы проникаютъ въ хлѣвы къ чужимъ дойнымъ коровамъ и выдоиваютъ ихъ до крови. Въ моментъ доенія коровъ онѣ принимаютъ образъ женщины, имѣющей небольшое, бѣлое, какъ молоко, лицо, собачьи карые глаза и длинные желтые

волосы, въ безпорядкѣ раскиданные по плечамъ, на которыхъ накинутъ длинный бѣлый плащъ [1]). При встрѣчѣ съ человѣкомъ эта бѣлая женщина превращается въ какое нибудь животное, а иногда въ клубокъ, или обручь, и быстро исчезаетъ. (*Краснокутскій*, въ Кіев. Епар. Вѣд.). Порчу молока и болѣзнь сосковъ приписываютъ всегда волхвованію. Въ подольской губерніи говорятъ, что вѣдьма старается выдоить корову или на Благовѣщеніе, или въ день св. Георгія, или въ первый день Свѣтлаго праздника. Такая корова не даетъ уже молока своимъ хозяевамъ, она принадлежитъ исключительно вѣдьмѣ. „Родимая“ вѣдьма доитъ обычно; ее можетъ увидѣть человѣкъ „первакъ“, ее можетъ разорвать собака „первакъ“ и, наконецъ, ее можно поймать на „очкуръ“ (поясъ штановъ). „Ученая“ же вѣдьма послѣ перваго доенія пробуравливаетъ въ одномъ изъ столбовъ своего дома или кладовой дырку, затыкаетъ ее съ заговоромъ колышкомъ, и потомъ молоко течетъ изъ этой дырки, какъ изъ крана. На Свѣтлый праздникъ вѣдьмы стоятъ въ церкви съ дойницей на головѣ, что посторонніе не видятъ (*Чубинскій*, I, 198, 203, 205; *Nowosielski*, Lud ukr. II, 81). На Волыни особенно опасаются порчи коровъ на Ивана Купалу. Въ ночь подъ Ивана Купалу не отлучаютъ телятъ отъ коровъ, передъ дверьми хлѣва ставятъ косу; въ хлѣвѣ посыпаютъ освященнымъ макомъ и ставятъ четверговую свѣчу, причемъ послѣднюю вѣдьма иногда грызетъ со злости и на ней видны слѣды ея зубовъ. На Волыни говорятъ, что вѣдьма можетъ испортить сразу всѣхъ коровъ въ селѣ, перегородивъ коноплянной ниткой коловоротъ, т. е. ворота на краю села, черезъ которыя коровы идутъ на пастьбу (*Kopernicki*, Zbior, XI, 194—196). Въ воронежской губерніи записаны еще слѣдующія подробности: вѣдьма доитъ въ свой передникъ, безъ дойницы, при доеніи перевязываетъ соски волосками, отчего и портятся коровы; волосковъ этихъ никто не видитъ (*Воронеж. Бесѣда*, 1861, 193). Въ разныхъ мѣстахъ есть свои подробности, свои детали, неизмѣняющія общаго характера народныхъ повѣрій о порчѣ коровъ вѣдьмами.

---

[1]) Подробности о бѣлой одеждѣ вѣдьмы, вѣроятно, заимствованы изъ народныхъ сказаній о Бѣлой Паннѣ, подъ которой скрывается французская фея Мелюзина въ бѣлой одеждѣ.—*Прим. авт.*

Вѣдьмы обращаются въ разные предметы. Въ воронежской губерніи говорятъ, что онѣ могутъ принимать не болѣе 12 видовъ: сороки, собаки, кошки, свиньи, иглы, копны сѣна, клубка, козы, метлы, колеса и мухи (*Воронежская Бесѣда*, 192), но въ юго-западномъ краѣ часто встрѣчаются сказанія о превращеніи вѣдьмы въ птицу, жабу, коня, бревно и др. предметы (*Чубинскій*, *Kopernicki*, *Драгомановъ*, *Nowosielski*, и др.).

Средства защиты отъ вѣдьмъ чрезвычайно разнообразны; выше мы уже указали на свѣчу, макъ, косу; добавимъ, что у скотнаго двора ставятъ осиновыя колья; въ рога коровъ заворачиваютъ часть ремезоваго гнѣзда (*Красницкій* и *Воронежская Бесѣда*); въ лоханъ, изъ которой даютъ коровамъ пойло, бросаютъ живую черепаху (*Красницкій*); окуриваютъ старымъ ситомъ (*Kopernicki*); обливаютъ и поятъ „непочатой“ водой, т. е. взятой въ полночь изъ колодца въ одинъ пріемъ; опрыскиваютъ егорьевской росой, т. е. собранной наканунѣ св. Георгія Побѣдоносца, 23 апрѣля, рано утромъ (*Воронежская Бесѣда*).

Повѣрье о порчѣ коровъ вѣдьмами часто встрѣчается въ польскихъ судебныхъ процессахъ вѣдьмъ XVII в. (*Karłowicz*,, въ „Wisla“ 1887, III, 94 и др., V, 172, 178) и нынѣ обычно въ Привислянскомъ краѣ (*Fedorowicz*, Lud. II, 262), въ Великороссіи, Болгаріи, Чехіи, Германіи, (*Аѳанасьевъ*, III, 485—500). Католическое духовенство южной Германіи до сихъ поръ эксплуатируетъ это повѣрье, какъ доходную статью. Въ 1887 г. вышла вторымъ изданіемъ небольшая книга швабскаго католическаго священника Бишофсбергера объ изгнаніи демоновъ средствами католической церкви. Авторъ сочиненія на основаніи 37 лѣтней опытности (37 jär. Priesterleben) утверждаетъ, что въ нѣкоторыхъ хозяйствахъ коровы по колдовству не даютъ молока, несмотря на самый лучшій кормъ, а куры не несутъ яицъ. Съ цѣлью устраненія чаръ авторъ совѣтуетъ полагать крестное знаменіе на стойло и на сѣно, класть въ нихъ священные предметы, окроплять освященной водой, окуривать освященнымъ ладономъ, омывать соски освященной водой (*Längin*, Der Wunder und Dämonenglaube der Gegenwart, 42). Въ Норвегіи также вѣрятъ въ порчу коровъ (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 316).

Объясненіе происхожденія повѣрій о вѣдьмахъ вообще, въ частности о доеніи ими коровъ, дано миѳологами, въ Германіи Я. Гриммомъ, въ Россіи Аѳанасьевымъ въ 3 т. „Поэт. воззр. слав. на прир.“ и г. Потебней въ соч. „О миѳич. знач. нѣкот. обр. и повѣрій“. Нѣкоторыя частныя замѣчанія въ этихъ трудахъ подлежатъ другому объясненію и въ настоящее время не могутъ быть приняты; напр., мнѣнія Аѳанасьева, что „затменіе луны должно быть разсматриваемо, какъ утрата ею молока—свѣта“, что „приготовленіе вѣдьмами чародѣйнаго масла вышло изъ уподобленія грозы взбиванію масла“ и др. т. п. Намъ кажется вѣрнымъ то общее положеніе ученыхъ миѳологическаго направленія, что сказанія о вѣдьмѣ указываютъ на связь ея съ нѣкоторыми явленіями природы, и въ частности сказанія о доеніи коровъ вѣдьмами стоятъ въ связи съ метеорологическими явленіями природы. Вѣдьма во многихъ повѣрьяхъ представляетъ олицетвореніе тучи. Тучи посылаютъ дождь, скрываютъ свѣтила небесныя отъ глазъ человѣка; соотвѣтственно съ тѣмъ вѣдьмы повелѣваютъ дождемъ и росой (которая въ народныхъ сказаніяхъ и повѣрьяхъ является маленькимъ дождемъ), похищаютъ звѣзды и мѣсяцъ.

120.

Собираніе росы.

Сказанія о доеніи коровъ вѣдьмами тѣсно связаны съ сказаніями о собираніи ими росы, которая служитъ вѣдьмамъ въ однихъ случаяхъ средствомъ для очарованія коровъ и людей, въ другихъ случаяхъ для питья. Въ кіевской губерніи ранніе слѣды хожденія по лугу, убѣленному росой, признаются слѣдами вѣдьмъ, собиравшихъ на разсвѣтѣ росу. На зарѣ лѣтней ночи вѣдьмы выходятъ на лугъ и ударяютъ длинными платками о траву, приникшую къ землѣ отъ тягости росы. Изъ намокшихъ платковъ роса выжимается въ сосуды, содержащіе звѣриное молоко. Смѣшанное съ росою, оно употребляется какъ любимое питье въ собраніяхъ вѣдьмъ и злыхъ духовъ (*Красницкій*, въ „К. Еп. Вѣд.“). По другому повѣрью, записанному также въ кіевской губерніи, вѣдьма моетъ юрьевской росой цѣдилку (т. е. ситечко для процѣживанія молока), а потомъ

выдавливаетъ ее, и изъ нея тогда вмѣсто росы течетъ молоко, а сосѣдскія коровы остаются съ пустыми сосками. Тожественное повѣрье существуетъ въ Литвѣ. Здѣсь хозяйки наканунѣ Иванова дня варятъ цѣдилку въ святой водѣ, взятой изъ трехъ костеловъ, что заставляетъ чародѣевъ возвращать коровамъ выдоенное молоко (*Аѳанасьевъ*, III, 494). Подобное обыкновеніе существуетъ у волынскихъ малороссовъ, причемъ въ цѣдилку втыкаютъ булавки (*Kopern*, Zbiór, XI, 195). На Волыни говорятъ, что вѣдьмы на Ивановъ день до разсвѣта ходятъ простоволосыя по рвамъ и собираютъ росу, которую потомъ употребляютъ во вредъ скоту (ib., 194).

Въ Великороссіи, въ Привислянскомъ краѣ, въ Чехіи, въ Болгаріи, въ Германіи, въ Англіи записаны повѣрья, сходныя, а иногда тожественныя съ малорусскими (*Аѳанасьевъ*, III, 490—494; *Wisła* I, 16, II, 58; *Federowicz*, Lud, II, 262; *Krause*, въ Zeitschr. f. Ethnol. 1883, 82; *Спенсеръ*, Описат. соціол. 179). Вездѣ роса является цѣлебнымъ средствомъ; люди собираютъ ее въ платокъ, въ подойникъ, умываются ея, обрызгиваютъ скотъ, для полученія красоты или здоровья, а вѣдьмы употребляютъ ее во зло, во вредъ людямъ и животнымъ. Въ польскихъ судебныхъ процессахъ вѣдьмъ XVII в. встрѣчается обвиненіе вѣдьмы въ томъ, что она „rosę Zbierała z Liela, z drzewa, a potem na ludzi, na zboże, na bydło kropiąc, psowała“ (*Karłowicz*, 172). Во Франціи вѣрятъ, что колдуны собираютъ росу до восхода солнца въ день Іоанна Крестителя и потомъ опрыскиваютъ ею на мѣстѣ, гдѣ пасется скотъ, отчего у коровъ пропадаетъ молоко (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 342).

Отвѣтъ на полемическую замѣтку В. Г. Васильевскаго.

Κωφὸν γάρ τῷ ὄντι πως καὶ διάκενον
τό σῶμα τῆς ἱστορίας. ὅταν ἐστερημένας
ἔχει τὰς αἰτίας τῶν πράξεων

Theoph. Cont. IV. 17.

Профессоръ с.-петербургскаго университета В. Г. Васильевскій въ октябрьской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія напечаталъ полемическую замѣтку, направленную противъ автора статьи «Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ IX и X вв.», помѣщенной въ майской кн. журнала „Кіевская Старина“. Опроверженіе выставляемыхъ мной посылокъ и заключеній составляетъ не главную часть замѣтки В. Г. Васильевскаго, иначе это и не была бы полемическая, а просто критическая замѣтка; цѣль ея заключается въ томъ, чтобы выразить протестъ противъ моихъ критическихъ пріемовъ и тѣмъ предупредить русскихъ историковъ противъ соблазнительнаго и опаснаго примѣра. Этимъ двоякимъ характеромъ замѣтки долженъ опредѣляться и мой отвѣтъ. Мнѣ предстоитъ защищаться какъ противъ нападеній на упомянутое мое изслѣдованіе, такъ и противъ жестокихъ упрековъ и поученій общаго характера, высказываемыхъ за мои ненаучные пріемы.

Начну съ того, что въ замѣткѣ В. Г. Васильевскаго составляетъ критику моихъ положеній и выводовъ.

Есть въ древнемъ періодѣ русской исторіи роковые вопросы, наболѣвшія мѣста, къ которымъ безнаказанно нельзя при-

касаться. Одни ученые обходятъ эти мѣста, другіе отъ времени до времени берутся за разрѣшеніе ихъ, придумывая новыя комбинаціи и подыскивая новое освѣщеніе фактамъ. Между другими вопросами сюда относится и тотъ, которымъ я занимался въ статьѣ, подавшей поводъ къ настоящей полемикѣ. Большая часть подразумѣваемыхъ непорѣшенныхъ вопросовъ имѣетъ то общее свойство, что для рѣшенія ихъ имѣется мало прямыхъ свидѣтельствъ. Этою малочисленностью свидѣтельствъ или прямыхъ текстовъ объясняется то, что малѣйшая особенность въ толкованіи одного мѣста влечетъ за собой уже появленіе исторической теоріи, ибо за легкимъ измѣненіемъ смысла того или другаго текста слѣдуютъ необходимо соотвѣтственныя перемѣны въ толкованіи другихъ сродныхъ мѣстъ. Едва ли настоитъ надобность оправдываться въ томъ, что я не обошелъ молчаніемъ одинъ изъ такихъ вопросовъ; по одному тому уже это было бы излишне, что вопросъ о Саркелѣ поднятъ мной не самъ по себѣ, а слѣдовательно безъ всякаго дурнаго намѣренія, о чемъ и заявлено въ началѣ статьи.

Изслѣдованіе о византійскихъ владѣніяхъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря состоитъ изъ трехъ частей. Элементы, изъ которыхъ состоитъ каждая часть, не мной открыты, давно извѣстны и не разъ подвергались разнообразнымъ объясненіямъ. Мнѣ принадлежитъ только то, что путемъ дозволенныхъ, какъ думаю, пріемовъ критики я сдѣлалъ первую попытку сблизить между собой эти элементы и указать на принадлежность ихъ къ одному разрушенному до основанія зданію посредствомъ подбора сходныхъ чертъ въ ихъ структурѣ и стилѣ. Если бы болѣе меня свѣдущій и опытный архитекторъ доказалъ мнѣ, что я ошибаюсь въ опредѣленіи характера и стиля обломковъ, что между ними нѣтъ ничего общаго, я бы съ благодарностью воспользовался сдѣланными указаніями и не преминулъ бы сознаться въ увлеченіи и ошибкѣ, отъ которыхъ не свободно человѣческое дѣло. Но авторъ „полемической замѣтки“, заявивъ, что все мое построеніе есть не болѣе какъ миражъ, долженствующій исчезнуть при свѣтѣ внимательной и строгой критики, слишкомъ по-

надѣялся на свою опытность и поступилъ очень неосторожно, что я и надѣюсь доказать въ своемъ отвѣтѣ.

1. Прежде всего я останавливаюсь на свидѣтельствѣ Константина Порфиророднаго о построеніи Саркела. Пришедши къ заключенію, на основаніи изученія произведеній этого писателя, что въ нихъ находится сводъ археологическихъ и историческихъ матеріаловъ, которые можно было собрать въ X вѣкѣ, я высказываю догадку, что и 42 гл. de Administr. imperio не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Доказательство того, что и эта глава составлена на основаніи архивнаго матеріала и не представляетъ личнаго творчества Константина, нахожу въ географической части этой главы, которая носитъ признаки вставки. Анализируя мѣсто о построеніи Саркела, я отнесся къ нему какъ къ литературному факту, къ которому можно приложить пріемы внѣшней и внутренней критики. Въ извѣстіи оказались логическія и фактическія несообразности. Первыя усматриваю въ заключеніи разсказа, которое измѣнено уже у ближайшаго писателя, внесшаго это мѣсто въ свою лѣтопись. Вторыя же и прежде и теперь продолжаю видѣть въ томъ, что фактъ построенія византійцами крѣпости въ варварской землѣ безъ намѣренія оставить ее въ собственной власти—представляетъ весьма рѣдкое и почти невозможное явленіе въ политикѣ Византіи, ревниво охранявшей отъ варваровъ тайны своего военнаго искусства. Нашедши, далѣе, у І. Каменіаты извѣстіе объ инженерѣ Петронѣ и приходя къ весьма натуральной догадкѣ о тождествѣ Петроны—строителя Саркела и Петроны—инженера, я приведенъ былъ къ мысли, что мѣста Константина Порфиророднаго и І. Каменіаты не могутъ относиться къ тому же лицу, ибо едва ли могъ одинъ и тотъ же Петрона дѣйствовать на пространствѣ 60 лѣтъ. И здѣсь, въ качествѣ догадки, привожу соображеніе, что имя Θεόφιλος въ текстѣ Константина могло явиться изъ прилагательнаго θεόφιλος,—случай весьма нерѣдкій, зависящій отъ употребленія прописной буквы вмѣсто простой (Μαχάριος и μαχάριος, Ῥώμη и ῥώμη и мн. др.). Таковъ въ существенномъ ходъ мыслей, приведшій меня къ перенесенію извѣстія Константина съ 837 на 904 годъ.

Протестъ и опроверженія В. Г. Васильевскаго прежде всего направлены на эту часть статьи [1]). Какимъ, говоритъ онъ образомъ, одесскій профессоръ можетъ знать о такихъ дѣлахъ лучше, чѣмъ императоръ Константинъ Багрянородный, жившій въ X вѣкѣ и придававшій такое значеніе *своему* сообщенію, что не только помѣстилъ онъ въ *собственномъ* (sic) сочиненіи, но и заставилъ повторить его въ хроникѣ, составлявшейся подъ его руководствомъ?

Но развѣ не извѣстно, что первая обязанность изслѣдователя по отношенію ко всякому историческому извѣстію заключается въ провѣркѣ его? Развѣ современники, очевидцы и участники въ событіяхъ могутъ быть свободны отъ всякихъ подозрѣній въ неправильномъ освѣщеніи излагаемыхъ ими событій. Насколько я понимаю задачи научной критики, въ своемъ стремленіи къ истинѣ она не можетъ останавливаться передъ тѣми преградами, на которыя указываетъ мой оппонентъ. Я конечно не позволю себѣ сказать, что я знаю о „такихъ дѣлахъ“ лучше Константина Порфиророднаго, но гдѣ угодно я могу защищать ту мысль, что Моммсенъ знаетъ древній Римъ лучше Ливія или что книга Зибеля лучше знакомитъ съ исторіей 1 крестоваго похода, чѣмъ сочиненіе Вильгельма Тирскаго. Дѣло не въ томъ, лучше ли меня знаетъ о своемъ времени писатель, жившій за 1000 лѣтъ, а въ томъ, что современный событіямъ писатель не можетъ быть свободнымъ отъ духа партіи и разнообразныхъ интересовъ, которыми водятся живые люди. Самъ же мой оппонентъ говорилъ когда-то, что царевна Анна Комнина не могла излагать всю правду про своего отца.

Не напрасно ли, продолжаетъ В. Г. Васильевскій, начинать критику извѣстія столь рѣшительнымъ заявленіемъ своихъ личныхъ, субъективныхъ воззрѣній на возможное и невозможное? Это самый опасный критическій пріемъ сейчасъ же объявлять невозможнымъ то, что намъ покажется страннымъ, неожиданнымъ

---

[1]) При чемъ оппонентъ, передавая содержаніе текста Константина допустилъ двѣ неточности: помѣстилъ Саркелъ *при устьяхъ Дона* и приписалъ построеніе *протоспаварію* Петронѣ.

или невѣроятнымъ. Что одному кажется неправдоподобнымъ, то другой можетъ находить совершенно возможнымъ.

Здѣсь представляется образчикъ воззрѣній на возможное и невозможное въ исторіи, мой оппонентъ изгоняетъ субъективный элементъ въ изслѣдованіи. Но позвольте, Василій Григорьевичъ, вѣдь рѣчь идетъ о текстахъ, которые слѣдуетъ объяснять. Вѣдь если постановить правиломъ, чтобы изслѣдователь непремѣнно держался того мнѣнія, которое имѣли его предшественники, тогда наука не будетъ имѣть поступательнаго движенія. Вотъ и Вы проводите же совершенно субъективное воззрѣніе на основной вопросъ нашего спора, утверждая, что Саркелъ былъ при устьяхъ Дона; точно также Вы вдаетесь въ субъективизмъ, развивая мысль, что по византійскому взгляду построеніе крѣпости для варваровъ въ варварской землѣ было дѣломъ возможнымъ. Сучецъ во оцѣ брата видиши, а бревна въ своемъ глазу не замѣчаеши! Напрасно Вы еще настаиваете на томъ, что я смѣлъ критиковать писателя „облеченнаго въ порфиру“ и „вѣнценоснаго“,—это ужъ очень субъективно. Я совѣщался съ Константиномъ Порфиророднымъ по поводу Вашихъ нападокъ на меня и сообщу его мнѣніе въ концѣ отвѣта. Теперь же прибавлю отъ себя, что Вы напрасно устраняете политическія тенденціи у писателей, ими многое поясняется. Вспомните Ранке или критику римской анналистики у Петера.—На счетъ того, что Константинъ не могъ приписать „честь, подобающую собственному отцу, неправовѣрному, иконоборческому государю (т. е. Ѳеофилу)“ позвольте Вамъ объяснить, что въ X вѣкѣ память Ѳеофила была уже обѣлена, тогда уже составилось сказаніе объ изъятіи его имени изъ синодика. Признавъ мои соображенія неправдоподобной выдумкой и страннымъ хитросплетаніемъ, В. Г. переходитъ къ тому, въ чемъ я усматриваю доказательство дѣйствительной принадлежности Саркела Византіи, т. е. къ 11 гл. Константина. Я говорю, что мѣсто это такъ ясно, „что не требуется никакихъ толкованій, чтобъ установить его смыслъ“, а мой оппонентъ пишетъ, что я комментирую эти строки и нѣсколько ниже уязвляетъ выраженіемъ „критизирую“. Въ самомъ дѣлѣ, главой 11 утверждается положеніе, что когда хазары будутъ проходить къ Саркелу, Клима-

тамъ и Херсону (т. е. указываются мѣста, не принадлежащія хазарамъ, не подчиненныя имъ), то властитель аланъ можетъ вредить имъ, занимая пути. Хотя В. Г. и ссылается на выраженіе текста ἐν τῷ διέρχεσθαι и притомъ опять таки съ замѣчаніемъ, что я отъ себя подставилъ смыслъ, но вѣдь онъ понимаетъ хорошо, что διέρχεσθαι употребляется и въ смыслѣ τὴν παλεμίαν и что мой переводъ ничѣмъ не хуже предложеннаго имъ.

Ну, кого могутъ убѣдить нижеслѣдующія слова: аланы просто могли пресѣчь путь хазарамъ къ ихъ же собственной крѣпости, когда они къ ней захотѣли бы пройти для какихъ либо цѣлей, хотя бы для смѣны или подкрѣпленія гарнизона.—Съ какой же стати говорить въ этомъ мѣстѣ о чужой крѣпости, когда основная мысль главы показать, какъ враждой аланъ можетъ пользоваться имперія къ своему благу и ко вреду хазаръ.

Въ главѣ 11 идетъ рѣчь о движеніи μετὰ φοσσάτου приводится глаголъ πολεμεῖν, съ какой же стати совершенно произвольно подставлять тутъ „какія либо цѣли“. Что же касается неупоминанія Саркела во второй разъ, то это именно указываетъ, что послѣдній можетъ подразумѣваться въ выраженіи Климаты.

Что касается текстовъ, на которыхъ основаны мои соображенія объ имени строителя Саркела, въ этомъ отношеніи проф. Васильевскій упрекаетъ меня въ томъ, что я упустилъ изъ виду фамилію Петроны и уже этимъ много повредилъ убѣдительности своихъ соображеній. Дѣло въ томъ, что строителемъ Саркела Константинъ называетъ не просто Петрону, а Петрону Каматира, а тотъ Петрона, который отличился устройствомъ заграждеій въ Солуни, названъ просто Петроной. Только напрасно предполагаетъ мой оппонентъ, что я это упустилъ изъ виду. Конечно мнѣ было труднѣй отыскивать спеціалиста инженера Петрону, чѣмъ Каматира, ибо для первой цѣли можно пользоваться указателями именъ, а для второй нужно вчитываться въ литературу, нужно владѣть достаточнымъ запасомъ начитанности. Что я предпочелъ трудное болѣе легкому, это объясняется состояніемъ источниковъ, а никакъ не должно быть приписано моей небрежности. Понятное дѣло, моему оппоненту здѣсь было бы весь-

ма кстати поразить меня указаніемъ Петроны Каматира въ началѣ 9 вѣка, чѣмъ былъ бы нанесенъ мнѣ ударъ въ самое сердце и чѣмъ былъ бы спасенъ авторитетъ защищаемаго имъ писателя. Но онъ указываетъ на дѣйствовавшаго въ 912 году Петрону Трифиллія и тѣмъ думаетъ заподозрить мои соображенія. Конечно, это не есть удачный пріемъ. Еще можно сближать Петрону Каматира и просто Петрону, если принять во вниманіе, что фамилія не всегда употреблялась писателями, что видно и у Константина, только разъ назвавшаго нашего инженера по фамиліи, а потомъ два раза только по чину и имени.

Итакъ, дѣло объясняется очень просто. Между дѣятелями конца 8 и начала 9 в. въ византійской исторіографіи мы не нашли Петроны Каматира, хотя и встрѣчали много разъ просто Петрону, находили и фамилію Каматира, но не съ тѣмъ именемъ, какого нужно было [1]). Когда поиски въ этомъ направленіи не увѣнчались успѣхомъ, мы направили ихъ въ другую сторону, и стали разыскивать на пространствѣ 8 вѣка такого Петрону, который бы занималъ не очень крупныя должности и который бы подходилъ по спеціальной подготовкѣ къ строителю Саркела. И напрасно В. Г. съ такимъ пренебреженіемъ отнесся къ протоспаѳарію Петронѣ, строившему загражденія въ Солуни. Постройка Саркела требовала не только выдѣлки кирпича и рабочихъ для кладки стѣны, и устройство загражденій въ Солуни было дѣломъ инженернаго искусства. Но неизвѣстно то обстоятельство, что даже и грубыя, такъ называемыя циклопическія, постройки, искусно приспособлялись къ стратегическимъ цѣлямъ; съ точки зрѣнія нашего оппонента теперешнія земляныя укрѣпленія, оказывались бы еще проще византійскихъ, и для устройства ихъ не требовалось бы никакого искусства, а только рабочія руки, заступъ и лопата. Что значитъ его указаніе на выраженіе текста ἐξεῦρε? Я его перевожу „изобрѣлъ“, а онъ „придумалъ, догадался“. Но, конечно, я вѣрнѣй перевожу это слово, а не В. Г. Васильевскій; словомъ ἐξεῦρε передается, напр., изобрѣтеніе письменъ готскихъ (*Migne*, 115, col. 708). Я

[1]) Такъ въ Актахъ VII всел. собора, у Ѳеофана, у продолжателя Ѳеофана, у Амартола.

по совѣсти и по крайнему разумѣнію изслѣдую вопросъ, не отступая передъ затрудненіями, а оппонентъ издѣвается надъ моими словами!

2. Вторая глава моей статьи посвящена разбору записки готскаго топарха. Смѣю думать, что самое больное мѣсто въ изученіи этого памятника есть полная его изолированность. Съ точки зрѣнія исторической критики можетъ считаться уже одно то доказательствомъ неправильной постановки вопроса, если памятникъ, или текстъ, или просто возраженіе стоитъ совсѣмъ одиноко и не находитъ себѣ удобнаго мѣста въ ряду другихъ. Попытка объяснить отрывки Газе другими византійскими текстами и болѣе или менѣе вѣроятное сближеніе этого литературнаго памятника съ другими извѣстіями—во всякомъ случаѣ есть настоятельная потребность; на эту потребность авторитетно указалъ въ свое время академикъ Куникъ, призывая ученыхъ viribus unitis толковать памятники.

Профессоръ Васильевскій упрекаетъ меня, что я не согласился съ его толкованіемъ Отрывковъ Газе, что не принимаю, впрочемъ, и всѣхъ другихъ общихъ толкованій. Я полагаю, что нечего было бы и говорить мнѣ объ Отрывкахъ Газе, если бы я не пришелъ при изученіи ихъ къ нѣкоторымъ своимъ выводамъ. Другое дѣло—удачна или нѣтъ моя попытка. Нельзя же въ интересахъ науки издавать правила: такихъ то авторитетовъ не трогать, такихъ то мѣстъ не объяснять. Въ общемъ смыслѣ моихъ заключеній по отношенію къ Отрывкамъ Газе сводится къ слѣдующему: 1) въ Отрывкахъ идетъ между прочимъ рѣчь о постройкѣ стѣны въ области на сѣверъ отъ Крыма неизвѣстнымъ византійскимъ начальникомъ отряда, при чемъ тоже неизвѣстные варвары мѣшали своими нападеніями этой постройкѣ. Такъ какъ въ періодъ X вѣка, къ которому относятся Отрывки, нѣтъ въ византійской лѣтописи указанія на движеніе грековъ въ сѣв. области Чернаго моря, то мнѣ натурально было ухватиться за извѣстный фактъ—построенія Саркела Петроной. 2) Палеографическія наблюденія Газе, единственнаго лица, видѣвшаго Отрывки, пропавшіе послѣ него безслѣдно, для всякаго знакомаго съ состояніемъ палеографіи, должны показаться нѣсколько смѣлыми

въ виду того, что онъ помѣчаетъ рукопись, въ которой видѣлъ отрывки, концомъ X вѣка, а самые отрывки признаетъ письмомъ младшей руки. Конецъ X вѣка и младшая рука, но тоже X вѣка—такія положенія во всякомъ случаѣ не надежны, чтобы на нихъ построить зданіе пріуроченія Отрывковъ къ концу X вѣка т. е. къ Святославу Игоревичу, на чемъ настаиваетъ проф. Васильевскій. 3) Анализируя Отрывки, я отмѣтилъ въ нихъ мѣсто которое указываетъ, что византійскій военачальникъ, строитель стѣны или крѣпости, возвратился послѣ этого въ Константинополь, а не измѣнилъ своему государю и не предался властителю на сѣверъ отъ Дуная. А это измѣняетъ взглядъ и на многое другое. Наконецъ, въ 4-хъ, я пришелъ къ заключенію, что Отрывки Газе должны быть изучаемы параллельно съ извѣстіемъ Константина о построеніи Саркела на Дону, и что въ нихъ трактуется именно о той экспедиціи, которая изложена у Константина.

Въ подробности моихъ заключеній проф. Васильевскій не входитъ, а ограничивается двумя замѣчаніями: 1) что по извѣстію Константина Петрона прибылъ изъ Корсуня водою на судахъ, и, нужно думать, тѣмъ же путемъ воротился сначала въ Корсунь, потомъ въ Царьградъ (а въ Отрывкахъ идетъ рѣчь о возвращеніи византійскаго военачальника сухимъ путемъ, добавимъ отъ себя); 2) ссылается на палеографическія замѣчанія Газе, которыя препятствуютъ пріуроченію Отрывковъ къ самому началу X вѣка и признаетъ, что Отрывки написаны во время экспедиціи, а не послѣ, какъ я думаю на основаніи того, что въ Отрывкахъ есть указаніе на послѣдующія событія, на результаты, обнаружившіеся уже послѣ экспедиціи (докладъ объ ней и награда).

Слишкомъ пренебрежительно отнесшись къ моей попыткѣ дать иное освѣщеніе памятнику, проф. Васильевскій не позаботился и опровергать моихъ доводовъ: мы не чувствуемъ, говоритъ онъ, охоты ни опровергать его, ни подробно разбирать. Напрасно, вѣдь можетъ кто-нибудь подумать, что здѣсь то и находится сущность моихъ положеній! Во всякомъ случаѣ приведенное заявленіе оппонента освобождаетъ меня отъ отвѣтственности.

3. Въ третьей части я пытаюсь выяснить борьбу византійской и болгарской политики въ сѣверныхъ областяхъ отъ Чернаго моря, и для этого пользуюсь письмами Н. Мистика. Что́ бы, повидимому, могло быть законнѣй права изслѣдователя расширять поле изслѣдованія и привлекать для разъясненія своей темы побочный, повидимому, матеріалъ? Мой оппонентъ неблагосклонно относится и къ этому, говоря: „не довольствуясь отрывками Газе, Ѳ. И. Успенскій обращается къ письмамъ патріарха Н. Мистика". Но здѣсь я подвергаюсь едвали не самому крупному обвиненію, которое, если бы было доказано, могло бы покрыть меня позоромъ. Если я и въ самомъ дѣлѣ „исказилъ (и притомъ несомнѣнно) точный смыслъ выраженій патріарха въ самомъ важномъ и рѣшительномъ мѣстѣ", если „посредствомъ нѣкоторой, на первый взглядъ невинной и небольшой неисправности перевода на русскій языкъ греческой фразы", ввожу въ обманъ легковѣрнаго читателя, то конечно я становлюсь обманщикомъ, котораго слѣдуетъ поставить къ позорному столбу. Не слишкомъ ли много беретъ на себя мой ученый оппонентъ; подумалъ ли онъ, что такъ можно обращаться только съ большимъ негодяемъ, а не съ ученымъ другомъ, какъ называетъ онъ меня въ началѣ статьи. Зачѣмъ же видѣть искаженіе, обманное и умышленное, вѣдь я же привелъ фразу? Вѣдь я былъ очень скупъ на приведеніе текстовъ, а эту фразу привелъ?

Въ чемъ же тутъ дѣло? Я доказываю, что въ ту эпоху, на которую, по моимъ заключеніямъ, можетъ быть отнесена постройка Саркела и Отрывки Газе, что въ эту эпоху происходила упорная борьба изъ-за вліянія на сѣверномъ берегу Чернаго моря между ромэями и болгарами. Указанія на эту борьбу нахожу въ письмахъ Николая Мистика, приводя въ переводѣ нужныя мѣста и подъ строкой сообщая самый выразительный текстъ. И вотъ тутъ-то будто бы „я нашелъ въ письмахъ нѣчто такое, чего въ нихъ совсѣмъ нѣтъ". До чего негодованіе ослѣпило моего оппонента, видно изъ слѣдующихъ его словъ, которыми онъ прямо подкрѣпляетъ мою мысль о борьбѣ политическихъ вліяній Византіи и Болгаріи на обширной аренѣ къ сѣверу отъ Чернаго моря: „Изъ посланія видно (идетъ рѣчь о посланіи Н. Ми-

стика), что Симеонъ стремился выставить виновниками войны самихъ византійцевъ,—именно онъ указывалъ: 1) на то, что греческія войска были вызваны изъ Сиріи и двинуты къ болгарскимъ границамъ, которыя послѣ и переступили, и 2) на то, что византійцы возбуждали противъ болгаръ печенѣговъ, съ которыми заключили чрезъ посредство *херсонскаго стратига* Воги направленный противъ Болгаріи союзъ: нужно прибавить, что, по всѣмъ даннымъ, о томъ же самомъ, то-есть о союзѣ съ печенѣгами противъ византійцевъ, еще ранѣе хлопоталъ самъ Симеонъ, и тѣмъ болѣе онъ досадовалъ на свою неудачу, что она была торжествомъ противниковъ и дипломатическимъ пораженіемъ его агентовъ". Но я вѣдь ничего другаго не утверждаю, и готовъ подписаться подъ приведеннымъ мѣстомъ, такъ зачѣмъ же открытъ враждебный походъ противъ меня? Солью полемики В. Г. Васильевскаго посыпано слѣдующее затѣмъ мѣсто, гдѣ онъ приводитъ съ дополненіями, нами пропущенными, девятое письмо патріарха Николая. Этимъ письмомъ несомнѣнно устанавливаются слѣдующіе факты, которые мы и выдвинули въ своей статьѣ, подчеркнувъ ихъ: а) стратиги Ѳракіи и Македоніи извѣщали, что болгаре преслѣдуютъ одну цѣль, грабить и опустошать нашу страну (оппонентъ находитъ точнѣе слѣд. переводъ: „что болгаре питаютъ намѣреніе совершенно разграбить и разорить нашу страну"—не буду съ нимъ спорить, кромѣ забавнаго, поправка его ничего не представляетъ); б) херсонскій стратигъ Вога постоянно дѣлаетъ донесенія, что болгаре все стараніе прилагаютъ привлечь на свою сторону печенѣговъ и другія племена, живущія въ этихъ мѣстахъ, въ походъ и на войну съ ромэями (оппонентъ даетъ тоже „болѣе точный" переводъ: Вога „также не перестаетъ увѣдомлять". Ужь и точность: не перестаю увѣдомлять, вмѣсто постоянно дѣлаю донесенія!), что болгаре всячески стараются поднять печенѣговъ и другіе народы тѣхъ странъ противъ грековъ"; 3) объ этомъ же доводятъ до свѣдѣнія и 16 человѣкъ печенѣжскаго посольства, явившихся сюда, что изъ Болгаріи приходятъ къ печенѣгамъ и не одинъ разъ, а часто и что эти послы предлагаютъ вступить съ ними въ союзъ, и что болгаре такъ озабочены устройствомъ этого союза, что соединяютъ сво-

ихъ сыновъ браками съ печенѣжскими дѣвицами, дабы приготовить этимъ военное сотоварищество болгаръ и печенѣговъ; болѣе точный переводъ оппонента даетъ слѣдующее: „сверхъ того, до 16 человѣкъ изъ печенѣговъ приходили съ вѣстями, что изъ Болгаріи нѣсколько разъ присылали къ нимъ съ приглашеніемъ быть въ союзѣ; для этого стараются и браками связать два народа". Болѣе точный переводъ этого мѣста оказывается ужъ совсѣмъ не переводомъ, какъ можно убѣдиться въ этомъ при сличеніи съ текстомъ. Но такъ или иначе, ясно, что печенѣги подвергались сильнымъ вліяніямъ изъ Болгаріи, и что дипломатическая борьба Византіи и Болгаріи несомнѣнно увлекала печенѣговъ и другіе народы тѣхъ странъ. А какъ вѣсти приходили объ этомъ и отъ херсонскаго стратига, то также очевидно, что дѣло идетъ не объ отдаленной какой-нибудь опасности, а именно о ближайшей, то-есть, угрожаемы были интересы византійскаго вліянія и на сѣверномъ берегу Чернаго моря, гдѣ были въ то время печенѣги, привлеченіе которыхъ къ союзу съ болгарами представляло серьезную опасность.

Выставивъ указанныя артиллерійскіе снаряды, В. Г. Васильевскій хотѣлъ убить меня наповалъ нижеслѣдующимъ: „Вотъ ради чего, сколько я могъ убѣдиться изъ данныхъ мнѣ положительныхъ удостовѣреній, произошли у насъ сборъ войска и его передвиженіе, а также посылка къ печенѣгамъ (слѣдуетъ текстъ) не для того, чтобы поднять войну, не для того, чтобы совершить избіеніе твоего народа, но чтобы себѣ самимъ обезпечить безопасность, чтобы съ другой стороны остановить ваше стремленіе какъ они выражаются, и удержать отъ нашествія на греческую землю"... Приведенное мѣсто у меня передано такъ: Ради этого у насъ былъ собранъ отрядъ войска и посланъ въ печенѣжскую землю (и подъ строкой приведенъ текстъ). Но это не ради военныхъ дѣйствій и не для того, чтобы возбудить убійство твоего народа, но частію для того, чтобы позаботиться о собственной безопасности, частію же, чтобы пресѣчь и остановить ваше стремленіе и воспрепятствовать набѣгамъ на ромэйскую землю, какъ въ этомъ навѣрное извѣстились мы и чрезъ Вогу, и чрезъ пословъ печенѣжскихъ, и чрезъ донесеніе другихъ стратиговъ.

Тутъ есть нѣкоторая тонкость, которую слѣдовало бы объяснить, иначе вся соль полемики пропадаетъ. В. Г. Васильевскій изволилъ тутъ смѣшать переводъ съ объясненіемъ. Ужъ если онъ такъ любитъ хвалиться точностью перевода, въ особенности если хочетъ меня поразить обвиненіемъ чуть ли не въ подлогѣ, то долженъ былъ весьма осторожно самъ подбирать выраженія. Вѣдь злополучную фразу нельзя переводить такъ, какъ онъ переводитъ. Вся его махинація, говоря его же словами, „достигается посредствомъ нѣкоторой, на первый взглядъ невинной и небольшой, неисправности перевода на русскій языкъ греческой фразы".

Τούτου ἕνεκεν ἡ τοῦ στρατοῦ γέγονεν συλλογή καὶ συγκίνησις καὶ ἡ πρὸς πατζηναχίτας διάπεμψις

Вотъ ради чего произошли у насъ сборъ войска и его передвиженіе, а также посылка къ печенѣгамъ.

Я утверждаю, что, вставивъ не по требованію текста слово „также", В. Г. Васильевскій старался придать фразѣ желаемый имъ смыслъ, утверждаю еще и то, что безъ прибавки этого „а также" ἡ διάπεμψις—посылка совершенно правильно въ грамматическомъ и логическомъ смыслѣ дополняется тѣмъ же словомъ, какимъ συγκίνησις и συλλογή (т. е. στρατοῦ). Если моему оппоненту желательно при διάπεμψις предполагать дополняющее слово πρεσβείας и вообще толковать это мѣсто въ томъ смыслѣ, что было движеніе арміи въ болгарскіе предѣлы и посылка пословъ къ печенѣгамъ, то ужъ это будетъ его толкованіе, а не переводъ.

Итакъ, я перевелъ фразу такъ, какъ требуется и никакихъ умышленныхъ цѣлей при этомъ не преслѣдовалъ и смысла рѣчи Н. Мистика не искажалъ. А затѣмъ, позволю себѣ обратиться къ моему оппоненту съ вопросомъ, какъ онъ думаетъ на счетъ исторической достовѣрности переписки Н. Мистика съ Симеономъ. Патріархъ Н. Мистикъ долженъ былъ выдавать всѣ тайны политики своего правительства, ведя дипломатическую переписку съ врагомъ имперіи? Вѣдь Симеонъ то на то и негодуетъ, что Византія старалась побудить печенѣговъ къ союзу противъ Болгаріи, такъ ужели мой оппонентъ думаетъ, что патріархъ въ отвѣтъ на эти обвиненія такъ и будетъ прямо докладывать, что вотъ правительство послало къ печенѣгамъ отрядъ вой-

ска. Развѣ можно вѣрить и тому, что стяженіе арміи было „не для того, чтобы совершить избіеніе твоего народа", вѣдь это просто фраза въ дипломатической перепискѣ, фраза, которою маскируется фактическое положеніе дѣла. Мой оппонентъ часто любитъ повторять: источники ничего не говорятъ о томъ, стало быть этого не было.

Довольно наивная мысль, которая не понравится и русскимъ историкамъ, взятымъ имъ подъ защиту. Мало ли чего прямо не говорятъ источники, а с чемъ догадываются изслѣдователи...

Заключеніе изъ всего вышесказаннаго ясно. Никакихъ „миражей, долженствующихъ исчезнуть при свѣтѣ внимательной и строгой критики" полемическая замѣтка не обнаружила. Мало того, она даже ни на волосъ не подвинула изученіе вопроса. Вмѣсто того, чтобы обрушиваться на меня посредствомъ протеста и укорять за продѣлки съ текстами, такому извѣстному знатоку дѣла, пользующемуся общепризнаннымъ авторитетомъ, лучше было бы, не снисходя до тона страстной полемики, заняться еще разъ тѣмъ же вопросомъ и снова провѣрить тѣ выводы, къ которымъ онъ пришелъ 10 лѣтъ назадъ. Вѣдь этимъ вопросомъ и въ самое послѣднее время занимались западноевропейскіе ученые и не пришли къ тѣмъ же заключеніямъ, на которыхъ онъ настаиваетъ [1]).

Слѣдуя примѣру В. Г. Васильевскаго, я съ своей стороны обращаюсь къ Константину Порфирородному и нахожу въ его сочиненіяхъ нижеслѣдующій совѣтъ, направляемый къ моему оппоненту.

Меня радуетъ, что иперборейскіе скиѳы держатъ въ помыслахъ блаженной памяти предковъ и потомковъ моихъ, носившихъ скипетръ ромэйскаго царства, что читаютъ и складываютъ въ душѣ мои сочиненія, извлекая изъ нихъ уроки для своей политіи. Тебя же я не могу не отличать передъ другими и потому, что своимъ именемъ ты напоминаешь мнѣ дѣда моего, а въ своемъ прозваніи носишь стихіи ромэйской державы. Ты любезенъ сердцу моему, а потому я и открою тебѣ то, чѣмъ бы

[1]) Pič, Die Dacischen Slaven, Prag 1888, s. 238.

ни подъ какимъ видомъ не согласился дѣлиться съ варварами. Мои склонности неудержимо влекли меня къ литературнымъ занятіямъ, въ особенности къ историческимъ трудамъ. Но судьбамъ промысла угодно угодно было предназначить мнѣ ромэйское царство, которое не могло не отвлекать меня отъ бесѣдъ съ учеными и отъ усидчивыхъ занятій надъ рукописями. Я помышлялъ о большомъ историческомъ сочиненіи, но оказалось, что я не могу располагать для такого труда ни свободнымъ временемъ, ни всѣми необходимыми удобствами—завидуютъ вѣнценосцамъ, но это тяжелый и часто непосильный подвигъ! Къ этому присоединилось и то, что я не пользовался хорошимъ здоровьемъ, и часто рука моя отказвалась водить стилемъ по хартіи. На многихъ произведеніяхъ ромэйской письменности стоитъ мое имя. Ты знаешь сочиненіе о придворномъ чинѣ и отъ твоего глубокоумія не могло укрыться,—да я объ этомъ и не умолчалъ—что оно составлено по извѣстіямъ древнихъ писателей, частію же на основаніи записокъ современниковъ и очевидцевъ. Хорошіе и добродѣтельные и благочестивые люди, служившіе вѣрой и правдой нашимъ предшественникамъ, оказывались иногда не совсѣмъ справедливыми описателями дѣлъ и вещей, въ особенности если они мало были причастны еллинской мудрости. Но съ большимъ трудомъ отыскавъ какую либо рукопись, хранившуюся въ отдаленномъ монастырѣ, часто дурно написанную, мы считали полезнымъ не оставить и такую безъ вниманія. Ты знаешь, что II часть этого сочиненія такъ неисправна, что оглавленіе не соотвѣтствуетъ содержанію.

Все это я говорю съ тѣмъ, чтобы ты зналъ, что я и самъ причастенъ человѣческихъ слабостей и не смотрю на свой трудъ какъ на совершенство. Очень жалѣю, что въ иперборейскую страну не были доставлены въ свое время мои сочиненія. Вамъ приходится теперь знакомиться съ моими трудами по тисненію, сдѣланному франками. Скажу тебѣ, что мнѣ часто бываетъ больно взглянуть въ мои сочиненія; къ первоначальнымъ неисправностямъ, происходившимъ отъ тѣхъ причинъ, о которыхъ говорю выше, теперь присоединились другія, въ которыхъ я неповиненъ: я отмѣтилъ для тебя эти неисправности и при

случаѣ сообщу ихъ. Весьма часто не такъ прочитаны нѣкоторыя буквы, отчего слово измѣняетъ смыслъ, нарицательныя имена сдѣланы собственными и наоборотъ, допущены во многихъ случаяхъ пропуски, даже смѣшаны нѣкоторыя части.

Но скиѳы, какъ я вижу, внимательнѣй знакомятся съ другимъ моимъ произведеніемъ „Объ управленіи имперіей". И въ сіи обители, въ которыхъ упокоенъ, по благости Божіей, духъ мой, дошелъ слухъ, какъ ты, возгорѣвъ ревностью свыше должной мѣры, допустилъ осмѣяніе въ вашихъ періодическихъ писаніяхъ одного скиѳа, обитающаго на Понтѣ Евксинскомъ. Я не похвалю тебя за это по двумъ причинамъ. Первая та, что ты безъ надлежащаго искусства защищаешь меня. Мнѣ конечно не составляетъ большой пріятности уже и то, что ты устами почитая меня, называя порфиророднымъ и вѣнценоснымъ, не постыдился моего царскаго величія и потревожилъ мой прахъ въ такомъ, увы, дѣлѣ, какъ распря твоя съ тавроскиѳомъ. Въ вашемъ хронографѣ читается: суть бо греци льстиви до сего дне, я же скажу, что скиѳы превосходятъ ихъ въ этомъ. Ты много, затѣмъ, возлагаешь на меня, какъ на писателя. Конечно, составляя, напр., жизнеописаніе дѣда моего, я не чуждъ былъ того, что у франковъ называется тенденціозностью и на что я смотрѣлъ какъ на долгъ династическій. Первыя главы этого сочиненія имѣютъ задачей показать древность нашего рода, родство его съ Арсакидами съ одной стороны и съ ромэйскимъ царскимъ родомъ, съ другой. Мнѣ также желательно было доказать, что родъ мой не непричастенъ и такихъ заслугъ, которыя высоко ставятъ его передъ церковью. Божественное его избранничество и тѣ символы и указанія, которыми знаменуется это избранничество, я считалъ нужнымъ включить въ это жизнеописаніе, хотя какъ же могъ я все это провѣрить? Ты долженъ знать, что въ мое время была въ царской библіотекѣ книга, написанная на древнемъ пергаменѣ и древнимъ письмомъ, въ которой изложены пророчества и предсказанія о нашей династіи. Правда, говорили, что патріархъ Фотій подложилъ эту измышленную имъ исторію въ царскую библіотеку. Но кто же можетъ поставить мнѣ въ упрекъ, что я воспользовался этой книгой и

допустилъ нѣчто невѣрное въ исторіи моего дѣда, когда франки въ родословное дерево своего короля Карла внесли и не такія прикрасы. Вторая же причина заключается въ слѣдующемъ. Не скажу, чтобы мнѣ пріятно было, когда меня поправляютъ франки ли, скиѳы ли или другіе. Но и между эллинами былъ обычай, при изученіи какого-либо древняго писателя дѣлать на свободныхъ мѣстахъ вставки и даже поправки. Отъ такихъ вставокъ не остались свободны и мои сочиненія. Иногда онѣ удачны, иногда нѣтъ. Но въ вашей странѣ неизвѣстны мои хирографы, вы пользуетесь печатными книгами. Въ этихъ послѣднихъ есть несомнѣнныя *σφάλματα*, которыя конечно настоятельно нуждаются въ исправленіи. Напр.

De adm. imp. p.	108	читай Ἴβηρ	вмѣсто	ὕδωρ
	178	— χελάνδια	—	μελάνδια
	180	— Ἰβηρίαν	—	Συρίαν
	198	— μέγα	—	μέτα
	205	— Ἰβηρίαν	—	Ἰλλυρίαν
	259	— Συμβόλῳ	—	συμβόλῳ
	—	— λιμένι	—	λιμῶνι

Я уже не говорю о тѣхъ частію ненамѣренныхъ и невольныхъ ошибкахъ, въ которыя я былъ вовлеченъ моими сотрудниками и помощниками. Иногда я долженъ былъ довольствоваться сдѣланными мнѣ донесеніями и принять ихъ безъ провѣрки, не могъ же я ѣхать въ Скиѳію и подвергать опасности жизнь мою на вашихъ днѣпровскихъ порогахъ. Точно также я не могу отвѣчать за свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ другими, о славянахъ долматинскихъ и о поселеніи въ ромэйской области сербовъ и хорватовъ.

Сообразивъ все мной сказанное, ты поймешь какъ меня удивила твоя раздражительная полемика противъ того скиѳа, обитающаго на Понтѣ. Я самъ имѣлъ дѣло съ представителями разныхъ мнѣній въ области наукъ, и могу понять, что тутъ вполнѣ законны сомнѣнія, догадки и предположенія. Царскій родъ ромэйскихъ автократоровъ уважалъ научныя занятія и нерѣдко бралъ за стиль. Знаю царевну Анну, царя Кантакузина, не говоря о другихъ. Ради успѣховъ вашихъ занятій необходимо

выдѣлять и у нихъ истину отъ заблужденій: они тоже были люди своего времени и народа, они тоже имѣли свои симпатіи и антипатіи и, какъ облеченные тѣломъ, подвержены были человѣческимъ слабостямъ: иное выставляли больше на видъ, иное сглаживали, на вѣру всего нельзя принимать и у нихъ.

Самое же худшее въ твоей полемикѣ это цѣль ея. Ты преступилъ мѣру и принялъ весьма высокомѣрный тонъ по отношенію къ мужу, хотя и не живущему въ царственномъ городѣ и не такъ хорошо, какъ ты, знакомому съ музами и харитами, но все же прилагающему ревностное стараніе узнать чинъ нашей политіи и имѣющему заслуги по изученію ромэйской имперіи. Ты подвергаешь осмѣянію его стремленіе разобраться въ темныхъ мѣстахъ нашихъ текстовъ, которые имѣютъ значеніе для вашей исторіи. Это тѣмъ больше не хорошо, что у васъ еще такъ мало охотниковъ посвящать свои силы такого рода занятіямъ и что скиѳская невоздержность можетъ тутъ нанести вредъ начинающимся занятіямъ. Развѣ представляютъ хорошіе франкскіе органы подобный образецъ ученой критики, какой ты освящаешь своимъ авторитетомъ на страницахъ вашего періодическаго списанія.

Ѳ. Успенскій.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Опись имѣній Бороздиъ, 1638 г.

Предлагаемый актъ, пріобрѣтенный нами межъ остатками Бороздинскаго семейнаго архива, представляетъ собою пока единственный документъ, знакомящій насъ съ населеніемъ Сѣверщины въ первой половинѣ XVII в. Кромѣ того, опись Бороздинскихъ имѣній заключаетъ въ себѣ интересныя частности для исторіи заселенія той же Сѣверщины. Опись печатается здѣсь въ переводѣ съ польскаго подлинника

А. Л.

Инвентарь имѣній: двора и села Горска надъ р. Сновью, села Клюсъ надъ р. Цатою, слободки Хреновичъ, селища Тарасовскаго и Пралниковскаго, селища Дане (Dane), селища Забѣжы, Измайловскаго, Сѣмашкина надъ рѣчкой [1]) .., Тыхоничъ, Дороховскаго, бортныхъ уходовъ, острова Мѣншыцкаго и другаго Бабичи, также трехъ городищъ, лежащихъ въ разныхъ мѣстахъ: городища Волжина ниже устья рѣчки Жолвѣди, городища Чижова надъ р. Жолвѣдою и третьяго Горскаго надъ Сновью; а равно находящихся въ томъ же селѣ и мѣстечкѣ Горскѣ двухъ церквей: св. Николая и св. Юрія и третьей церкви св. Спаса, стоящей на землѣ Клюсовской, на Красномъ Борку, надъ р. Сновью; а также деревни Куршиновичъ, двора и села Медвѣлова и иныхъ всѣхъ селищъ и пустошей, издавна къ тѣмъ дворамъ и селамъ принадлежащихъ,—составленный мною Александромъ-Владиславомъ Быковскимъ, мечникомъ повѣта Рѣчицкаго, дворяниномъ Е. К. М., при передачѣ тѣхъ выше и ниже именованныхъ имѣній во владѣніе пану Іосифу Борознѣ, согласно привилегіямъ, декретамъ и листу Е. К. М., ко мнѣ писанному при посылкѣ меня для передачи тѣхъ

[1]) Пропускъ въ подлинникѣ.

имѣній, лежащихъ въ Стародубскомъ повѣтѣ, съ именнымъ спискомъ осѣдлыхъ подданныхъ и всякихъ другихъ принадлежностей тѣхъ имѣній.

Прежде всего, городище и село *Горскъ*, въ которомъ не много посуроекъ: пекарень двѣ, свирня [1]) надъ погребомъ и конюшня изъ плетня (tynіona). Въ томъ селѣ живутъ подданные, осѣдлые [2]) отличи:

Ермакъ Чорный съ женою и дѣтьми. Васько Кушниръ съ женою и дѣтьми. Савко Черниговецъ съ женою и дѣтьми. Ермакъ Головко съ женою и дѣтьми. Левонъ Вильменецъ съ женою и дѣтьми. Хома Лышъ съ женою и дѣтьми. Кондратъ, Лысаго пасынокъ, съ женою и дѣтьми. Хведоръ Колесникъ съ женою и дѣтьми. Андрей Кула съ женою и дѣтьми. Петръ Колесниченокъ съ женою и дѣтьми. Семенъ Жила съ женою и дѣтьми. Тышко Бѣлый съ женою и дѣтьми. Демидъ съ женою и дѣтьми. Иванъ Евхимовъ съ женою и дѣтьми. Игнатъ Овсяниковъ съ женою и дѣтьми. Стефанъ Щасный съ женою и дѣтьми. Васько, Игнатовъ братъ, съ женою и дѣтьми. Илья Колесниченокъ съ женою и дѣтьми. Овдѣй Овсяниковъ съ женою и дѣтьми. Романъ Олиференокъ съ женою и дѣтьми. Данило Плахозичъ съ женою и дѣтьми. Васько Овсяниковъ съ женою и дѣтьми. Филя Овсяниковъ съ женою и дѣтьми. Савко, Лысаго зять, съ женою и дѣтьми. Давидъ Скрабко съ женою и дѣтьми. Гришко Подвыйскій съ женою и дѣтьми. Митюкъ Овсяниковъ съ женою и дѣтьми. Тимохъ Овсяниковъ съ женою и дѣтьми. Аниско Никифоровичъ съ женою и дѣтьми. Иванъ Засыпечь съ женою и дѣтьми. Ничыпоръ Засыпечь съ женою и дѣтьми. Стефанъ, Щасного швагѐръ, съ братомъ своимъ, съ женами и дѣтьми. Трухонъ Исаковичъ, съ братьями своими, съ женами и дѣтьми. Стефанъ Добошъ съ женою и дѣтьми. Юрко Евтуховичъ, съ братомъ своимъ Якимомъ, съ женами и дѣтьми. Бабурсовій (?) съ женою и дѣтьми. Сасинъ Синявскій съ братьями своими, съ женами и дѣтьми. Акула (Вакула) съ женою и дѣтьми. Кондратъ, племянникъ (bratanek) Вакулы, съ женою и дѣтьми. Петръ Литвинъ съ женою и дѣтьми. Савко Пастухъ съ женою и дѣтьми. Адамъ Ляховичъ съ женою и дѣтьми. Тышко Рудый съ женою и дѣтьми. Курилко съ женою и дѣтьми. Стефанъ Зломъ съ женою и дѣтьми. Карпъ Новикъ съ женою и дѣтьми. Яцко Новиченокъ (Но-

---

[1]) *Свирня* – кладовая.

[2]) Osiadły—крестьянинъ, высидѣвшій въ имѣніи льготный срокъ, въ теченіе котораго онъ освобождался отъ обычныхъ повинностей.

виченко?) съ женою и дѣтьми. Логвинъ съ женою и съ сыномъ Сидоромъ. Горелько съ женою и дѣтьми. Кондратъ Логвиновичъ съ женою и дѣтьми. Васько Божымиръ съ затемъ своимъ, съ женами и дѣтьми. Андрей Логвиновичъ съ женою и дѣтьми. Андрей Слюба съ женою и дѣтьми. Семенъ Попіонекъ (Попенко?) съ женою и дѣтьми. Иванъ Попіонекъ (?) съ женою и дѣтьми. Якубъ Дроздовскій съ женою и дѣтьми. Гришко Караба съ женою и дѣтьми. Васько Матлюнъ съ женою и дѣтьми. Гришко Малчонекъ съ женою и дѣтьми. Иськo Малчонекъ съ женою и дѣтьми. Сенько Коваль съ женою и дѣтьми.

Деревня *Клюсъ* надъ рѣкой Цатою, въ которой живутъ подданные:

Иванъ Булка съ женою и дѣтьми. Аксіонъ Гульный съ женою и дѣтьми. Авакумъ Жаденокъ съ женою и дѣтьми. Якубъ Булдзенокъ съ женою и дѣтьми. Андрей Амелюновъ съ женою и дѣтьми. Петръ Булдзенокъ съ женою и дѣтьми. Кондратъ Сиротко съ женою и дѣтьми. Апанасъ Федоровъ съ женою и дѣтьми. Андрей Соловей съ женою и дѣтьми. Омелянъ Любенко съ женою и дѣтьми. Овдокимъ Коваль съ женою и дѣтьми. Евфимъ Компнокъ съ женою и дѣтьми. Семенъ Лихачъ съ женою и дѣтьми. Гришко Левоновъ съ женою и дѣтьми. Михайло Булдзенокъ съ женою и дѣтьми.

Слобода *Хреновичи* надъ болотомъ Рожечнымъ, въ которой подданныхъ не много:

Федоръ Мишуковъ съ женою и дѣтьми. Ничыпоръ Левоновичъ съ женою и дѣтьми.

Деревня *Куршиновичи*, селище *Крашево*, островъ *Исайовскій* и *Городецъ* надъ рѣкой Трубешомъ и Медвѣдкой; въ томъ селѣ подданные:

Якимъ Лайловичъ съ женою и дѣтьми. Максимъ Опара съ женою и дѣтьми. Стефанъ Ермаковъ съ женою и дѣтьми. Лашко Косякъ съ женою и дѣтьми. Иванъ Ермаченокъ (Ермаченко?) съ женою и дѣтьми. Кондратъ Плоскій съ женою и дѣтьми. Стефанъ Пидчеропъ (?) съ «прыймою» своимъ Борисомъ. Алексѣй Поджола съ женою и дѣтьми. Микита Ласкевичъ съ женою и дѣтьми. Филонъ Шкляричъ съ женою и дѣтьми. Федоръ Тѣсто съ женою и дѣтьми. Кондратъ Плоскаго племянникъ съ женою и дѣтьми. Атрохъ Тѣсто съ женою и дѣтьми. Демидъ Будникъ съ сынами своими, съ женами и дѣтьми. Захарко Козакъ съ братомъ своимъ, съ женами и дѣтьми. Алексѣй Кутыкъ съ женою и дѣтьми. Осипъ Дудка съ женою и дѣть-

ми. Ничыпоръ Апаренокъ съ женою и дѣтьми. Радко Кудрявый съ женою и дѣтьми. Лашко Тымошенокъ съ женою и дѣтьми. Лукьянъ Рыжій съ женою и дѣтьми. Романъ Сукачъ съ женою и дѣтьми.

Дворъ и село *Медвѣдово* надъ рѣчкою Пѣнейкою. Въ немъ немного построекъ: пекарня съ сѣньми и подъ избою свирня съ подклѣтомъ, конюшня съ кошарою и гумно, сверхъ того мельница со всѣми принадлежностями. Въ томъ селѣ подданные отчичи:

Матвѣй Шустѣловъ съ женою и дѣтьми. Климъ съ женою и дѣтьми. Якимъ изъ Велемоновъ съ женою и дѣтьми. Гаврикъ Шустѣненокъ съ женою и дѣтьми. Леонъ съ женою и дѣтьми. Кондратъ съ братьями своими, съ женами и дѣтьми. Яцко, зять Леоновъ, съ женою и дѣтьми. Зѣнько съ женою и дѣтьми. Гаврикъ Лысый съ братомъ своимъ Кондратомъ, съ женами и дѣтьми. Атрошко, Романовъ зять, съ женою и дѣтьми. Андрей Лазевскій съ женою и дѣтьми. Матьяшъ съ женою и дѣтьми. Романъ съ женою и дѣтьми.

Къ тѣмъ селамъ и деревнямъ издавна принадлежатъ: селище Бутовскаго, Каптюжино верхъ рѣки Пѣнейки, Заничи, Иваничи, селища Клещово надъ рѣчкой Цитвой, Бахаевское надъ рѣчкою Перестянкою, Ярцово надъ рѣчкою Цитвою, селище Чекарцове (?) надъ рѣчкою Росткою въ Мглинской волости, селище Рощиновское надъ рѣчкою Судынкою, селище Рожевское надъ Тростянкою и Возницою въ Послинской волости; на земляхъ Клющевскихъ и Горскихъ три городища въ разныхъ мѣстахъ: одно Чижово надъ рѣчкою, а другое Волжино ниже устья рѣчки Жолвѣди, а третье Горское надъ рѣкою Сновью. Горску принадлежатъ три церкви: св. Миколая, св. Юрія и третья св. Спаса. Къ нему же принадлежатъ селища: Тарасовское, Пычоничи, Дороховское надъ рѣчкою Илькучею, селище Пралниковское надъ рѣкою Сновью, селище Данки надъ рѣчкою Вербью, селище Измаиловское, Сѣмашкино надъ рѣчкою Тетивою и Мищанкою; сверхъ того бортные уходы, островъ Меншицкій и островъ Бабичи,— со всѣмъ, что издавна принадлежало къ тѣмъ селищамъ и деревнямъ; сверхъ того усадебное мѣсто (plac) съ постройками на улицѣ Могилевской въ городѣ Стародубѣ.

Разграниченіе тѣхъ всѣхъ вышеименованныхъ маетностей:

Первая пята начинается отъ двора и села Горска и деревни Клюсовъ, направляясь отъ пустой хоромины и Галаго болота и отъ

Частаго (Częstego) кургана да въ рѣку Сновь; рѣкою Сновью внизъ правымъ берегомъ въ Быстрицу; отсюда черезъ лугъ сѣченными рубежами [1]) да въ Венище; отсюда также сухимъ берегомъ сѣченными рубежами въ Велькунь; съ Велькуни къ болоту вверху рѣчки Илькучи; отсюда черезъ болото Илькучи да въ рѣчку Слотъ; вверхъ рѣчки Слота, правымъ ея берегомъ, приходимъ къ границѣ съ деревнею Лозами, ясновельможнаго пана каштеляна Черниговскаго п. Адама Киселя; отсюда сѣченными рубежами въ рѣчку Илькучу, а этою рѣчкою да въ рѣку Сновь; рѣкою Сновью вверхъ, правымъ берегомъ черезъ луга этой рѣки къ озеру Кутчища; отъ этого озера и р. Мѣщанки (?) въ Черницовъ лугъ; вверхъ лугомъ Черницовымъ, правымъ берегомъ, да въ Липовые лѣски, сѣчоными рубежами, въ болото Жилино; съ этого болота Жилина сѣчоными рубежами да въ Крутой лугъ; а тѣмъ Крутымъ лугомъ въ болото Мостище да на Терновскую дорогу (шляхъ); съ того Терновскаго шляха да въ рѣчку Колыбельку; рѣчкою Колыбелькою да въ рѣку Даворку сѣчоными рубежами; той же рѣчкою Даворкою да въ Сасовыя поляны, сухимъ берегомъ, сѣчоными рубежами въ лѣсъ Медвѣжій; съ Медвѣжьяго лѣса да въ рѣчку Цату; тою рѣчкою Цатою вверхъ къ рѣчкѣ Вакѣ (Валіи?), а этою рѣчкою въ рѣчку Берложную; рѣчкою Берложною вверхъ, а отсюда сухимъ берегомъ сѣчоными рубежами да въ Галое болото, къ Частому кургану да въ рѣчку Сновь. Отсюда началась первая пята двора и села Горска, также деревни Клюсовъ и иныхъ селищъ и пустошей, къ тѣмъ селамъ издавна принадлежащихъ, какъ было за его предковъ.

Ограниченіе деревни Куршиновичъ и селища Красова и острова Городца и Саевскаго: первая пята начинается по рѣкѣ Снови отъ устья рѣчки Злынки, правымъ берегомъ р. Снови, до рѣчки Столпни; рѣчкою Столпнею вверхъ Умертвицы, сѣчоными рубежами, сухимъ берегомъ да въ лѣсъ Ямный, вверхъ, пересѣкая Черниговскій шляхъ, да въ Кривыя сосны, сѣчоными рубежами, да въ рѣчку Крайню, Берложную, а той рѣчкой Берложной внизъ да въ Крушиновые лѣски, а тѣми перелѣсками да въ рѣчку Храпіолку; тою-жъ рѣчкою Храпіолкою да въ рѣчку Цату, а рѣчкою Цатою вверхъ правымъ берегомъ въ рѣчку Ваку; съ той рѣчки Ваки да въ Чорный лугъ, а лугомъ, берегомъ, сѣченными рубежами, въ лѣсъ Ржавецъ да

---

[1]) „*Сѣченые рубежи*“—граничные знаки на деревьяхъ.

въ рѣку Трубешъ; рѣкой Трубешемъ да въ рѣчку Крапивну; отъ рѣчки Крапивной въ лугъ болота Ольшанецъ, а съ того луга Ольшанца сѣченными рубежами въ рѣчку Сѣмчу, тою жъ рѣчкою внизъ да въ рѣку Сновь, а рѣкой Сновью до устья рѣчки Злынки, откуда началась первая пята того села Куршиновичъ и иныхъ пустошей, издавна къ тому селу принадлежащихъ.

Граница села во дира Медвѣдова и селицъ къ тому двору принадлежащихъ: селища Иваничъ, Вышкова и Шумова, Прибыткова и... (пропускъ) и Заниховъ.—Первая пята начинается отъ Клещовскаго болота, идетъ внизъ по рѣкѣ Титвѣ, отсюда въ рѣку Сновь, а вверхъ рѣкою Сновью въ рѣчку Чернотку, рѣчкой Черноткой вверхъ тѣмъже лугомъ Черноткинымъ да въ Осиновые лѣски, сѣченными рубежами, въ Скоморожскіе лѣски по старую дорогу Топальскую, этой-же дорогой Топальской, ѣдучи до Медвѣдева, въ Юрковую Лозу сѣченными рубежами по курганъ, а отъ того кургана сѣченымъ рубежемъ въ рѣчку Пѣнейку, въ Большіе Колодязи, внизъ рѣчкою Пѣнейкою правымъ берегомъ до рѣчки Титвы, откуда началась первая пята той границы двора и села Медвѣдева.

Ограниченіе двора деревни Бутовскаго, селища Каптюжина и селища Заничъ.

Первая пята той границы начинается отъ рѣчки Пѣнейки и отъ Колдышова «прядыща» (конопляника) къ кургану, отъ того кургана въ Чорную Лозу и съ Винной Купѣли къ Виловатому дубу сѣченными рубежами, лугомъ вверхъ въ Юрковую Лозу; съ той Юрковой Лозы на Старый гостинецъ Терновской дорогой къ осиновому колку (пню) Скоморошки; отъ осиноваго колка сѣченными рубежами до дубоваго колка, а отъ того дубоваго колка Старымъ гостинцемъ къ кургану, а отъ кургана да въ Чорную Лозу; отъ Чорной Лозы вверхъ сѣченными рубежами да Шкваркою дорогой въ осиновые колки; съ осиновыхъ колковъ въ Козье Болото, отъ Козья Болота Шкваркою дорогою да въ Мохъ; отъ того Моху гостинцемъ великимъ въ Литовскіе... тѣмъ гостинцемъ въ дубовые колки сѣченными рубежами да въ Орловое Гнѣздо; съ Орловаго Гнѣзда да въ Крутой Лугъ; съ того Крутого Луга вверхъ сѣченными рубежами къ Змѣевому кургану; отъ Змѣеваго кургана сѣченными рубежами въ Крутой Лугъ; Крутымъ Лугомъ въ болото Иржавецъ, съ котораго болота въ рѣчку Пѣнейку,

а рѣчкой Пѣнейкой внизъ правымъ берегомъ къ Кѣльдышову прядищу, откуда началась первая пята той границы.

Въ этихъ границахъ панъ Іосифъ Борозна самъ и подданные его, а равно жена и потомство его имѣютъ право вольнаго распоряженія какъ землями всякими, такъ деревомъ бортнымъ, ловами звѣриными, птичьими и рыбными, гонами бобровыми, рѣками, рѣчками и озерами и вообще всѣмъ отъ малаго до большаго, какъ съ давнихъ временъ предки его пользовались. И на то я, дворянинъ, даю этотъ инвентарь, учинивъ его согласно привилегію и листу Е. К. М. ко мнѣ писанному,—съ печатью и съ подписью руки моей, а также съ печатями и съ подписями рукъ вознаго и шляхтичей, при мнѣ находившихся, кто изъ нихъ писать умѣли; даю его шляхетному пану Іосифу Борознѣ, женѣ, дѣтямъ и потомкамъ его на всѣ послѣдующія времена. Писанъ въ Горскѣ, лѣта Господня 1638 го, мѣсяца іюля 30-го дня.

Александръ Владиславъ Быковскій, мечникъ повѣта Рѣчицкаго, дворянинъ Е. К. М. Янъ Жолтовскій, возный Е. К. М. повѣту Рѣчицкаго (по-русски). Александръ Сенигорскій рукою власною. Наумъ Петровскій рукою (по-русски). Григорій Жеды... рукою.

Запорожье въ концѣ XVIII вѣка [1]).

(Современная записка).

Предлагаемая здѣсь записка взята нами изъ одного *сборника*, (Silva rerum) конца XVIII в. (въ собраніи графа А. С. Уварова, № $\frac{451}{л.}$. л. 157—173), гдѣ она названа *примѣчаніемъ о запорожцахъ*. Писана она, какъ видно изъ §§ 2 и 9, въ царствованіе Екатерины II, во время первой турецкой войны (1768—1774), слѣдовательно незадолго до взятія Сѣчи генераломъ Текели (1775). Въ запискѣ этой можно видѣть обвинительный актъ противъ запорожцевъ, написанный, быть можетъ, по порученію правительства, которое въ то время задумывало уже объ уничтоженіи Сѣчи [2]). Какъ бы то ни было, за-

[1]) Настоящая записка перепечатывается нами изъ одного малоизвѣстнаго изданія (Архивъ юридическ. свѣдѣній) 60-хъ годовъ.—*Ред.*

[2]) См. Современ. 1848 г., N 7, *А. В. Головатый* и ср. *Разсужденіе о запорожцахъ*—Миллера. Чтен. Моск. Общ. истор. и древн. 1847 г.

писка эта, вмѣстѣ съ извѣстною «Исторіею о козакахъ запорожскихъ», кн. Мышецкаго [1]), и повѣствованіемъ Коржа [2]), представляетъ довольно вѣрную картину отжившаго свой вѣкъ Запорожья [3]).

Ал. Лазаревскій.

1) Земли какъ ниже Старой Линіи, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, съ присвоенными, въ нынѣшнюю войну, отъ новороссійской губерніи, въ длину—отъ Бахмута до рѣки Буга, до 600, а въ ширину отъ устья Бердъ до старой украинской линіи—350 верстъ.

2) Граничатъ оныя съ войскомъ донскимъ, слободскою и новороссійскою губерніями; отъ стороны турецкой—съ очаковскою и нынѣшняго нашего союзнаго Крыма землями; а противъ Кубани по Азовское море. По оной границѣ, съ открытой стороны, заведены нынѣ вновь россійскія крѣпости, какъ то: Таганъ Рогъ, по рѣкамъ: Бердъ, Конской, при устьяхъ Московки, а отъ Очакова--Екатерининскій шанецъ.

3) Мѣста имѣютъ они изобильныя рѣками, лѣсами и плодородную землю; пользуются великими доходами отъ скотоводства, рыбными ловлями въ Днѣпрѣ, и при морскихъ заливахъ, на устьѣ рѣки Калміуса, Бердъ и близь очаковскаго Лимана, и въ ономъ, по договору съ турками, за отпускаемые ими въ Очаковъ лѣсъ и дрова.

4) Въ мирное время имѣютъ комерцію отъ Сѣчи по Днѣпру, черезъ Очаковъ и Лиманъ, Чернымъ моремъ, купеческими, наемными у турковъ кораблями, въ Царьградъ и далѣе, на Бѣлое море, отправляя туда получаемые товары и изъ польской Украины, Малороссіи и изъ разныхъ мѣстъ, граничащихъ съ ними: желѣзо, говяжье и овечье мясо, полотно, храшъ, пеньку и канатъ; оттоль вывозятъ мыло, сафьянъ, мишини (?), хлопчатую бумагу, турецкія матеріи, виноградное вино, лимонный сокъ, деревянное масло и разную бокалею, то есть: изюмъ, винныя ягоды, лимонъ, сарочинское пшено, кофей и разныхъ родовъ орѣхи.

5) Поставляютъ хлѣбъ пшеничный и также изъ вышеписанныхъ потребныя вещи въ Крымъ и въ Очаковъ и имѣютъ продуктъ съ турками и татарами, продажею имъ на сихъ дикихъ земляхъ получающихъ [4]) ими довольнаго числа разнаго рода бывающихъ въ ук-

---

[1]) Москва, 1847—8, и Одесса, 1852, 8.

[2]) Устное повѣствованіе бывшаго запорожца Н. Л. Коржа. Одесса, 1842, 8.

[3]) Печатая записку, мы позволили себѣ держаться въ ней правописанія современнаго.

[4]) Получаемыхъ (?).

раинскихъ мѣстахъ дикихъ звѣрей, а изъ Крыма вывозятъ соль, также вино и бокалею жъ.

6) Продаютъ оные, вывозимые, товары и мѣняютъ на тѣ, отправляемые ими, а также и на горячее вино съ Малороссіею и польской Украины промышленниками.

7) Получаютъ знатную сумму отъ купцовъ, поставляя отъ Сѣчи разные товары по Днѣпру, въ Очаковъ и Кинбурнъ, а также и оттоль, съ приходящихъ кораблей, какъ оные случается, что въ сухменное время и шедъ очаковскимъ Лиманомъ, выше устья Буга, въ разливъ, называемый Козій, днѣпровскими гирлами, иногда не проходитъ безъ облегченія съ нихъ на лодки. А случается, при томъ, часто, что турки съ купцами и договоры имѣютъ поставлять товары до Очакова, а не до Сѣчи.

8) Сбираютъ они съ купечества не меньше половинной части, противъ таможенныхъ сборовъ, подъ видомъ не такъ чтобъ учрежденной отъ нихъ тарифы, а берутъ они за перевозъ войсковыми лодками, а на сухомъ пути, черезъ рѣки, за мосты (ибо во всей ихъ землѣ нѣтъ ни единаго моста, или хотя бы на малѣйшемъ протокѣ гати, съ которыя бы не собиралось на полковника той паланки, въ дачахъ которой есть переѣзды, съ порожной телѣги по копѣйкѣ). А также и за безопасность въ пути, отъ ихъ людей за конвоеваніе приставленнаго одного человѣка къ ѣдущему обозу, съ войсковымъ перначемъ или булавою, а больше прилѣпленною на булавѣ войсковою печатью; однакожъ хотя бы сего конвоя кто и не требовалъ, но ему даютъ и долженъ расплатиться непремѣнно, по точности ихъ установленія.

9) Число ихъ, запорожцевъ, всегда считалось военныхъ людей 40,000, а вмѣсто того весьма ихъ было мало и дѣйствительно вооруженныхъ и справныхъ, отъ собственнаго своего имущества, козаковъ никогда бы больше конныхъ выѣхать не могло, за остающимися у присмотра домовъ, какъ тысячъ до шести; а также и пѣшихъ козаковъ не болѣе быть можетъ, какъ тысячи четыре, должность которыхъ отправляютъ съ нихъ въ пѣхотѣ всякій, неимѣющій ремесла и пропитанія, бродяга, убѣгая работы, за плату изъ казны 12 р. жалованья и провіанта. А нынѣ они, запорожцы, имѣютъ людей всякаго званія тысячъ до ста, ибо у нихъ, въ нынѣ продолжающуюся войну, вновь поселилось и безпрестанно населяется убѣгающихъ отъ службы и податей изъ Малороссіи, изъ новороссійской и слободской губерній, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, противъ елисаветградскаго и мол-

давскаго полковъ, впереди Старой Линіи и по рѣкамъ Самарѣ, Орели и по Кривому Торцу, болѣе двадцати пяти тысячъ дворовъ съ фамиліями; коими людьми они себя достаточно подкрѣпили и могутъ войска поставить, имущественныхъ людей, кои отъ собственнаго своего капитала исправиться въ состояніи, которыхъ козаковъ, безъ нужды, тысячъ пятнадцать и болѣе, кромѣ бродягъ, служащихъ, какъ выше значится, въ пѣхотѣ, изъ пропитанія, и нынѣ у нихъ службы отбываютъ въ походѣ конную все почти женатые. Неслужащіе же, домовные люди, обращены въ подданство, разчисленіемъ на содержаніе сорока куреней, отъ которыхъ старшины знатнымъ образомъ полнятъ свои карманы; ибо у нихъ курень называется такъ какъ бы полкъ, а всѣ люди, записанные въ ономъ, только числятся, а живутъ въ разныхъ мѣстахъ и довольствуются всякъ своимъ, слѣдственно и расходу больше быть не можетъ, какъ только тотъ курень починить, настатчить, удовольствовать тепломъ и кормить живущихъ въ немъ нѣсколько сторожей.

10) Отъ службы ихъ военной, какъ отъ конныхъ, такъ и пѣшихъ, въ регулярномъ войскѣ польза больше только та, что умножаетъ счетъ, а впрочемъ помощь отъ нихъ весьма мала, но и то видъ сей военныхъ людей отправляютъ они во время только одной кампаніи, на нѣсколько мѣсяцевъ, а всегдашней службы, чтобъ оную нести, безъ разсчета своихъ выгодъ, или относительно закопорованія земли (?) и прочаго, въ зимнее время попеченія, никогда прямой тягости и нужды, въ войнѣ почерпаемыхъ, такъ какъ другіе военные люди, или донскіе и малороссійскіе козаки, отдѣлены отъ своего гнѣзда, снести не могутъ, даже и послѣдней помощи не дѣлаютъ, что на собственныхъ ихъ земляхъ почтъ для случившихся курьеровъ содержать имъ не ввѣряютъ.

11) Народъ сей отечеству никакихъ податей не платитъ, кромѣ вышеписанной службы, пользуется такою, по ихъ прихотямъ, вольностью и выгодами, каковыхъ ни одна земля между устроенными межами не имѣетъ.

12) Закона и учрежденій никакого у нихъ нѣтъ; пріемлютъ себя, что быть имъ повинными одной только, когда къ нимъ особливо написана будетъ о чемъ, императорской грамотѣ, а въ прочемъ, касающемся до нихъ, какъ по военнымъ, такъ и гражданскимъ дѣламъ, исполняютъ тогда, когда они ласковостью бываютъ увлечены, хотя бы и отъ высокихъ чиновъ, и всякія государственныя учрежденія считаютъ, что оныя имъ не принадлежатъ.

13) Начальникъ у нихъ кошевой атаманъ, и, по ихъ обыкновенію, долженъ быть грамотѣ незнающій и зависящій отъ общественнаго выбора; но однакожъ нынѣ сей выборъ согласіемъ старшинъ пресѣкся; главная въ правительствѣ ихъ министерія та, что въ ономъ обществѣ, кто только возжелаетъ препроводить, сколько будетъ его воля, дней своего вѣка и записаться въ козаки, то хотя бы онъ рожденъ и воспитанъ былъ разумно, долженъ учиться суровости и невѣжеству, во всѣхъ поступкахъ, и казаться свѣту, что ихъ сердца, смѣшанныя съ сущею простотою и всегдашнимъ хмѣлемъ, ничего не устрашаются и о всей жизни будто бы не пекутся, и никакимъ собственнымъ интересамъ, никакой повинности не привязаны, кромѣ доброй своей ко всякому дѣлу воли. И тѣмъ самымъ начальники сего войска, обучившіеся сему ремеслу, утверждаютъ, что ни въ чемъ они не властны, когда къ чему не приступитъ чернь, называемая ими товариществомъ, и что принадлежитъ до сей черни, то оная и въ самой вещи наполнена невѣжествомъ и слабостью къ пьянству, и по простотѣ своей природы, и безъ той ихъ старшинской внушаемой науки, довольно глупа. Но однакожъ столько повинны и порабощены, что послушанія таковаго въ разумномъ и распоряженномъ народѣ бываетъ не всегда и нельзя не быть, по ихъ обыкновенію, потому что хотя бы и малѣйшая противность примѣчена за кѣмъ была, властенъ кошевой атаманъ, безъ всякаго суда, да хотя бы и безъ вины, не отвѣтствуя никому, приказать лишить жизни; а въ сущемъ дѣлѣ, оное только въ предметѣ, къ пользѣ однихъ своихъ личныхъ интересовъ, почерпающихъ между внушенною простотою своей черни, ибо нерѣдко случается, что тѣ же старшины, казавшіеся въ Сѣчи запорожской ничего непонимающими, но бывъ нѣсколько лѣтъ, изъ бѣднаго студента, выѣзжаютъ въ Малороссію съ хорошими капиталами и происходятъ въ чиновники, а съ тѣмъ чиномъ, въ мѣсто того, что онъ въ Сѣчи запорожской не зналъ грамотѣ россійской, вдругъ раждаются и другія науки.

15) Всякой у нихъ начальникъ за продерзость въ малѣйшемъ хотя воровствѣ, или примѣтя волокитство за женскимъ поломъ, воленъ того преступника лишить всего имущества въ собственной свой карманъ, какого бы то капиталу онъ ни былъ, а никому за то не отвѣтствуетъ; а кольми паче въ волокитствѣ, хотя бы виновный и безъ прилики приведенъ былъ, всячески стараясь найтить истину его прегрѣшенія, сему наказанію подвергаютъ; о чемъ находящіеся при старшинахъ письменные, кои генерально изъ малороссійскихъ

школьниковъ у нихъ бываютъ, не пропускаютъ времени усугублять свое попеченіе о надсматриваніи за богатыми козаками, обходя бѣдныхъ.

16) Мѣста тѣ, которыя граничатъ съ запорожцами, никогда въ желаемый порядокъ приведены и успокоены быть не могутъ. Они тѣхъ сосѣдей своихъ, разстроенныхъ порядкомъ, раззоряютъ безпрестанно: дѣлаютъ набѣги, отнимаютъ близь ихъ лежащую землю, съ населенными людьми, и разными оныя старшины алчностями къ прибыткамъ, пріобрѣтаютъ изъ нихъ свои интересы, какъ такіе люди, которые для того только и жертвуютъ своимъ состояніемъ сему образу гнусной жизни, чтобъ, успѣвъ нажиться, выйти скорѣе обратно въ тотъ край, гдѣ единоземцы его, въ жизни своей, чувствуютъ спокойствіе и благоденствіе. Какого бы рода и званія ни былъ человѣкъ, уволенный ли отколь, или бѣглецъ, они его принимаютъ, а въ сосѣднихъ мѣстахъ, простой народъ подговариваютъ и тѣмъ дѣлаютъ въ податяхъ и службѣ государевой подрывъ. Чрезъ то никакого основательнаго и крѣпкаго въ оныхъ господственныхъ съ ними мѣстахъ, учрежденія, въ разсужденіи побѣговъ и скрывалища безпрепятственнаго, сдѣлать невозможно. Юношество и молодыхъ, несовершеннаго разума людей, сколько обманомъ, а иногда увозятъ при удобномъ случаѣ и неволею. Нерѣдко случается, что достаются имъ въ добычу и благородныхъ людей дѣти, имѣющіе начало въ наукахъ, и вмѣсто того, что возросшій съ лѣтами его разумъ, полезенъ бы былъ обществу, то у нихъ какъ по молодости своей немогущій проникнуть старшинскаго притворнаго обращенія, которые пьяницами и непонятными никогда не бывали, и въ самой вещи пріучаются между симъ обществомъ невѣжеству и пьянству. Словомъ, ни одно войско регулярное пройти по ихъ землѣ никогда не можетъ, чтобъ они его не убавили своими подговорами и принятіемъ бѣглецовъ.

17) Говорятъ, при томъ, запорожскіе старшины, что у нихъ въ войскѣ есть разнаго рода иностранные люди и наполняютъ его со всѣхъ сторонъ; но однакоже великаго бы имъ труда стоило, еслибъ они во всей своей землѣ отыскали нѣсколько человѣкъ прибѣгающихъ къ нимъ иногда армянъ, грековъ и жидовъ; да могутъ и хвалиться, что черезъ нынѣшнюю войну, ниже Стараго Казака, у Днѣпра, населили село Волоховъ, а впрочемъ, какъ сами, а не старшины, такъ и всѣ ихъ козаки населившіеся, есть природные россійскаго престола, а нѣкоторые, но весьма малая часть есть въ числѣ оныхъ изъ польской Украйны.

18) Родъ сей, въ правительствѣ ихъ секты, весьма хитеръ, проницателенъ и остороженъ въ разсужденіи своихъ интересовъ, сопряженныхъ съ таковою вольностію, чрезъ которую не даютъ они никому въ оныхъ отчета; прилежно пекутся всячески, дабы оная не подвергалась законамъ своего отечества и власть ихъ въ оныхъ безпредѣльная и неограниченная была порядкомъ.

19) И потомъ, недовольно внутреннія свои прибыли, но и весь оной шаръ земли обращать стараются въ неизвѣстность и неполезность никакое обществу распоряженіе.

20) Одинъ генералъ въ 1763 г., по бытности своей въ Украйнѣ, послалъ къ нимъ съ просьбою, чтобъ нѣсколько товаровъ изъ Сѣчи сплавить въ Очаковъ, Днѣпромъ; однако они, держась своей осторожности, не преминули упредить, дабы такіе люди дороги къ нимъ впередъ не накладывали и тѣ товары на камень, который лежитъ въ Днѣпрѣ, ниже рѣки Рогачика и урочища, называемаго Насоновская Плавня, накрытой водою (къ) крымскому берегу небольшія лодки посадили; а ихъ запорожскія недовольно лодки, но и турецкіе большіе корабли, всегда приходятъ благополучно, и доказываетъ сіе то, что въ нынѣшнюю войну, когда турецкая флотилія вошла въ Днѣпръ и запорожцы ихъ прогнали, то разбитой при томъ сраженіи одинъ корабль, выше Шингерейскаго ретраншамента, противъ урочища Виливалъ, и нынѣ лежитъ и виденъ и хотя оной небольшой величины, однакожъ на немъ было, съ военными людьми, девять пушекъ, но были же въ той флотиліи конечно и больше.

21) А при томъ запорожцы не забываютъ смотрѣть и на обстоятельства политическія, и по онымъ себя измѣрять, когда имъ прибавить или убавить своей смѣлости и говорить о своемъ обществѣ и утверждать оное отъ самодержавной власти, и знаютъ время, когда имъ что нибудь предпринять на примѣръ.

22) Какъ скоро нынѣшняя съ Портою Отоманскою война открылась, то запорожцы тотчасъ въ совѣтѣ своемъ положили, всѣ селенія, лежащія отъ устьи Салери (Самары?) до рѣки Конской по рѣкамъ Волчей, Терномъ, сухимъ и мокрымъ яламъ [1]), по Торцу и по Калміусу—сжечь, а нѣкоторыя оставить безъ жителей, что того жъ времени и исполнили: селеніе Усть-Козмиуса (sic), гдѣ было дворовъ

---

[1]) Ср. Опытъ области. словаря, стр. 274, *яловый*—порожній, пустой, неплодный; *яловая скриня*—потокъ, на которомъ нѣтъ мельницы. Слово *ялъ* должно быть равнозначущимъ *байраку, балкѣ*. А. Л.

до пятисотъ и церковь, сожгли, а жителей всѣхъ согнали къ устью Самары и къ Сѣчи запорожской; а тоже самое сдѣлали и въ живущихъ при Днѣпрѣ, ниже Сѣчи запорожской, къ рѣкѣ Бугу и къ елисаветградской провинціи. Но чтобы отъ сего заключить? Если согласно говорить съ запорожцами, можно сказать, что они сдѣлали хорошо, дабы ихъ люди, живущіе въ разныхъ мѣстахъ, по ихъ зимовникахъ, не сдѣлались непріятелю жертвою; но если жъ посмотрѣть въ послѣдующее потомъ съ новороссійскою губерніею ихъ обращеніе, то конечно увидѣть можно, не было ли тогда у запорожцевъ на умѣ, чтобы въ право къ елисаветградской провинціи, а влѣво къ Старой Линіи и до Бахмута, татары очистили имъ земли по ихъ батиреевой (sic) грамотѣ, по которой они имѣютъ дѣло съ новороссійскою губерніею.

23) Сіе доказываетъ то, что еслибъ запорожцы въ охраненіи отечества своего границы, войска своего въ одно мѣсто не сбирали, а оставили бы хотя по малой части при устьяхъ рѣкъ Московки къ вершинамъ Волчей и посреди рѣки Калміуса, а въ правую сторону къ устью Буга и устью рѣки Синюхи, то татарамъ приходить бы было трудно, или по крайности свѣдомъ бы былъ непріятель о его предпріятіяхъ и удерживаемъ, поколь собрались бы россійскія войска онаго преслѣдовать и имъ отдалять отъ себя опасности не было никакой, въ разсужденіи свободной ретирады къ россійскимъ границамъ; но вмѣсто онаго, увидя на послѣдокъ, что татары ворвались въ границы новороссійской губерніи, большаго вреда не сдѣлали и селенія оныя остались въ своей силѣ, запорожцы, спустя тѣ татарскіе набѣги, въ скоромъ времени начали отнимать и отняли отъ новороссійской губерніи земли съ населенными людми отъ елисаветградской провинціи по самыя ротныя селенія полковъ молдавскаго и елисаветградскаго, отъ екатеринпнской провинціи, съ служащими донецкаго полку пикинерами, по рѣкѣ Орель, отъ вершины оной по Старую Линію, а также и отъ изюмской провинціи; и дѣлали сіе отнятіе самымъ хитрѣйшимъ образомъ: какъ скоро пошлютъ команду отъ котораго селенія отнимать, то въ тожъ время отправятъ депутата въ Петербургъ съ просьбой, что они обижены отъ новороссійской губерніи.

24) Неудовольствуясь же тѣмъ отнятіемъ селъ и деревень, обнадеживъ себя, что имъ была въ томъ удача, вдругъ противъ городовъ Бахмута, Спора (?) и Изюма и близъ самой Старой Линіи и противъ полковъ пикинерскаго донецкаго и елисаветградскаго и гу-

сарскаго молдавскаго, въ виду тѣхъ селеній, подѣлали полковыя избы, называемыя ими, запорожцами, *палатками*, и всякую тяжесть народную, какъ обыкновенно во время военное случается, начали накликать вольность, обѣщавши приходящимъ къ нимъ людямъ по два года льготы; почему въ сіе короткое время накликали и населили, преждеупомянутые, дворовъ болѣе двадцати пяти тысячъ, слободы, дѣйствительно изъ жителей новороссійской губерніи и частію изъ Малороссіи и слободской губерніи.

25) Когда же успѣли запорожцы отнять земли и сдѣлаться новороссійской губерніи такъ ближними сосѣдями, то завели безпрестанную и конечно вседневную ссору и чинятъ великія раззоренія, грабятъ безпрестанно, отгоняютъ скотъ, умерщвляютъ людей, жгутъ селенія и лишаютъ хлѣбопашества и единственно только для того, чтобъ люди къ нимъ переходили, а землю, на которой они обитаютъ, оставляли впустѣ, дабы и оною имъ впредь воспользоваться.

26) Теперь запорожцы поселили на отличныхъ земляхъ, противъ всей новороссійской губерніи, зачавъ отъ молдавского полку, до рѣки Донца, а слободской губерніи, противъ Изюма и Тора, а также и противъ Бахмута великія слободы, заграждаютъ свои пустыя, впереди оныхъ лежащія земли, тѣми поселянами; а тѣ великія степныя мѣста, отъ Самары и отъ Калміуса до Азовскаго моря, на рѣку Конскую, а отъ елисаветградскаго и молдавскаго полковъ до Днѣпра оставляютъ впустѣ, въ намѣреніи, чтобъ той пустой и необъяной ими земли было всегда у нихъ много, ко удобности той, чтобъ было гдѣ, въ случаѣ, скрыть имъ что нибудь встрѣчающееся.

27) Нынѣ, они, утвердя свои границы самовластно, ведутъ министерію своими просьбами объ отдачѣ имъ земель по батереевой грамотѣ (коей они подлинной, какъ я слышалъ, не имѣютъ, а пользуются полученною малороссійскаго миргородскаго полку, въ мѣстечкѣ Сарочинцахъ, отъ какого то старшины копіею), чтобы всю елисаветградскую провинцію свесть имъ и отдать, а также земли отъ устья рѣки Орели на Донецъ донскихъ селеній, въ которую дачу входятъ города Торъ и Бахмутъ, съ принадлежностями, а также и бахмутскій гусарскій полкъ, готовятъ же просьбу и объ отставленіи новозаведенныхъ при рѣкахъ Московкѣ, Конской и Берданѣ линіи, поелику по оной дѣлаются крѣпости на ихъ земляхъ, и они чувствуютъ будто бы утѣсненіе, а самой вещи главнѣйшій ихъ предметъ тотъ, что хотя бъ у нихъ и больше еще земли взяли, нежели какъ они имѣютъ претензію, но только бъ они оставлены были при ихъ без-

предѣльныхъ вольностяхъ, и, при оныхъ оставшись, получить утвержденіе на свою межу, да прилежно пекутся, дабы ихъ границы были соединены съ донскимъ войскомъ.

28) Словомъ, маленькой сей кусокъ земли примѣтенъ относительно до общества, а оной навѣрное не таковъ въ самой вещи, по нынѣшнему ихъ положенію и жизни, какъ объ оныхъ заключаютъ по ихъ виду.

29) Прежде запорожцы были бѣдны, а нынѣ всѣ они богаты и подчиненные ихъ привязаны ко всякой повинности; гдѣ прежде у нихъ были хутора, тамъ нынѣ распостранились великія селенія, и живутъ домами, имѣютъ женъ, дѣтей, хорошее скотоводство и промыслы.

30) Старшины, это правда, что не женаты, однакожъ своими великими экономіями также подвергаютъ себя, въ случаѣ какого объ нихъ учрежденія, всему что бы ни случилось, повиновенію, а прочихъ бродягъ, кои до сихъ временъ часто, по несогласію старшинъ, за начальническія мѣста дѣлали между собою драки, подобныя бунтамъ, нынѣ немного, то ихъ тѣ же самые женатые козаки усмиряютъ; да хотя бы онаго сброду тысяча какая и разошлась, то оное ничего не значитъ.

31) Въ заключеніе же скажу, что, хотя министерія запорожскихъ старшинъ велика и удачлива, однакожъ и то самое неоспоримо они знаютъ, что, въ случаѣ нехотѣнія ихъ оставлять долѣе на такой ногѣ, исполнятъ они какъ бы всякой вѣрноподданный.

Двѣ лирницкія пѣсни.

Въ № 9 «Кіевской Старины» 1889 г. къ ст. г. Боржковскаго «Лирники» былъ приложенъ небольшой сборникъ лирницкихъ пѣсенъ. Теперь г. Боржковскій сообщилъ намъ еще двѣ пѣсни, которыя помѣщаются ниже.

На войнахъ свитъ настае.

Охъ на войнахъ свитъ настае (2)
На войнахъ ся й скинчае.
Чомъ на свити нема добра?
Нема добра нехай буде.
Нема добра, нехай буде,
Бо сынъ отца не шануе.

Ой сынъ отца не шануе,
Дочка матку зневажае.
Дочка матку зневажае,
Маты дочку проклынае:
Дочка во вики счастья не мае
Тай у пекли пропадае.
Въ чыстимъ поли на роздоли
А тамъ травы зелененьки;
А тамъ травы зелененьки,
Ой тамъ лежать три молодци молоденьки.
А тамъ лежать три молодци молоденьки
Несчаснои удовоньки вси три ридніи сыноньки.
Посичени, порубани
На раноньки позмагани.
Ахъ журуцця, турбуюцця:
Бидна наша головонька,
Що чужая сторононька.
Мувыть иденъ до другого:
Тутъ намъ треба пропадаты,
Бо никому доглядаты.
Тутъ мы, браття, порубани,
Тутъ мы, браття, постриляни.
Тожъ не стрилы насъ постриляны,
Тожъ не стрилы насъ постриляны,
Не шабли насъ порубалы;
Не шабли насъ порубалы
Тилько отцеви слова покаралы.
Отцеви слова слагидненьки,
Материни слезы все дрибненьки.
Тожъ то воны въ калъ не впалы
Насъ несчасныхъ покаралы.
Колы бъ за насъ матка знала
Щебъ надъ нами змылувалась:
Службы Божи понаймала,
Жалибно-ревно заплакала,
Жалибно-ревно заплакала,
Якъ ластивка заспивала,
Якъ ластивка заспивала,
Якъ зозулька закувала.

Обизвався орелъ чорноперый:
Не журицця ридни братта,
Я вамъ буду товарышомъ.

Я вамъ буду товарышомъ
Я васъ буду доглядаты,

Я васъ буду доглядаты:
Исты й пыты подаваты,

Смажни уста закрипляты,
Ваши раны завываты.

Якъ ставъ орелъ доглядаты—
Жывцемъ очи выдыраты,

Жывцемъ очи выдыраты,
Тило наше поидаты,

Тило наше поидаты,
Червону кровъ пролываты.

—Ой орлоньку чорноперый,
За що жъ ты насъ це караешъ?

—Ой не я це васъ караю
Отцеви слова васъ каруть,

Отцеви слова слагидненьки,
Матерыни слезы все дрибненьки.

То жъ то воны въ калъ не впалы
Васъ несчасныхъ покаралы.

Старша сестра выражала, коня вела,
Середужча нарадъ несла,
А найменча воритечка видчыняла
Сырій земли прыпадала:

—Ой, братику риднесенькый,
Ой колы ты въ гости будешъ?

Прыбудь, прыбудь буйнымъ витромъ
Прыбудь, брате, яснымъ сонцемъ.

—Визьмы, сестро, писку въ жменю,
Посій, сестро, по каменю,

Якъ той писокъ въ гору зійде,
Тоди твій братъ зъ войны прыйде.

—Ще я того не выдала,
Щобъ той писокъ въ гору зійшовъ.

Щобъ той писокъ въ гору зійшовъ,
Щобъ мій братикъ зъ войны прыйшовъ.
(Зап. отъ лирника Дорохтея Карнаухаго въ Винницѣ)

Космына.

Иде Космына гола по дорози, боса по морози,
Тамъ чоловикъ горохъ молотыть.
Дай тоби Боже сто кипъ змолотыты, въ решето зибраты.
Беруть Космыну, беруть за чупрыну,
Беруть у вулыцю, былы въ потылыцю.
—Эй маты жъ моя, маты Васылыхо,
На що жъ мене породыла на биду на лыхо?
—Ой ты сыну умный нерозумный,
Такъ тоби трапылось такъ тоби бачыты,
То ты сказавъ бы: дай вамъ Боже не перевозыты,
не переносыты,
Возы поломыты, кони потомыты.
Иде Космына гола по дорози, боса по морози,
Охъ тамъ люде тило до гробу провадятъ.
—Дай вамъ Боже не перевозыты, не переносыты,
Возы поломыты, кони потомыты.
Беруть Космыну, беруть за чупрыну
Беруть у вулыцю, былы въ потылыцю.
—Эй маты жъ моя, маты Васылыхо,
На що жъ мене породыла на биду, на лыхо?
—Ой ты сыну умный, нерозумный,
Такъ тоби трапылось такъ тоби бачыты,
То бъ ты ставъ бы, перехрыстывся, Богу помолывся,
То ты сказавъ бы вичную память,
А намъ ще прожыты.
Иде Космына гола по дорози, боса по морози,
Тамъ чоловикъ сына женыть.
Дай тоби Боже вичную память,
А намъ ще прожыты.
Беруть Космыну, беруть за чупрыну
Беруть у вулыцю, былы въ потылыцю.
—Эй маты жъ моя, маты Васылыхо,
На що жъ мене породыла на биду, на лыхо?
—Охъ ты сыну умный, нерозумный,

Такъ тоби трапылось, такъ тоби бачыты,
Тобъ ты сказавъ: дай тоби Боже сына одружыты,
Ще сто литъ прожыты.
Иде Космына гола по дорози, боса по морози,
Тамъ чоловикъ свыню шмалыть.
Дай тоби Боже ій ошмалыты,
Бракъ зъ нею получыты, ще сто литъ прожыты.
Беруть Космыну, беруть за чупрыну,
Беруть у вулыцю, былы въ потылыцю.
—Эй маты жъ моя, маты Васылыхо,
На що жъ мене породыла на биду, на лыхо?
—Ой ты сыну умный-нерозумный,
Такъ тоби трапылось, такъ тоби бачыты,
То ты сказавъ бы: дай тоби Боже
Ій ошмалыты, ій спорадыты,
Коло стола систы, зъ диточками ззисты.
Иде Космына гола по дорози, боса по морози,
Тамъ чоловикъ сивъ у рови с....
Дай тоби Боже цее спорадыты,
Коло стола систы, зъ диточками ззисты.
Беруть Космыну, беруть за чупрыну,
Беруть у вулыцю, былы въ потылыцю.
—Эй маты жъ моя, маты Васылыхо,
На що жъ мене породыла на биду на лыхо?
—А ты сыну умный, нерозумный,
Такъ тоби трапылось, такъ тоби бачыты,
Тобъ ты ставъ бы тай бы не дывывся,
Плюнувъ, оступывся.
Иде Космына гола по дорози, боса по морози,
Тамъ чоловикъ лошата пасе.
Дай тоби Боже ци лошата спасты,
Злодіеви вкрасты.
Беруть Космыну, беруть за чупрыну,
Беруть у вулыцю, былы въ потылыцю.
Эй маты жъ моя, маты Васылыхо,
На що жъ мене породыла на биду на лыхо?
А ты сыну умный, нерозумный,
Такъ тоби трапылось, такъ тоби бачыты,

То ты сказавъ бы: дай тоби Боже ци лопата спасты,
На корысть узяты.
Коцюби лопати на охвиру
А хрестіянамъ на здоровля.
(Зап. отъ лирн. Александра изъ Мизякова).

Къ пребыванію Карла XII въ Бендерахъ.

Извѣстно, что во время пребыванія въ Бендерахъ, Карлъ XII, независимо отъ регулярной денежной помощи, получилъ отъ турецкаго султана подарки. Объ этомъ, между прочимъ, сохранилось и точное указаніе въ письмѣ французскаго купца Delisle de Birz, находящемся въ парижскомъ національномъ архивѣ (G, 7, 1649), гдѣ оно было найдено Ю. Е. Аѳанасьевымъ, передавшимъ выписку изъ него мнѣ для «Кіевской Старины». Delisle de Birz писалъ изъ Перы 1 марта 1710 г. французскому генералъ-контролеру Desmaretz: «король шведскій все еще находится въ Бендерахъ. Султанъ послалъ ему въ подарокъ 30 лошадей, изъ коихъ на двухъ сбруя украшена брилліантами и жемчугомъ, саблю и султанъ (aigrette), украшенные драгоцѣнными камнями». **Ал. Маркевичъ.**

Къ исторіи землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи.

Въ извѣстной статьѣ покойнаго М. Максимовича подъ заглавіемъ «Бубновская Сотня» (см. Собраніе сочин. Т. I) удѣлено не мало мѣста одному изъ видныхъ по своей дѣятельности сотниковъ Ѳеодору Василевичу, бывшему сотникомъ съ 1738 по 1752 г. Въ характеристикѣ, данной ему авторомъ, читаемъ: «по преданію извѣстно, что сотникъ Василевичъ... жизнь велъ трезвую, жилъ въ небольшой хатѣ, но держась пословицы: не красна изба углами»... Имѣнье-же себѣ онъ умножилъ хозяйскимъ трудомъ». Дѣйствительно, не получивъ никакого жалованнаго имѣнья, что не часто бывало съ старшиной козацкой, сотникъ Василевичъ оставилъ послѣ смерти своей порядочное земельное имущество, пріобрѣтавшееся имъ разновременно и по мелочамъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ видѣнные нами остатки фамильныхъ документовъ рода Василевичей, хранящіеся теперь у потомковъ сего рода Каніевскихъ, живущихъ въ с. Келебердѣ (Золото-

ношскаго уѣзда). Тутъ встрѣчаемъ болѣе двухъ десятковъ купчихъ крѣпостей, совершенныхъ сотникомъ Ѳеодоромъ Василевичемъ на сравнительно мелкіе участки земли и по самымъ разнообразнымъ цѣнамъ. Одинъ изъ этихъ документовъ приведенъ М. Максимовичемъ въ указанной статьѣ его, изъ котораго видно, что въ 1743 году Василевичемъ была пріобрѣтена земля, принадлежавшая Кіево-Межигорской обители, находившаяся въ полку лубенскомъ, въ сотнѣ пирятинской, въ степу надъ рѣчкою Чумгакомъ, а именно—лѣсъ, прозываемый *Яровое*. Цѣна за этотъ лѣсъ опредѣлена была такая: «коровъ сѣмь съ телятами, а восѣмь безъ телятъ, толко надежныхъ къ плоду на будущіе года, да при тѣхъ коровахъ и бугая одного». Но цѣна эта, какъ видно изъ нѣкоторыхъ документовъ, имѣющихся у насъ подъ руками, установлена была не сразу, а послѣ многихъ торговъ. Документы эти—три письма архимандрита Кіево-Межигорской обители Герасима къ отцу писарю катедры Свято-Софійскія (Модесту Стефановичу, впослѣдствіи архимандриту Михайловскаго монастыря), бывшему въ родствѣ съ Ѳеодоромъ Василевичемъ. Письмо первое писано было 14 февр. 1743 г. въ отвѣтъ на письмо Модеста Стефановича, предлагавшаго уступить Василевичу означенную землю. Вотъ это письмо:

Превелебнѣйшой въ Богу отецъ писаръ катедры Свято-Софѣйскія намъ зичливой о Христѣ брате. На письмо вашея превелебности о продажѣ пану швагру вашему, сотниковѣ бубновскому Ѳеодору Василевичу грунта нашего Межигорскаго монастыря, въ полку лубенскомъ въ сотнѣ пиратинской надъ *Кагамликомъ* (ошибка—вм. *Чумгакомъ*) купленного, а съ его землею сумѣжного, тако отвѣтствуемъ, что по совѣту всея монастыря нашего братіи приговорили оной грунтъ ему пану сотнику продать за цену отъ монастиря нашего данную, именно за *осмьдесятъ рублей*, да сверхъ того ежели онъ панъ сотникъ не пожалѣетъ монастырю межигорскому дарить *жеребца доброго съ одною кобилицею, згодныхъ на приплодъ лошадейной*, то въ тотъ часъ и оной грунтъ отъ насъ уступленъ будетъ, и о семъ ему пану сотнику ваша превелебность изволите объявить, въ прочемъ же пребываемъ превелебности вашея доброжелателніе Кіевомежигорской обители архимандритъ Герасимъ зъ братіею».

Очевидно, на эту цѣну Василевичъ не согласился и предложилъ свои условія, что видно изъ письма того же архимандрита Герасима къ Модесту Стефановичу отъ 24 февраля 1743 г.:

«Чрезъ нарочного отъ вашея превелебности извѣстилися мы, что имянно панъ сотникъ бубновскій зъ своей стороны поступаетъ

монастырю нашему дать за грунтъ нашъ въ степу надъ Чумгакомъ полку лубенского въ сотнѣ пиратинской остающій; и на то по согласному всея монастиря нашего братіи совѣту крайне приговорили; ежели онъ панъ сотникъ или *деньгами сто рублевъ*, или *коровъ пятнадцять* молодихъ згодних для *плоду съ однимъ бугаемъ*, или въ замѣну *при селѣ Демянчичахъ* землю (которую городничой нашъ тамошной усмотря за годную въ монастирь нашъ предъявитъ) за плату отдастъ; то въ тотъ часъ и сватами будемъ, за якую землю лучше всего можемъ означенной нашъ грунтъ чумацкой уступить, а иначей нѣкакимъ способомъ онаго мы не намѣрены збувать, о чемъ на произволеніе ему пану сотнику поволите ваша превелебность объявить; сымъ окончавъ пребываемъ» (подпись).

Ясно, что Василевичу, постоянно пріобрѣтавшему землю, не было разсчета согласиться на обмѣнъ земель, а равно и сумма 100 рублей показалась ему дорогою,—и вотъ изъ трехъ предложеній онъ останавливается на способѣ обмѣна земли на коровъ, но и еще разъ пробуетъ поторговаться, что видно изъ третьяго письма архимандрита Герасима къ писарю свято-софійской катедры отъ 28 марта 1743 года:

«Его милость панъ сотникъ бубновскій въ письмѣ своемъ, якое отъ вашея превелебности при писаніи сего марта 26 дня въ монастирѣ нашомъ получено, объявляетъ, что за грунтъ межигорскій, въ сотнѣ пиратинской лежачій надъ Чумгакомъ, желаетъ онъ панъ сотникъ дать монастирю нашему *коровъ десять и бугая*. Мы же за единогласнимъ всея братіи совѣтомъ якъ прежде извѣствовали, такъ и теперъ тѣмъ же крайнимъ словомъ вашой превелебности и ему пану сотнику объявляемъ, что ежели поволитъ онъ панъ сотникъ по первому нашему общебратственному приговору дать за тотъ грунтъ коровъ пятнадцять молодыхъ, рослыхъ и во всемъ здоровыхъ для плоду способныхъ съ однимъ добрымъ же бугаемъ, то оной грунтъ межигорской ему пану сотнику во владѣніе отданъ будетъ, а иначей уступить весма не желаемъ; и о томъ на произволеніе ему пану сотнику изволите превелебность ваша объявить (подпись).

Всѣ эти торги Василевича, какъ видно изъ уступной записи, оказались тщетными: монастырская братія твердо стояла на своемъ, и Ѳеодоръ Василевичъ въ маѣ мѣсяцѣ пріобрѣлъ этотъ грунтъ за сумму *15 коровъ съ однимъ бугаемъ*, что, по монастырскому разсчету, было равноцѣнно *ста рублямъ*, т. е. каждая рогатая скотина цѣнилась среднимъ числомъ въ $6^1/_4$ рублей. **В. Науменко.**

Къ исторіи Мазепиной измѣны.

Мазепина измѣна не могла не произвести нѣкотораго замѣшательства въ народѣ, особенно по ея связи съ нашествіемъ шведовъ. Народъ враждебно встрѣтилъ послѣднихъ. Не менѣе враждебно отнесся народъ и къ той старшинѣ, которая въ виду непріятельскаго нашествія, хотѣла было укрыть свои семьи и свое имущество въ защитныхъ мѣстахъ [1]). Предлагаемый универсалъ Скоропадскаго указываетъ на одну такую вспышку народа. **А. Л.**

Его царского пресвѣтлого величества войска Запорожскаго гетманъ Іоаннъ Скоропадскій.

Пану полковникови наказному стародубовскому, зо всею полковою старшиною тамошнему, ознаймуемъ, ижъ пнъ Панкевичъ, писарь вашъ полковый стародубовскій, жалобливе прекладалъ намъ, что когда отъ наступства непріятелскаго хотячи для беспечнѣйшого убереженя ся, выправадити зъ Почепа жону свою за Десну, мѣлъ переѣздъ чрезъ село Чеховку, тамъ бунтовничимъ а праве розбойничимъ способомъ, жители того села Чеховки зобравшися съ другими селянами Карбовскими и Савастьяновскими, заступили дорогу и що колвекъ было при пну Панкевичу въ возахъ худобы, все разграбовали, и самого зъ жоною и зовсѣми при немъ будучими, мало на смерть не позабивали Прето для выведеня о томъ разбою слушной инквѣзиціи, полецаемъ пну Искрѣ, сотникови Погарскому, и пану Турковскому, дозорци добръ нашихъ почеповскихъ, до того села Чеховки зъехати, и по розиску на комъ доведется тая разбойническая вина, самыхъ принципаловъ до вязеня побрати, и абы вся шкода п. Панкевичу вернулася, конечне доискати, а виноватцовъ всѣхъ ведлугъ слушности, скарати приказуемъ. Данъ въ Лебединѣ, декаврія 13 року 1708. Звышъменованный гетманъ рукою власною. (*Съ подлинника*).

[1]) См. Опис. Старой Малороссіи, I, 74.

Библіографія.

1) Владимірскій сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія Россіи. Кіевъ, 1888. 2) Святый равноапостольный князь Владиміръ—просвѣтитель Руси. 900-лѣтіе крещенія Руси. И. П. Матченко. С.-Петербургъ. 1889.

Редакція журнала «Кіевская Старина» чувствуетъ себя въ долгу передъ своими читателями, не давъ до сихъ поръ отчета о двухъ крупныхъ литературныхъ явленіяхъ, вызванныхъ девятисотлѣтнимъ юбилеемъ крещенія Руси. Это упущеніе произошло совершенно по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ и отчасти объясняется позднимъ выходомъ въ свѣтъ труда г. Матченка. Спѣшимъ теперь заполнить этотъ случайный пробѣлъ въ критико-библіографическомъ отдѣлѣ нашего журнала и хотя вкратцѣ ознакомить читателей съ указанными выше историческими работами.

Владимірскій сборникъ составленъ изъ трудовъ профессоровъ кіевской духовной академіи, гг. Малышевскаго, Петрова, Пѣвницкаго, Завитневича. Лишь незначительную часть этого сборника составляютъ статьи первыхъ трехъ ученыхъ. Большую и при томъ центральную часть его наполняетъ трудъ г. Завитневича: «Владиміръ Св. какъ политическій дѣятель». Мы и начнемъ съ него нашъ отчетъ.

Трудъ г. Завитневича представляетъ изъ себя органическое цѣлое; части его непосредственно вытекаютъ одна изъ другой и взаимно дополняютъ другъ-друга, но тѣмъ не менѣе онъ можетъ быть разбитъ на двѣ главныя части. Первая изъ нихъ посвящена снова разрѣшенію вопроса о времени крещенія св. Владиміра. Авторъ не мало потрудился для разъясненія обстоятельствъ, при которыхъ произошло это великое событіе. Мы уже указывали раньше на отдѣльную брошюру г. Завитневича «О мѣстѣ и времени крещенія св. Вла-

диміра и о годѣ крещенія кіевлянъ», и въ свое время высказали мнѣніе о пригодности метода, избраннаго авторомъ для рѣшенія даннаго вопроса. Въ настоящемъ своемъ трудѣ авторъ нѣсколько измѣнилъ свой методъ изслѣдованія. Хотя и теперь онъ продолжаетъ считать панегирикъ Іакова Мниха краеугольнымъ камнемъ строенія, но отводитъ гораздо болѣе мѣста разбору и другихъ источниковъ, посвящаетъ ихъ анализу и сопоставленію ихъ извѣстій гораздо болѣе вниманія, чѣмъ прежде. Можно спорить съ авторомъ, не соглашаться съ его мнѣніями, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что нѣкоторыя соображенія г. Завитневича отличаются замѣчательною тонкостью и находчивостью. Такова та часть работы автора, которая посвящена вопросу о времени крещенія св. Владиміра и Руси. Что касается остальной части труда г. Завитневича, то едва ли въ ней онъ сказалъ что нибудь новое, что не было бы уже, хотя и мимоходомъ, высказано другими учеными, а то, что принадлежитъ лично автору, отличается такою гипотетичностью, что далеко не можетъ быть принято за научную истину. Это особенно рельефно выступаетъ на стр. 83 и слѣд., гдѣ авторъ производитъ анализъ разсказа лѣтописи о посольствахъ къ Владиміру и обратно. Тутъ цѣлый безконечный рядъ: «*можетъ быть*», «*можно предполагать*», и даже: «*можно вывести заключеніе*», «*можно сдѣлать выводъ*». Такихъ мѣстъ въ трудѣ г. Завитневича очень много. Авторъ, впрочемъ, и самъ не отрицаетъ преобладанія гипотетичности въ своемъ трудѣ, ибо самъ говоритъ на стр. 210 [1]): «бѣдность показаній источниковъ *мы старались наверстать разными комбинаціями наличныхъ данныхъ, а гдѣ и это не помогало, прибѣгали къ всевозможнымъ, иногда очень смѣлымъ, догадкамъ и предположеніямъ*». Никакая наука не можетъ обойтись безъ гипотезъ; болѣе или менѣе прочно обставленныя гипотезы могутъ быть даже полезны и въ дальнѣйшемъ повести къ важнымъ научнымъ открытіямъ, но только ни въ какомъ случаѣ не можетъ получиться пользы для науки, если труды ученыхъ будутъ представлять собой лишь сплошныя гипотезы, и при томъ не всегда прочно обставленныя. Къ сожалѣнію, таковъ въ общемъ характеръ послѣдняго труда г. Завитневича. Отъ увлеченія гипотезами можетъ иногда произойти и вредъ для науки. Припоминаются въ этомъ случаѣ слова предсѣдателя Общества археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ казанскомъ университетѣ, г. Шестакова, сказанныя имъ по другому

[1]) Страницы указываемъ по „Владимірскому сборнику".

случаю: «но, какъ нерѣдко бываетъ, высказанное сначала скромно въ видѣ предположенія, черезъ нѣкоторый промежутокъ времени обращается въ категорическое утвержденіе, подобно тому, какъ слухъ, сначала темный и робкій, съ теченіемъ времени выдается за несомнѣнную истину». (Извѣстія Общества археологіи и т. д., т. Ш, 1880 – 82 г., Казань, 1884 г., стр. 61). Къ несчастью, подобнаго смѣшиванія ранѣе поставленныхъ гипотезъ съ якобы доказанными уже истинами не чуждъ и авторъ разбираемаго труда. Мы уже указывали, что во многихъ мѣстахъ своего сочиненія г. Завитневичъ, послѣ цѣлаго ряда «можетъ быть» ставитъ «можно сдѣлать выводъ». Но и гипотезы, высказанныя имъ въ другомъ мѣстѣ, въ данномъ трудѣ онъ считаетъ уже прочными научными выводами и дѣлаетъ на нихъ ссылки. Такъ напр., вновь заговоривъ въ разбираемомъ трудѣ о Турѣ, г. Завитневичъ дѣлаетъ ссылку: «Смотри нашу статью: «Область дреговичей, какъ предметъ археологическаго изслѣдованія». Труды кіев. дух. ак. 1886 г. августъ, стр. 587». Но кто читалъ этотъ небольшой трудъ г. Завитневича (а читалъ его, вѣроятно, всякій спеціалистъ по рус. исторіи), тотъ не можетъ не признать, что, исключая сообщенія объ археологическихъ находкахъ, сдѣланныхъ самимъ г. Завитневичемъ, въ остальномъ онъ представляетъ собою опять таки не мало гипотетичнаго, а особенно тамъ, гдѣ авторъ старается доказать дѣйствительное существованіе миѳическаго Тура. Между тѣмъ въ новомъ, разбираемомъ трудѣ г. Завитневичъ выражается уже категорически: «этотъ князь (Рогволодъ) *при помощи своего подручника Тура*»..., т. е. оказывается, что Туръ не только дѣйствительное историческое лицо, но даже точно извѣстны его отношенія къ другому князю. Мы не имѣемъ въ виду разбирать здѣсь указанную статью г. Завитневича и привели этотъ фактъ въ доказательство вѣрности словъ г. Шестакова, сказанныхъ, повторяемъ, по другому поводу, но получающихъ, какъ оказывается изъ приведеннаго примѣра, общее значеніе. Не можемъ не упрекать автора разбираемаго труда и въ другомъ недостаткѣ, проистекающемъ, по нашему мнѣнію, всецѣло изъ горячаго желанія выяснить, хотя бы путемъ постановки гипотезъ, нѣкоторые темные вопросы русской исторіи. Но, увлекаясь гипотезами, г. Завитневичъ *не всегда* справляется съ тѣмъ, что сдѣлано въ наукѣ по тому или иному вопросу, и игнорируетъ труды своихъ предшественниковъ. Мы не всегда видимъ въ трудахъ г. Завитневича исчерпываніе вопроса, а получаемъ новыя гипотезы, которыя, можетъ быть, и не появились бы, если бы авторъ болѣе удѣ-

лялъ вниманія работамъ, появившимся гораздо раньше, или могли бы явиться въ болѣе прочно обставленномъ видѣ. Укажемъ хоть слѣдующіе факты. Въ одномъ мѣстѣ своего труда г. Завитневичъ категорически указываетъ на рѣчной путь отъ Днѣпра въ Азовское море [1]) Конечно, не особенно важно, что авторъ не указалъ источника, откуда заимствовалъ свое показаніе, именно «Черноморье» покойнаго одесскаго профессора Бруна, знатока древней южно-русской географіи, а важно то обстоятельство, что категорическое отождествленіе этого пути съ Залознымъ также не можетъ еще пока имѣть серьезнаго значенія: болѣе ранніе ученые колебались въ своихъ указаніяхъ относительно путей Соленаго и Залознаго (Карамзинъ, Арцыбашевъ, Соловьевъ, Аристовъ, Брунъ), а противъ гипотезы Бруна были сдѣланы вѣскія возраженія другимъ не менѣе извѣстнымъ знатокомъ древнерусской географіи, г. Бурачковымъ (см. его «Замѣтки по древней географіи новороссійскаго края» въ Извѣстіяхъ имп. рус. геогр. общества 1875 г. т. XI, №№ 3 и 5). Далѣе является нѣсколько страннымъ почему авторъ разбираемаго труда совершенно игнорировалъ превосходныя работы В. Г. Васильевскаго по вопросу о сурожской и амастридской легендахъ? Г. Завитневичъ не разъ ссылается на другіе труды этого ученаго, но почему то, относя происшествіе, описанное въ сурожской легендѣ, ко временамъ Владиміра Св. [2]), не упоминаетъ ни о статьѣ «Житіе Стефана Новаго» (Ж. М. Н. Пр. 1877 г. № 6), ни о «Житіи Георгія амастридскаго» (Ж. М. Н. Пр. 1878 г. № 2), а между тѣмъ болѣе внимательное отношеніе къ нимъ, можетъ быть, повело бы къ инымъ выводамъ, чѣмъ пришелъ г. Завитневичъ. Не можемъ вообще не сказать, что разсужденія автора о посольствахъ къ Владиміру Св. и обратно, о замѣткѣ готскаго топарха и сурожской легендѣ, представляются весьма искусственными и слабыми. Къ числу такихъ же слабыхъ мѣстъ разбираемаго труда приходится причислить и все то, что авторъ говоритъ о войнахъ съ болгарами. Особенно поражаетъ слѣдующее соображеніе г. Завитневича: «Нѣтъ поэтому ничего неправдоподобнаго и въ томъ предположеніи, что наши предки волжско-камскихъ болгаръ, *какъ главныхъ поставщиковъ серебра, назвали серебряными*», въ отличіе отъ дунайскихъ, чрезъ которыхъ шло къ намъ изъ Византіи золото [3]). И подобныя наивныя

[1]) Владимірскій сборникъ, стр. 160.

[2]) Владимірскій сборникъ, стр. 161—163.

[3]) Владимірскій сборникъ; стр. 40. Должно замѣтить, что пагинація въ каждой статьѣ принята отдѣльная, какъ она идетъ въ отдѣльныхъ брошюрахъ тѣхъ же статей.

соображенія высказываются въ серьезномъ ученомъ трудѣ серьезнымъ ученымъ и при томъ послѣ такихъ капитальныхъ работъ какъ Григорьева (въ сборникѣ «Россія и Азія») и Шпилевскаго (Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ казанской губерніи, Казань, 1877). Замѣчательно, что авторъ ни разу даже не намекнулъ на существованіе этихъ трудовъ, а между тѣмъ у него было для этого и мѣсто, и время, и поводъ. Но пусть бы даже и такъ, пусть въ глазахъ автора соображеніе вполнѣ научное, что «серебряные» есть переводъ слова «нукратъ» не имѣетъ значенія, то все таки имена Григорьева и Шпилевскаго заслуживали бы хоть мимолетнаго упоминанія. Мало этого. Дѣлая подобное соображеніе, г. Завитневичъ высказываетъ этимъ пренебрежительное отношеніе даже къ самымъ первоисточникамъ. Если бы авторъ внимательно отнесся къ даннымъ нашихъ лѣтописей, то увидѣлъ бы, что «серебряными» наши предки называли не всѣхъ болгаръ, а лишь одно племя. Болгары распадались на два племени: серебряныхъ (нукратъ) и челматъ; первые по р. Серебрянкѣ, на которой стоялъ г. Геюларь, а вторые по р. Камѣ (Челманъ или Чулманъ – Кама). Объ этомъ дѣленіи говоритъ намъ Ипатьевская лѣтопись (изд. 1871 г. стр. 423). Г. Завитневичъ проглядѣлъ это извѣстіе и даже не указываетъ на него. Почему? Далѣе. По прямому извѣстію Ибнъ-Даста у болгаръ монету замѣнялъ собою куній мѣхъ (Хвольсонъ, стр. 24—25). Русскіе жили въ Булгарѣ (Гаркави, Извѣстія мусульм. писателей, 219 и 130 и Fraehn, Ibn-Foszlan's.), а потому прекрасно знали и это обстоятельство и то, что диргемы шли отъ арабовъ, которыхъ также видѣли и въ Булгарѣ, и въ Итилѣ. Слѣд. наши предки имѣли полное право назвать «серебряными», арабовъ, а не болгаръ. А отъ хазаръ къ намъ не приходило серебро? Вѣроятно, еще въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ отъ болгаръ. Странно, что серьезному ученому, какимъ мы признаемъ г. Завитневича, приходится указывать и на лѣтопись, и на другіе источники, которые могли бы, при внимательномъ къ нимъ отношеніи, обязательномъ для спеціалиста, предохранить автора отъ подобныхъ неудачныхъ гипотезъ. Можно было бы набрать еще нѣсколько примѣровъ смѣлыхъ гипотезъ въ разбираемомъ трудѣ, но мы не имѣемъ для этого возможности; предполагаемъ, что и указаннаго достаточно для доказательства, что не всѣ гипотезы полезны для науки, а иногда даже могутъ быть вредны, увеличивая собою количество литературнаго балласта. Указывая на сильную гипотетичность труда г. Завитневича, на сравнительно не-

значительную долю новаго категорическаго, внесеннаго его трудомъ въ науку русской исторіи, мы однакоже не отрицаемъ заслуги автора, принесшаго своими иногда остроумными соображеніями нѣкоторое освѣщеніе запутанныхъ событій эпохи Владиміра святаго.

Г. Малышевскому принадлежатъ двѣ статьи: «Сказаніе о посѣщеніи русской страны св. апостоломъ Андреемъ» и «Рѣчь, сказанная въ торжественномъ собраніи кіевской духовной академіи 14 іюля 1888 г. по случаю исполнившагося девятисотлѣтія со времени крещенія Россіи». Въ первомъ своемъ трудѣ И. Игн. Малышевскій съ свойственной всѣмъ его изслѣдованіямъ научностью, соединенной съ замѣчательнымъ умѣньемъ просто и въ высшей степени послѣдовательно анализировать вопросъ, приходитъ къ выводу, что на Руси сказаніе о св. апостолѣ Андреѣ возникло постепенно изъ двухъ источниковъ: южнаго—греческаго и сѣвернаго—варяжскаго. Факты, приводимые уважаемымъ ученымъ, вполнѣ, какъ намъ кажется, подтверждаютъ такое мнѣніе. Въ своей рѣчи г. Малышевскій выясняетъ великое значеніе принятія нашими предками христіанства. По вопросу о факторахъ, подготовившихъ на Руси это событіе, авторъ держится своего прежняго мнѣнія, высказаннаго имъ раньше въ трудѣ «Варяги въ начальной исторіи христіанства въ Кіевѣ», отводя первую выдающуюся роль въ этомъ дѣлѣ варягамъ. Намъ приходилось уже высказать наши мысли по поводу этихъ соображеній уважаемаго Ив. Игн. Малышевскаго, а потому снова останавливаться на нихъ мы не будемъ. Съ большимъ также интересомъ читаются статьи г. Петрова, «Древнія изображенія св. Владиміра» и «Чествованіе памяти св. Владиміра на югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ». По мнѣнію г. Петрова, изображеніе св. равноапостольнаго князя Владиміра явилось у насъ въ Россіи подъ сильнымъ византійско-болгарскимъ вліяніемъ, выразившемся въ монетныхъ изображеніяхъ этого князя; національныя же русскія черты являются на фрескѣ Успенскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ, въ миньятюрахъ XIV и XV вв. и на стѣнномъ изображеніи въ новгородской Ѳеодоровской церкви XV вѣка. Въ другой статьѣ г. Петровъ говоритъ о видахъ чествованія св. Владиміра на югѣ Россіи различнымъ образомъ и въ различныхъ литературныхъ произведеніяхъ.—Таковъ составъ «Сборника», изданнаго кіевской духовной академіей. Переходимъ теперь къ труду г. Матченка и постараемся быть насколько возможно краткими.

Сочиненіе г. Матченка распадается на три части: 1) введеніе, 2) христіанство на Руси до Владиміра и 3) княженіе Владиміра. Въ

свою очередь каждая изъ указанныхъ частей заключаетъ въ себѣ по нѣскольку главъ. Разбираемая книга, несмотря на свою обширность (373 стр.), читается очень легко и съ большимъ интересомъ. По нашему мнѣнію, нѣкоторое затрудненіе при ея чтеніи для неспеціалиста можетъ проистекать лишь вслѣдствіе того, что авторъ отводитъ очень много мѣста полемикѣ съ мнѣніями ученыхъ, трудившихся раньше на одномъ съ нимъ полѣ, а эта полемика съ успѣхомъ могла бы быть отнесена въ примѣчанія. Несмотря на то, что надъ разработкой исторіи Владиміра св. трудились многіе и многіе, что значеніе дѣятельности этого князя въ русской исторіи достаточно выяснено, существуютъ однако же нѣкоторые темные вопросы, хотя, по нашему мнѣнію, и не краеугольные, а такъ сказать, детальные, но отъ такого или иного рѣшенія которыхъ можетъ измѣниться въ нѣкоторой степени нашъ взглядъ и на дѣйствующихъ лицъ, и пожалуй, на самую эпоху. Отсюда вытекаетъ полемическій характеръ и всей почти литературы, вызванной юбилеемъ, и почти всего труда г. Матченка. Лучшіе мѣста разбираемаго сочиненія несомнѣнно тѣ, гдѣ авторъ подвергаетъ критикѣ существующія въ наукѣ мнѣнія по тому или иному вопросу изъ исторіи Владиміра св. Нѣкоторыя замѣчанія г. Матченка такъ основательны, что съ ними, по нашему крайнему разумѣнію, нельзя не согласиться. Онѣ разсыпаны по всей книгѣ, но особенно обращаютъ на себя вниманіе его вѣскія возраженія г. Голубинскому относительно цѣнности сообщеній Іакова Мниха. Взглядъ самого автора на «Похвалу» Іакова Мниха и на «Слово о Благодати» митрополита Иларіона, какъ на историческіе источники, мы признаемъ вполнѣ научнымъ. Что касается тѣхъ мѣстъ труда г. Матченка, гдѣ онъ, оставляя полемику, рисуетъ эпоху Владиміра св., его дѣятельность, какъ государя, приводитъ свои соображенія по вопросу о факторахъ, подготовившихъ принятіе и распространеніе христіанства на Руси, то здѣсь ему приходится высказывать многое такое, что не разъ уже было высказано прежде, хотя нельзя отрицать и того, что авторъ придаетъ нѣкоторымъ фактамъ новое и интересное освѣщеніе. Но мы не можемъ не сказать, что нѣкоторыя мысли автора отличаются большою смѣлостью и едва ли могутъ найти себѣ подтвержденіе въ тѣхъ данныхъ, какія имѣются въ историческихъ источникахъ. Слабость труда г. Матченка и въ полемической и неполемической его части происходитъ отъ неполнаго знакомства автора со всей литературой вопроса и со всей суммой необходимыхъ источниковъ. Это приводитъ его иногда къ та-

кимъ соображеніямъ и заставляетъ высказывать такіе взгляды, которые положительно противорѣчатъ современному состоянію русской исторической науки. Чтобы не быть голословными, укажемъ два-три факта.

Авторъ говоритъ о сурожской и амастридской легендахъ, но при этомъ упускаетъ совершенно изъ вида труды гг. Васильевскаго и Куника [1]). Анализируетъ онъ разсказъ лѣтописи о крещеніи Владиміра св. и Руси, но забываетъ основной взглядъ, господствующій въ современной русской наукѣ на этотъ разсказъ, какъ на вставную повѣсть, законченную не ранѣе 1099 года [2]). Авторъ повторяетъ старое забытое мнѣніе о превосходствѣ полянскаго племени въ культурномъ отношеніи надъ другими русско-славянскими племенами [3]), хотя это мнѣніе абсолютно уничтожается современными археологическими открытіями. Отсутствіе личнаго знакомства съ изданными извѣстіями арабскихъ писателей ведетъ автора къ невѣрному утвержденію о значительномъ распространеніи христіанства у хазаръ и о будто бы существовавшемъ христіанскомъ вліяніи послѣднихъ на русскихъ славянъ [4]). Но особенно замѣчательно въ трудѣ г. Матченка то мѣсто, гдѣ онъ громитъ бредни западно-европейскихъ писателей, утверждавшихъ, что на Руси ранѣе православія господствовалъ католицизмъ. Авторъ смѣшиваетъ два факта [5]): распространеніе Бруномъ католичества на Руси (что есть дѣйствительная ложь) и путешествіе его къ печенѣгамъ (что есть историческая истина). Происходитъ этотъ промахъ автора вслѣдствіе того, что онъ, какъ видно, и не подозрѣваетъ существованія весьма важнаго историческаго документа,—дѣйствительнаго письма Брунона къ императору Генриху. Этотъ документъ служитъ наилучшимъ опроверженіемъ тѣхъ бредней, противъ которыхъ такъ горячо ратуетъ г. Матченко, такъ какъ въ своемъ дружескомъ письмѣ къ императору Брунонъ ни слова не говоритъ о распространеніи имъ католичества на Руси (о чемъ, конечно, не преминулъ бы разсказать, если бы цѣль его путешествія состояла въ этомъ), а разсказываетъ о своей дѣятельности у печенѣговъ и о ласковомъ обхожденіи Владиміра. Такъ авторъ отнялъ самъ у себя наилучшій аргументъ для опроверженія исторической лжи. Письмо

[1]) Святый равноапостольный Владиміръ, стр. 35—36, 54.

[2]) Ibidem, стр. 221 и слѣд.

[3]) Ib., стр. 39.

[4]) Ib., стр. 32—34, 49, 51—53.

[5]) Ib., стр. 310.

это было сначала издано Гильфердингомъ въ «Русской Бесѣдѣ» за 1856 г. (по не совсѣмъ исправной рукописи), а потомъ Бѣлевскимъ въ Monumenta Poloniae historica, т. I. Жаль, что авторъ не позаботился лично ознакомиться со всѣми необходимыми первоисточниками, ибо отсутствіе этого личнаго знакомства отнимаетъ половину цѣны у его интереснаго труда.

На этомъ мы заканчиваемъ нашъ отчетъ о Владимірскомъ сборникѣ и о трудѣ г. Матченка.

Нашъ отчетъ вышелъ длиннѣе, чѣмъ бы мы желали, чтобы не утомлять читателей, хотя мы и старались указать лишь на самое главное, выдающееся въ разсмотрѣнныхъ трудахъ, non odii causa, sed ad majorem veritatis gloriam. **П. Голубовскій.**

Списокъ населенныхъ мѣстъ полтавской губерніи. Изданъ полтавскимъ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ въ 1887 г.

Книга, заглавіе которой здѣсь обозначено, представляетъ значительный интересъ для людей, занимающихся изученіемъ края въ экономическомъ отношеніи. Эта книга напечатана in 4°; имѣетъ около 700 страницъ; издана довольно аккуратно. Въ этой книгѣ идетъ сначала перечисленіе всѣхъ волостей въ алфавитномъ порядкѣ (ихъ 261 въ губерніи); далѣе разсматривается каждый уѣздъ по слѣдующимъ рубрикамъ: а) названіе волости; б) число выборныхъ, имѣющихъ участіе въ волостномъ сходѣ; в) общества, входящія въ составъ волостей (здѣсь обозначены имена населенныхъ мѣстъ оффиціальныя и народныя, напримѣръ, хуторъ Плюйковъ, тожъ Соцкая-Балка); г) разстояніе извѣстнаго мѣста отъ волости, уѣзднаго и губернскаго города; д) число крестьянъ-собственниковъ, государственныхъ, приписанныхъ къ волости, число козаковъ; е) количество земли, состоящей въ пользованіи каждаго общества, находящейся въ частномъ владѣніи и надѣленной отъ казны съ опредѣленіемъ годоваго выкупнаго оклада платежей за землю казенныхъ крестьянъ и ж) число училищъ и школъ, число душъ мужескаго пола, получившихъ въ 1886 г. паспорты на отлучку.

2) Сравнительная таблица о землевладѣніи по селеніямъ полтавской губерніи на наличную душу. Въ этой рубрикѣ показано количество десятинъ земли на наличную душу, начиная съ количества менѣе $^1/_2$ десятины и оканчивая 3 и болѣе десятинами. Если срав-

нить надѣлы (менѣе $^1/_2$ десятины) крестьянъ-собственниковъ, бывшихъ помѣщичьихъ и надѣлы отъ казны бывшихъ государственныхъ крестьянъ, то это сравненіе даетъ неблагопріятные результаты для первыхъ, именно: въ 556 населенныхъ мѣстахъ 36,173 души имѣютъ надѣлъ менѣе $^1/_2$ десятины; между тѣмъ, какъ во второй категоріи, т. е. бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ 268 населенныхъ мѣстахъ только 12,232 души имѣютъ менѣе $^1/_2$ десятины по всей губерніи.

Крестьяне-собственники ежегодно уплачиваютъ выкупныхъ платежей за 1 десятину усадебной 3 р. 43 коп.; за 1 десят. полевой (за исключеніемъ константиноградскаго уѣзда) 1 р. 68 к. Казенные крестьяне въ среднемъ выводѣ уплачиваютъ выкупныхъ платежей за 1 десятину 1 р. 37 к.; земскихъ сборовъ ежегодно приходится на 1 десятину земли $42^1/_2$ коп. Къ этому слѣдуетъ еще добавить мірскіе сборы, среднее количество которыхъ на душу выражается 1 р. 32, 84 к.

Въ третьей части помѣщенъ алфавитный списокъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ полтавской губерніи съ обозначеніемъ волостей, въ которыхъ находится это мѣсто.

Очень жаль, что нѣтъ никакого предисловія въ книгѣ и не указаны источники, которыми пользовались при составленіи ея. Во всякомъ случаѣ эта книга весьма интересна. Желательно, чтобы и крестьянскія присутствія юго-западнаго края издали подобныя книги.

A. de Gubernatis. Dictionnaire international des écrivains du jour. Livraisons I — X. A — Gui. (Florense, Paris, Leipzig, 1888—1889. Édit. L. Nicolai, Florence). Стр. 1120, in—4.

«Международный словарь современныхъ писателей», редижируемый неутомимымъ проф. Анжело де-Губернатисомъ, представляетъ переработку, съ значительными дополненіями и исправленіями, изданнаго тѣмъ же авторомъ еще въ 1880 г. на итал. яз. «Dizionario biografico degli scrittori contemporanei». Издатель старался по возможности дать въ своемъ трудѣ мѣсто авторамъ всѣхъ странъ земнаго шара, народностей, направленій и спеціальностей и въ предисловіи обращается за посильнымъ содѣйствіемъ къ читателямъ и всѣмъ писателямъ вообще. По легко понятнымъ причинамъ, біографіи и характеристики писателей русскихъ отличаются нѣкоторою лаконичностью, за немногими исключеніями. Встрѣчаются, конечно, и неизбѣжныя

погрѣшности въ этомъ отношеніи, несмотря на то, что де-Губернатисъ женатъ на русской (рожд. Безобразова), участвуетъ въ русскихъ журналахъ (В. Евр.) и для первой буквы алфавита легко могъ бы почерпнуть богатый и превосходно сгруппированный матеріалъ въ прекрасномъ изданіи г. Венгерова.—Послѣдній (Х-й) выпускъ разсматриваемаго словаря вышелъ 15 ноября 1889 г.

Въ «Кіевской Старинѣ» (авг. 1889 г., стр. 570—574) г. Новицкимъ напечатаны были біографическія данныя о польскихъ писателяхъ, такъ или иначе связанныхъ съ нашимъ краемъ. Въ дополненіе къ этой замѣткѣ, приводимъ здѣсь нѣкоторыя извлеченія изъ словаря г. де-Губернатиса, нелишенныя, по нашему мнѣнію, извѣстнаго интереса для читателей нашего журнала, тѣмъ болѣе, что большая часть свѣдѣній доставлена самими авторами. Придерживаемся алфавита словаря и данныя общеизвѣстныя опускаемъ.

Афанасьевъ (Г. Е.), приватъ-доцентъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи при одесскомъ ун-тѣ. Издалъ книгу о министерствѣ Тюрго (магист. дис. 1884 г.), брошюры объ англійской конституціи XIX в., о внѣшней политикѣ Наполеона III и, въ 1887 г., публичныя лекціи объ Ирландіи и брошюру о Маріи Стюартъ.

Антоновичъ (Влад. Бонифат.), проф. рус. ист. при кіев. ун-тѣ. Род. въ 1834 г. (Слѣдуетъ перечисленіе главныхъ трудовъ).

Ашкенази (Евг.), русскій ботаникъ, проф. ботаники при гейдельб. ун-тѣ. Род. 5 мая 1845 г. въ Одессѣ. Издалъ по нѣмецки: «Къ критикѣ дарвинизма» (Лейпцигъ, 1871); «Этюды по морфологіи растеній», нѣсколько статей въ *Botanische Zeitung*, *Berichte des naturhist. medic. Vereins in Heidelberg* и *Botan. Jahresbericht*. Изъ важнѣйшихъ трудовъ упом. еще напечат. въ *Bibliothèque Universelle de Genève*, *Archives des sciences physiques et naturelles:* «Température des plantes au soleil», 1878, т. LVI: «Destruction de la chlorophylle des plantes vivantes par la lumière sur la couleur des fleurs» 1878., т. LXII.; «La période annuelle des bourgeons», 1878, т. LXII.

Авенаріусъ (Мих. Петр.), род. 28 сент. 1835 г., проф. физики при кіев. ун-тѣ, членъ кор. имп. акад. наукъ и физическаго общества въ Берлинѣ. (Перечислены труды на нѣм. и франц. яз.).

Аверкіевъ (Дм.), рус. критикъ и драматургъ, род. въ Екатеринодарѣ 12 февр. 1836 г. (Перечислены главныя произведенія).

Авсѣенко (Вас.), бывшій доцентъ кіев. ун-та, редакторъ «Спб. Вѣдомостей», публицистъ и романистъ, род. 5 янв. 1842 г., бывшій сотрудникъ «Рус. Вѣстн.» (Историч. работа его не упомянута).

Баворовскій (Викторъ), польскій писатель, родомъ изъ Галичины. Извѣстенъ какъ переводчикъ нѣкоторыхъ поэмъ Байрона, Виланда и др. Владѣетъ обширнымъ собраніемъ рѣдкихъ книгъ, картинъ, рукописей и произведеній искусствъ.

Безсоновъ (Петръ), род. 1828 г., собиратель русскихъ народныхъ пѣсенъ (Труды охарактеризованы, но не указаны подробно).

Бобрецкій (Ник. Вас.), зоологъ, проф. кіев. ун-та, род. въ 1843 г. въ подольской губ.; съ 1873 г. докторъ зоологіи; былъ командированъ съ ученою цѣлью на два года заграницу и работалъ на зоологической станціи въ Неаполѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя назначенъ проф-мъ. Изъ трудовъ на русск. языкѣ упомянуты изслѣдованія объ *Annulata Cactepoda*, *Annaelida polychaeta*, *Saccocillus papillocercus*, о новомъ видѣ *Lycastis* и спеціально объ аннелидахъ, напеч. большею частью въ *зап. кіев. общ. естеств.* 1868—1881 г., по нѣмецки—въ *Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie* 1874—1878 г. Далѣе, «Zur Embryologie des Oniscus murarius» и «Ueber die Bildung des Blastodermas und der Keimblätter bei den Insecten» въ *Archiv'ѣ für microscopische Anatomie* 1876 г.; «Studien über die embryonale Entwickelung der Gastropoden» и по фр. «Étude des Annélides du golfe de Marseille», въ сотрудн. съ М. Маріономъ, въ *Annales des Sciences Naturelles* 1875 г. (Объ учебникѣ зоологіи на рус. яз. не упомянуто).

Буне (Ник. Христ.), бывшій проф. кіев. ун-та, нынѣ предсѣдатель комитета министровъ, род. въ Кіевѣ въ 1825 г., гдѣ и окончилъ образованіе. Сперва профессоръ нѣжинскаго лицея кн. Безбородко, въ 1850 г. переведенъ проф-мъ въ Кіевъ, гдѣ преподавалъ въ теченіи почти 30 лѣтъ. Въ 1859—63 гг. принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ коммиссіи по освобожденію крестьянъ. (Указано дальнѣйшее движеніе по службѣ). Труды: о торговомъ законодательствѣ при Петрѣ Вел., 1848 г.; о кредитѣ, рѣчь, 1849 г.; теорія кредита, 1852 г.; курсъ статистики, 1865 г.; полицейское право, 1869—77 г., 2 т; начала политич. экономіи, 1870 г.; складочные магазины и варранты и о возстановленіи монетнаго обращенія въ Россіи, 1877; нѣсколько экономич. статей въ *Вѣстн. Евр. и Сборн. госуд. знаній* Безобразова, послѣдняя о соврем. состояніи нашей монетной системы и средствахъ къ ея упорядоченію.

Буняковскій (Викт. Як.) не давно ум. математикъ, род. 3 дек. 1804 г. въ подольской губ. (подробная біографія съ многоч. указаніями на труды).

Будиловичъ (Ант.), славистъ и историкъ литературы, проф. варш. ун-та, род. въ 1846 г. въ гроднен. губ. (подробно перечислены труды по славяновѣдѣнію и рус. литературѣ).

Бущынскій (Стефанъ), польскій писатель, род. въ 1821 г. въ кіевской губерніи, гдѣ окончилъ ун-тъ въ 1845 г. Участникъ возстанія 1863 г., приговоренъ заочно къ смертной казни и эмигрировалъ. Послѣ продолжительныхъ странствованій въ Швейцаріи, Франціи, Италіи и Германіи, для изученія учрежденій и быта этихъ государствъ, поселился въ Краковѣ и занялся изученіемъ литературы и исторіи, публикуя на протяженіи 20 лѣтъ результаты своихъ трудовъ. Первая книга его, вышедшая во Львовѣ въ 1862 г., посвящена Подоліи, Волыни и Украйнѣ. Затѣмъ издалъ по франц.: «La Pologne et ses provinces méridionales», Paris, 1863; «La décadence de l'Europe», ib., 1867; «La catéchisme sociale», ib., 1876; «La population de l'Europe au point de vue ethnographique», Rome, 1883 г., въ *Atti del Congresso geografico* въ Венеціи; по ит. «Italia e Polonia», рѣчь произн. въ Местре (Венеція, 1883 г.); по нѣм.: «Bestandtheile der russischen Bevölkerung und deren Confessionen», Львовъ, 1885; «Die Wunden Europa's. Statistische Thatsachen mit ethnogr. und histor. Erläuterungen», Лейпцигъ, 1875, и до сорока разныхъ другихъ произведеній, поэмъ, разсказовъ, рѣчей, бесѣдъ, брошюръ, монографій на польск. яз., и т. п. Послѣдній трудъ: «Obrona spotwarzanego narodu», Крак. 1888. Краковская академія наукъ избрала Бущ. своимъ почетнымъ членомъ.

Цеглиньскій (Григ.), галицкій писатель, род. 9 марта 1853 г. въ Катушѣ въ Галичинѣ. Окончилъ гимназію въ Станиславовѣ и поступилъ въ вѣнскій университетъ, гдѣ въ 1875—1879 гг. занимался изученіемъ классической филологіи и сравнительнаго языкознанія. Въ 1880 г. назначенъ учителемъ (профессоромъ) классическихъ языковъ въ львовской акад. гимназіи, гдѣ преподаваніе ведется по малорусски, Изъ ученыхъ трудовъ Ц. указаны: «De Hipponacte Ephesio, Jambographo», крит. опытъ, Львовъ, 1880 г.; «Schewtschenko und seine zeitgenossische Kritik», ib., 1881 г.; въ качествѣ директора русскаго театра, составилъ комедію «Съ благотворит. цѣлью», въ 3 актахъ, 1883 г.; «Паненька на свадьбѣ», ком. въ 1 актѣ, ib., 1884 г.; «Соколы», ком. въ 4 актахъ, ib., 1885 г.; «Скверный денекъ», ком. въ 1 актѣ, ib., 1886 г.; «Видно пана по холявамъ», ком. въ 4 актахъ, ib., 1887 г.; «Приключенія любовника», монодрама. Кромѣ того, издалъ нѣсколько разсказовъ: «Двѣ пары», «Сыновья»

«На бѣлокъ», «Рождественскія картинки», всѣ въ журналѣ *Зоря* (изд. подъ его же редакціей съ 1887 г.), въ 1885—87 гг. Всѣ разсказы и комедіи Цегл. имѣютъ цѣлью воспроизведеніе современной галицкой жизни. Кромѣ того, Ц. издалъ малорусскій переводъ греческихъ упражненій Шенкля.

Целевичъ (Юл.), галицкій писатель, род. въ Павелчахъ въ Галичинѣ, въ 1843 г. Окончилъ гимназію въ Станиславовѣ, затѣмъ изучалъ философію во львовскомъ университетѣ (1865 г.). Въ 1869—71 г. состоялъ младшимъ преподавателемъ львовской нѣмецкой гимназіи, въ 1871—75 г. учителемъ станиславовской гимназіи, затѣмъ въ львовской академич. гимназіи, гдѣ состоитъ и нынѣ. Труды его: «Унія въ двухъ русскихъ округахъ Венгріи, Мункачѣ и Эперисѣ» въ журн. *Правда*, Львовъ, 1867 г.; «Историч. замѣтки объ Отеркѣ Довбущукъ» въ журн. *Дило*, ib., 1882 г. (польскій переводъ Шопинскаго изд. въ Краковѣ 1887 г.); «Скитъ Манявскій», Львовъ, 1887 г., монографія.

Ходзѣвичъ (Владисл.), польскій журналистъ и романистъ, род. въ м. Тульчинѣ подольск. губ. 16 іюня 1813 г. Первые опыты помѣщалъ въ спб. юмор. журналѣ *Баламутъ* Мих. Конарскаго, затѣмъ корреспондировалъ въ *Спб. Недѣлю* и участвовалъ въ польскихъ журналахъ *Библ. Варш.*, *Звѣзда*, *Хрон. Варш.*, *Странникъ* и т. д. Издалъ романы: «Три лиліи» 1845 г., «Замокъ Чарнокозинцы», 2 т. 1846 г. Въ 1847 г. отправился въ продолжительное путешествіе по Италіи, Испаніи, Греціи, Турціи, Египту, Палестинѣ, Сиріи и Малой Азіи. Въ крымскую кампанію служилъ во франц. арміи. Затѣмъ поселился навсегда во Франціи и состоитъ инспекторомъ западной желѣзнодорожной линіи. Въ свободное время занимался изученіемъ клинообразныхъ надписей и издалъ нѣсколько мемуаровъ, таковы напр.: «Un vers d'Aristophane. Texte persan de la comédie les Acharniens expliqué», «Etudes paléo-perses» и «Une inscription cunéiforme de Persepolis», Парижъ, 1876 г.

Хтендосскій (Казим.), польскій литераторъ, род. въ Ровномъ въ Галичинѣ, 1843 г., обучался во Львовѣ. Издалъ нѣсколько сатирич. романовъ, разсказовъ и очерковъ, отличающихся точнымъ воспроизведеніемъ мѣстнаго колорита. Таковы, напр., «Альбомъ фотографій», «Нитка въ иголкѣ и мотокъ», «Зерцало глупости», имѣвшее значительный успѣхъ.

Чымянскій (Эмилій), польскій химикъ, род. 26 февр. 1824 г. въ Галичинѣ (?) (перечисл. многоч. спец. труды по химіи на поль-

скомъ и нѣм. яз., въ томъ числѣ «Польскій химич. словарь» 1853 г., изд. въ Краковѣ).

Домбровскій (Стан. Фил.), польскій археологъ, консерваторъ музея въ Ажанѣ, департ. Лоты и Гаронны во Франціи, род. въ 1830 г. въ Ясеновкѣ, воспитывался въ Маріамполѣ въ Галиціи. Поселившись во Франціи, изучалъ медицину, также живопись въ Бордо, и на выставкахъ его картины пользовались успѣхомъ. Онъ издалъ интересныя ученыя изслѣдованія о дольменахъ Бретани и доисторич. погребальныхъ пещерахъ. Членъ музея доисторической археологіи въ Бордо и корресп. нѣсколькихъ ученыхъ обществъ въ Парижѣ по отдѣлу палеонтологіи. Издалъ кромѣ того: «Essai sur les oiseaux sans ailes de la Nouvelle-Zélande», «Étude sur la période antéhistorique dans l'Amérique du Sud» и др. работы по естествознанію и археологіи.

Драгомановъ (Мих. Петр.), род. въ Гадячѣ полт. губ. (подробн. біографія и перечисленіе трудовъ).

Драгомировъ (Мих. Ив.), генералъ, военный писатель, бывш. проф. и директоръ академіи генер. штаба. Издалъ между прочимъ «Лекціи тактики», «Очерки австро-прусской войны» и т. д.

Францозъ (Карлъ-Эмиль), австр. беллетристъ и публицистъ, род. 3 окт. 1848 г. на австро-русской границѣ (въ Галичинѣ?), сынъ еврея-врача. Изучалъ право въ Вѣнѣ и Грацѣ. Въ молодыхъ лѣтахъ уже работалъ въ качествѣ журналиста въ Вѣнѣ, затѣмъ въ Пештѣ, но извѣстностью обязанъ главнымъ образомъ своимъ бытовымъ романамъ и этнографическимъ разсказамъ. Труды: «Aus Halb-Asien» (по терминологіи Француза—Полуазію изображаютъ Галичина, Буковина, Румынія и юж. Россія), первая часть обширнаго изданія, вышедшаго въ Лейпцигѣ въ 1876–83 г. подъ заглавіемъ: «*Halb-Asien Land und Leute des östlichen Europa*». Беллетристич. произведенія: «Moschko von Parena. Geschichte eines jüdischen Soldaten», Лейпцигъ, 1889 г.; «Ein Kampf ums Recht», Бресл., 1882 г., 2-е изд.; «Die Juden von Barnow», 1880 г., 3-е изд.; «Stille Geschichte», 1883 г., 3-е изд.; «Mein Franz», стих. разсказъ, Лейпц., 1883 г.; «Der Präsident», 1884 г., романъ, первоначально напечатанный въ *Jour. de St. Pétersbourg.* и въ *Neue Freie Presse*; «Tragische Novellen», 1885 г. Кромѣ того, Фр. изд. «Deutsches Dichterbuch aus Oesterreich», 1883 г. Францозъ—одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ вѣнской *Neue Fr. Presse.*

Гавронскій (Францишекъ), изв. подъ псевдон. *Равиты* (см. упом. выше статью г. Новицкаго въ «Кіев. Стар.», стр. 570. Въ словарѣ

г. де-Губернатисъ упомянутъ еще романъ: «Фалены» и неизвѣстное намъ произведеніе «Права женщинъ», опущенные г. Новицкимъ).

Гладринскій (Станисл.), польскій новеллистъ, поэтъ, публицистъ и ксендзъ, редакторъ варш. *Tyg. Powsz. Illustr.*, род. въ 1852 г. въ Водрянкѣ (?) въ Малороссіи. Онъ издалъ, между прочимъ, фантастич. поэму «Идеалистъ», «Мечты и пѣсни», «Порванныя струны», «По метру и литру» и новеллу «Женщина безъ страха».

Гогоцкій (Сильв. Сильв.), род. въ 1813 г. въ подольск. губ. (по ошибкѣ наборщиковъ, надо думать, попалъ въ профессора вѣнскаго университета и основатели высшихъ женскихъ курсовъ тамъ же. Ошибка эта повторена и въ итальян. изд. 1880 г. Труды перечислены подробно и вѣрно).

Голубевъ (Степ. Тим.), сынъ свящ. пензенской губ., род. въ 1849 г., профессоръ кіев. дух. акад. и доцентъ университета. Обучался въ пензенской семинаріи и кіев. дух. академіи. Изъ трудовъ упомянуты лишь: «Петръ Могила» и Матерьялы для ист. рус. церкви въ зап. краѣ. Труды эти названы почему то «теологическими».

Горшковскій (Марьянъ), польскій археологъ. Издалъ, между прочимъ, «Cymeliarchium», исторія и значеніе свадебнаго кольца 1864 г. и «Хороманія», историч. этюдъ о танцахъ. Прибавимъ, что Горшковскій, состоя учителемъ черниговъ. гимназіи, ограбилъ архивы мѣстныхъ монастырей и увезъ компрометирующія католическое духовенство документы въ Римъ, гдѣ вступилъ въ орденъ іезуитовъ.

Легко видѣть пропуски, допущенные издателемъ, что касается нашего края. Конечно, пополнить эти пробѣлы зависитъ отъ самихъ же дѣятелей литературы. Для этой цѣли редакція словаря обѣщаетъ издать особый дополнительный томъ. **Н. Молчановскій.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

ТОМЪ XXVII.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ.

1889 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

СОДЕРЖАНІЕ.

Декабрь, 1889 г.

	стр.
I. Александръ Степановичъ Лашкевичъ. (Некрологъ).	485—494
II. Воспоминанія **М. К. Чалаго**.	495—545
III. Подсудокъ. Очеркъ изъ волынской хроники. **Николая Сарнецкаго** (Переводъ съ польскаго). **Н. М.** .	546—581
IV. Культурныя переживанія. CIX—CXX. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова**	582—603
V. Отвѣтъ на полемическую замѣтку В. Г. Васильевскаго. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго**.	604—631
VI. Документы, извѣстія и замѣтки. Опись имѣній Бороздъ, 1638 г. **А. Л.** Запорожье въ концѣ XVIII вѣка. **Ал. М. Лазаревскаго**. Двѣ лирницкія пѣсни. Къ пребыванію Карла XII въ Бендерахъ. **Ал. И. Маркевича**. Къ исторіи землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи. **В. П. Науменка**. Къ исторіи Мазепиной измѣны. **А. Л.**	622—645
VII. Библіографія. 1) Владимірскій сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія Россіи, 1888. 2) Святый равноапостольный князь Владиміръ — просвѣтитель Руси. 900-лѣтіе крещенія Руси. И. П. Матченко. 1889. **П. В. Голубовскаго**. Списокъ населенныхъ мѣстъ полтавской губерніи. Изданъ полтавскимъ губерн-	

стр.

скимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ въ 1887 г. A. de Gubernatis. Dictionnaire international des écrivrins du jour. Livraisons I—X. A—Gui. (Florense, Paris, Leipzig. 1888—1889. Édit. L. Nicolai, Florence). Стр. 1120, in—4. **Н. В. Молчановскаго**. . . 646—661

Объявленія. . . . . 1—10

Приложеніе: Портретъ А. С. Лашкевича.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXVII, 1889 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

		стр.
I.	Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: «Откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга»,— по поводу статьи И. И. Малышевскаго: «О происхожденіи великой княгини русской Ольги св.» **Архимандрита Леонида**	I—VIII
II.	Полтавскій полкавникъ Иванъ Чернякъ. **А. А. Востокова.**	1—17
III.	Культурныя переживанія. L—CXX. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.**	18—51, 281—327, 582—603
IV.	Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1624 г. и мѣсто заключенія Куруковскаго договора. **Ѳ. Д. Николайчика**	52—69
V.	Живая могила. (Малорусская легенда). **Л. М. Старицкой**	70—102
VI.	Старая Брацлавщина и ея люди. II. **Ц. Г. Неймана.**	103—120
VII.	Воспоминанія **М. К. Чалаго.**	121—142, 257—280, 495—545
VIII.	Младшій братъ. Очеркъ изъ галицкой жизни **Генриха Іоссе.** (Переводъ съ польскаго)	143—160

стр.

IX. Воспоминанія о рекрутчинѣ по прежнему порядку. **Б. С. Познанскаго.** . . . . . 225—256

X. Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка. **В. Н. Сторожева** . . . . . 328—349

XI. Очерки стариннаго быта Волыни и Украины. **О. И. Левицкаго** . . . . . 350—368

XII. О статьяхъ Богдана Хмельницкаго (1654 г.). **П. А. Шафранова** . . . . . 369—391

XIII. Анастасія Яковлевна Марченко. (Т. Ч. или А. Темризовъ). Очеркъ. **Е. С. Некрасовой**. . . . . 392—422

XIV. Александръ Степановичъ Лашкевичъ. (Некрологъ) . 485—494

XV. Подсудокъ. Очеркъ изъ волынской хроники. **Николая Сарнецкаго**. (Переводъ съ польскаго). **Н. М.** . . . . 546—581

XVI. Отвѣтъ на полемическую замѣтку В. Г. Васильевскаго. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго.** . . . . . 604—631

XVII. Документы, Извѣстія и Замѣтки: Старинное малорусское стихотвореніе. Два дѣла о волшебствѣ. **И. А. Линниченка.** Заботы Петра I объ овцеводствѣ въ Малороссіи. Сообщ. **О. Л.** Пропавшія рукописи Н. И. Костомарова. **L.** Рисунки Шевченка. Изъ прошлаго г. Кіева. **А. А Востокова.** Одинъ изъ Мазепинцевъ. Плачъ дворянина. Столѣтіе кіевской первой гимназіи, какъ учебнаго заведенія. **Садовскаго.** Еще объ Иванѣ Поповичѣ. **Ив. Н.** Библіографическія замѣтки. **Архим. Леонида.** Англійское извѣстіе 1736 г. о запорожцахъ. **Н. В. Молчановскаго.** Четыре письма О. М. Бодянскаго. 1855—58 гг. **А. Л.** Образцы старо-семинарской поэзіи. **П. Левицкаго.** Опись имѣній Бороздъ, 1638 года. **А. Л.** Запорожье въ концѣ XVIII в. **Ал. М. Лазаревскаго.** Двѣ лирницкія пѣсни. Сообщ. **В. Боржковскій:** Къ пребыванію Карла XII въ Бендерахъ. **Ал. И. Маркевича.** Къ исторіи землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи. **В. П. Науменка.** Къ исторіи Мазепиной измѣны. **А. Л.** 161—197, 423—455, 622—645

стр.

XVIII. Для справокъ. 19, 455

XIX. Библіографія. Этнографическое Обозрѣніе. Період. изд. отдѣла императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при московскомъ университетѣ. Кн I. подъ ред. Н. А. Янчука. **Ц. Г. Неймана.** Николай Бѣляшевскій. Монетные клады кіевской губерніи. **П. В Голубовскаго.** Сочиненія Г. Ѳ. Квитки. Ш. Повѣсти и разсказы. **В Г.** Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. **А І. Степовича.** «Wisła» 1887—1888 г. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.** Краткое описаніе г. Житомира, составленное Т. І. Вержбицкимъ. Изданіе 2-е. **Арк. Лященка.** Памятная книжка волынской губерніи на 1888 г. Изданіе волынскаго губернскаго статистическаго комитета. **Арк. Лященка.** Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга 3-я. **И. М. Каманина.** Лопатинъ Н. М. Прокудинъ В. П. Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ. 2 части. Часть I и 1-й выпускъ второй части. **А. І. Степовича.** Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ - Волынскомъ. **И. М. Каманина.** Исторія кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ, 1838—1888 г. Составилъ М. М. Захарченко. **Н. М.** Часопись Правнича. Мѣсячникъ для теоріѣ и практики. Выдають д-ръ К. Левицкій, д-ръ А. Горбачевскій и д-ръ Е. Олесницкій. Рочникъ I, числа 1—4. **Н. В. Шугурова.** 1) Владимірскій сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія Россіи. 1888. 2) Святый равноапостольный князь Владиміръ—просвѣтитель Руси. 900-лѣтіе крещенія Руси. И. П. Матченко. 1889. **П. В. Голубовскаго.** Списокъ населенныхъ мѣстъ полтавской губерніи. Изданъ полтавскимъ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ въ 1887 г. A. de Gubernatis. Dictionnaire international des écrivrins du jour. Livraisons I—X. A —Gui. Florens, Paris, Leipzig. 1888—1889.

стр.

Êdit. L. Nikolai, Florence). Стр. 1120, in—4. **Н. В. Молчановскаго.** Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ. Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 года, касающіяся ю. Россіи. 198—224, 456 - 484, 646 - 661

Объявленія . . . . . 1—10

Приложеніе: 1) **Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи.**
2) **Портретъ А. С. Лашкевича.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„СУДЕБНУЮ ГАЗЕТУ“

на 1890 годъ.

„Судебная Газета“ будетъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, давать на своихъ страницахъ критическое обсужденіе законовъ какъ дѣйствующихъ уже, такъ и вновь публикуемыхъ, при чёмъ для болѣе яркаго освѣщенія достоинствъ и недостатковъ отечественнаго права — матеріальнаго и процессуальнаго — будетъ держаться сравнительнаго метода изложенія, приводя постановленія передовыхъ иностранныхъ законодательствъ. Памятуя ближайшія задачи спеціальнаго органа, газета наша будетъ охотно отводить у себя мѣсто разнымъ юридическимъ замѣткамъ и вопросамъ, имѣющимъ цѣлью выясненіе темныхъ сторонъ права, чѣмъ значительно облегчится положеніе провинціальныхъ практиковъ, которые, какъ можно судить изъ поступающихъ къ намъ заявленій, особенно часто нуждаются въ совѣтѣ и обмѣнѣ мыслей.

(Просимъ обратить особенное вниманіе на слѣдующее):

Въ каждомъ № „Судебной Газеты“ подписчики получаютъ за недѣлю раньше списокъ всѣхъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію по всѣмъ Департаментамъ Правительствующаго Сената и Общаго Собранія и, тотчасъ по опубликованіи, всѣ свѣдѣнія объ узаконеніяхъ и о лицахъ, признанныхъ со стороны судовъ по всей Россіи несостоятельными, то есть пользуются такимъ матеріаломъ, который, въ отдѣльности взятый, стоитъ въ 3—4 раза дороже самаго изданія „Судебной Газеты“.

СООБЩЕНІЕ СПРАВОКЪ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ и другихъ Департаментовъ Сената производится въ почтовомъ ящикѣ редакціи только для годовыхъ подписчиковъ, уплатившихъ при подпискѣ всю сумму сполна, при томъ не болѣе 3—4 въ годъ.

ПОДПИСЧИКАМЪ ВЪ РАЗСРОЧКУ И НА СРОКИ справки сообщаются на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЖЕЛАЮЩІЕ получить справку по почтѣ, не дожидаясь выхода № газеты, прилагаютъ 2 руб. за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающіе получить ее по телеграфу прилагаютъ еще и стоимость телеграммы.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦІЯ: разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ, сообщеніе совѣтовъ, указаній и т. п. производится или въ отдѣлѣ „Отвѣты редакціи“ или письменно по почтѣ, въ обоихъ случаяхъ на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЦѢНА: на годъ **7** руб.; на 6 мѣсяцевъ **4** руб. **50** коп.; на 3 мѣсяца **3** руб. и на 1 мѣсяцъ **1** руб. Заграницу **10** руб. въ годъ.

ПОДПИСКА принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

ЗАГРАНИЦУ подписка въ разсрочку не принимается.

РАЗСРОЧКА въ платежѣ годовой подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится **4** рубля и остальные **3** рубля не позже 20-го іюня.

ПРИ ПРОСРОЧКѢ втораго взноса высылка газеты съ 1-го іюля прекращается.

ДЛЯ ПОЛЬЗОВАНІЯ РАЗСРОЧКОЮ необходимо при присылкѣ перваго взноса заявлять о своемъ желаніи пользоваться разсрочкою; одна же простая присылка 4 рублей или присылка ихъ съ объясненіемъ, что они высылаются за первую половину года, повлечетъ за собою зачисленіе такого подписчика въ разрядъ четырехмѣсячныхъ.

Иногородные адресуются *исключительно* въ главную контору редакціи: С.-Петербургъ, Моховая улица, № 38; городскіе—въ отдѣленіе конторы: С.-Петербургъ, въ книжномъ магазинѣ юридической литературы Д. В. Чичинадзе, Невскій проспектъ, д. № 57.

За подписку въ другихъ мѣстахъ редакція не отвѣчаетъ.

№ 1. 3—2. Редакторъ-Издатель *Ф. В. Де-Вени.*

Объ изданіи журнала „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“.

Съ 1-го января 1890 года будетъ издаваться, подъ редакціей ординарнаго профессора с.-петербургскаго университета **Н. Д. Сергѣевскаго** и при ближайшемъ, постоянномъ сотрудничествѣ **Н. Ѳ. Дерюжинскаго, А. А. Исаева и Н. М. Коркунова,** ежемѣсячный журналъ „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“. Задачею журнала поставляется, вопервыхъ, научная разработка и историческое освѣщеніе правовыхъ и экономическихъ вопросовъ, имѣющихъ значеніе для нашей современной общественной жизни; вовторыхъ, ознакомленіе читателей съ важнѣйшими явленіями въ сферѣ законодательства, судебной практики и науки права. Сообразно этому, „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“ будетъ заключать въ себѣ:

I. Самостоятельныя (иногда переводныя) научныя статьи по вопросамъ право- и государствовѣдѣнія;

II. Хроники: законодательную, судебную и научную;

III. Указатель вновь выходящихъ книгъ и журнальныхъ статей русской и иностранной юридической литературы.

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“ выходитъ въ началѣ каждаго мѣсяца книжками отъ 4 до 6 листовъ. Каждыя шесть книжекъ образуютъ собою одинъ томъ, къ которому прилагается общее оглавленіе.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ: Анисимова, Большая Садовая, № 12; Цинзерлинга, Невскій проспектъ, № 46; Мартынова, Большая Морская, № 30.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію „ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛѢТОПИСИ“, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, по 3 линіи, д. № 26.

№ 2. 3—2.

ОБЪ ИЗДАНІИ въ **1890 году** ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО и УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ ДЕСЯТИ книгъ въ годъ, до ДВАДЦАТИ листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С-Петербургѣ безъ доставки 8 р.	съ пересылкою въ другіе города . 9 р
съ доставкой въ С.-Петербургѣ. 8 р. 50 к.	за-границей . . . . . 12 р

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, **РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА**, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города **13** р. **50** к.

Рѣш. касс. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 р. съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб. съ кассац. рѣш. 8 руб. и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны, сумма. **Гг. дѣйствительные члены с.-петербургскаго юридическаго общества** пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к. а съ кас. рѣш. 9 р. 50 к. Тоже право предоставляется студентамъ университетовъ и кандидатамъ на суд. долж., удостовѣрившимъ свое званіе.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію «Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права», С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала—при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: Анисимова рядомъ съ Публичною Библіотекою, Мартынова, Б. Морская, 30 и Чичинадзе М. Морская, 9; въ Москвѣ: Анисимова, на Никольской улицѣ, а равно въ конторѣ редакціи. Контора редакціи открыта разъ въ недѣлю, по субботамъ, отъ 2 до 4 часовъ.

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887 и 1889 гг. по 9 руб., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала по 2 р. съ пересылкою.

№ 3. 3—2 Редакторы: *В. М. Володимировъ.*

Съ 1-го ноября 1889 г. будетъ выходить безъ предварительной цензуры

новый журналъ:

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ,

при участіи Московскаго Психологическаго Общества,

Подъ редакціей профессора Н. Я. Грота. Изданіе А. А Абрикосова.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: 1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи; въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ,—опытная и физіологическая психологія, психопатологія: 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ и русскихъ философовъ и психологовъ; 3) Общіе обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи, и библіографія; 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія; 5) Переводы на русскій языкъ классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Въ журналѣ, между прочимъ, предполагаютъ принять участіе слѣдующія лица: 1) изъ числа спеціалистовъ по философіи: проф. А. А. Козловъ, проф. М. М. Троицкій, проф. М. И. Владиславлевъ, проф. Г. Е. Струве, проф. М. И. Каринскій, проф. Н. Я. Гротъ, Л. М. Лопатинъ, Влад. С. Соловьевъ, кн. С. Н. Трубецкой, П. Е. Астафьевъ, іеромонахъ Антоній, А. И. Введенскій, А. И. Гиляровъ, А. И. Казанскій, Н. Н. Ланге, В. В. Лесевичъ, В. И. Преображенскій, Э. Л. Радловъ, кн. Д. И. Цертелевъ, Е. И. Челпановъ, В. Ф. Лютославскій (магистръ дерп. ун.), Ѳ. О. Масарикъ (проф. пражскаго унив.) и др. лица,—2) слѣдующіе члены психологическаго общества: графъ Л. Н. Толстой, Н. П. Аксаковъ, проф. Д. Н. Анучинъ, проф. А. П. Богдановъ, проф. Н. В. Бугаевъ, проф. А. Н. Веселовскій, проф. П. Г. Виноградовъ, О. П. Герасимовъ, В. А. Гольцевъ, В. А. Гримгмутъ, Д. А. Дриль, проф. Г. А. Звѣревъ, Н. А. Иванцовъ, проф. Н. И. Карѣевъ, проф. И. Ф. Огневъ, Л. Е. Оболенскій, докт. А. А. Токарскій, Н. Н. Страховъ, проф. Ѳ. Н. Шереметевскій, Н. И. Шишкинъ, В. И. Штейнъ, 3) проф. В. И. Даниловскій, проф. П. И. Ковалевскій, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Журналъ будетъ выходить четыре раза въ годъ книжками по 12—15 печатныхъ листовъ. **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:** въ годъ 6 р., и 6 р. 50 к. съ доставкою и пересылкою въ другіе города Россіи; для членовъ Психологическаго Общества, для студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній и воспитанниковъ духовныхъ семинарій—4 р., съ дост. и перес. 4 р. 50 к.—Подписка принимается съ 1 сентября нын. г. въ помѣщеніи редакціи (Новинскій бульваръ, д. Котлярева, кв. Николая Як. Грота), въ редакціяхъ: журнала „Русская Мысль“ и „Газеты А. Гатцука“, и въ магазинахъ „Новаго Времени“, (А. С. Суворина) въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ; В. И. Карбасникова въ Москвѣ, Петербургѣ, Варшавѣ, и П. Я. Оглоблина въ Кіевѣ.

Въ 1-й номеръ журнала войдутъ статьи Владиміра Соловьева (Красота въ природѣ), проф. А. А. Козлова (Размышленія по поводу неожиданнаго голоса изъ области естествовѣдѣнія), кн. С. Н. Трубецкого (О природѣ сознанія), Н. Н. Ланге (О дѣйствіи гашиша: психологическая замѣтка), Н. Я. Грота (Отчетъ о съѣздѣ физіологической психологіи въ Парижѣ) и другія. № 4. 3—2

ГОДЪ VII. БОЛЬШОЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ „КОЛОСЬЯ“ ГОДЪ 1890.

въ 1890 г. будетъ издаваться по той-же программѣ, какъ и въ предыдущіе шесть лѣтъ Цѣль редакціи – за недорогую цѣну дать такой богатый, разнообразный, живой и интересный матеріалъ для чтенія, какой могутъ представлять лучшіе большіе журналы.

Въ каждой книжкѣ „КОЛОСЬЕВЪ“ помѣщаются романы и повѣсти, стихотвореніе, драмы и комедія, популярныя научныя статьи, историческіе очерки или воспоминанія, путешествія, критика и внутреннее обозрѣніе. Въ программу журнала входятъ и художественные рисунки (фототипіи и фотогравюры).

Подписная цѣна въ **въ 1890 году** остается прежняя:

8 РУБЛЕЙ. | **Подписка принимается:** въ СПБ., въ конторѣ журнала „КОЛОСЬЯ“, Пушкинская, домъ № 10-й. | На годъ . . . . **8 р.** На полгода . . . **4 р.**

№ 5. 1—1. Редакторъ-издатель *И. А. Баталинъ.*

1890 ГОДЪ. ОБЪ ИЗДАНІИ **1890 ГОДЪ.**

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются:

1) Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2) Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3) Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонних слушателей.

4) Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5) Программ, конспекты и библіографичнскіе указатели для учащихся.

6) Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студентскій ея отдѣлъ.

7) Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8) Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

9) Годичные отчеты по Университету.

10) Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11) Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12) Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13) Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14) Ученые труды преподавателей и учащихся.

15) Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ: Часть I—оффиціальная (протоколы, отчеты и т. п.); Часть II—неоффиціальная: отдѣлъ I—историко-филологическій; отдѣлъ II—юридическій; отдѣлъ III—физико-математическій; отдѣлъ IV—медицинскій, отдѣлъ V—критико-библіографическій—посвящается критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), отдѣлъ VI—научная хроника заключаетъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ и т. п. свѣденія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы и переводы сочиненій; а также указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ въ 1890 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 15 печатныхъ листовъ. Цѣна за **12 книжекъ** ИЗВѢСТІЙ безъ пересылки **6 руб. 50 коп.**, а съ пересылкою **7 рублей**. Въ случаѣ выхода ПРИЛОЖЕНІЙ (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **ИЗВѢСТІЙ**, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 р. сер., а студенты прочихъ университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

№ 6. 1—1. Главный редакторъ *В. Иконниковъ*.

ВЪ **1890** ГОДУ

При Кіевской Духовной Академіи

БУДУТЪ ИЗДАВАТЬСЯ

ПО ПРЕЖДЕ УТВЕРЖДЕННОЙ ПРОГРАММѢ:

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХ. АКАДЕМІИ“

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНАГО СОДЕРЖАНІЯ и ХАРАКТЕРА.

Въ немъ будутъ помѣщаться научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей.

При журналѣ будутъ помѣщаться переводы твореній блаженнаго Іеронима и блаженнаго Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія, подъ общимъ названіемъ: „Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церквей западныхъ".

Указомъ Св. Синода отъ $^{3}/_{15}$ февраля 1884 г. подписка какъ на журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи", такъ и на „Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ" рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

„Труды Кіевской Духовной Академіи" будутъ выходить ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 листовъ.

Цѣна за годъ съ пересылкою „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи"—7 р

Адресъ: въ Редакцію Трудовъ, при Кіевской Духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписаться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ, на Крещатикѣ,—2) Игн. Л. Тузова, въ С.-Петербургѣ.

Въ редакціи можно получать „Воскресное Чтеніе" за слѣдующіе годы существованія журнала при Академіи: I (1837—38), V (1841—42), XI (1847—48), XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56), XX (1856—57), XXI (1857—58), XXIV (1860—61, XXV (1861 62), XXVII (1863—64), XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—68), XXXII, (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71). Цѣна 3 руб. за годъ съ пересылкою. Воскресное Чтеніе за 1879—1883 гг. по 4 руб. за за экземпляръ съ пересылкою.

Епархіальныя Вѣдомости за 1880, 1881 и 1882 гг. (въ сброшюрованномъ видѣ) по 3 руб. 50 коп, а за 1883, 1884, 1885 и 1886 г. по 4 руб. за экземпляръ съ пересылкою.

„Труды Кіевской Духовной Академіи" продаются по уменьшенной цѣнѣ: 1860—1866, 1868 гг. по 3 р.; за 1869—1873 гг. по 4 руб.; за 1874—1878 гг. по 5 р. съ пересылкою, за 1879—1882 гг. по 6 р., за 1883—1889 гг. по 7 р. съ пересылкою. Экземпляры „Трудовъ" за 1884 г. всѣ распроданы.

Мѣсячныя книжки „Трудовъ" 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 к., съ пересылкою 80 коп; 1874—1889 гг. по 1 руб. № 7. 1—3.

Открыта подписка на 1890 г. на политич., литер. и художественную

„ГАЗЕТУ А. ГАТЦУКА".

„ГАЗЕТА" выходитъ въ объемѣ 2—3 листовъ въ недѣлю; въ важныхъ случаяхъ—два раза въ недѣлю.

Въ 1890 г. «Газета» будетъ значительно расширена и улучшена. Редакція ея обновлена новыми силами и уже заручилась содѣйствіемъ многихъ извѣстныхъ литераторовъ и художниковъ.

Въ учено-литературномъ отдѣлѣ „ГАЗЕТЫ" примутъ участіе: профес. В. Б. Антоновичъ, Ѳ И. Буслаевъ, Л. П. Бѣльскій, А. П. Веселовскій, Н. Я. Гротъ, И. И. Иванюковъ, М. К. Іогель, профес. Ѳ. Е. Коршъ, И. А. Линниченко,

Н. С. Лѣсковъ, Д. Л. Мордовцевъ, Н. И. Стороженко, І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій) и друг.

Въ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛѢ "Газета" сообщаетъ всѣ политическія и общественныя новости, распоряж. правительства, провинціальн. извѣстія, новости торговыя, биржевыя и техническія, свѣдѣнія о новыхъ открытіяхъ въ области наукъ, искуствъ, ремеслъ и проч.

Въ ЛИТЕРАТУРНОМЪ ОТДѢЛѢ „Газеты" печатаются романы, повѣсти разсказы, стихотворенія, драматическія произведенія. популярныя историческія и естественноисторическія статьи, путешествія и проч. Многія статьи иллюстрируются рисунками. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ „ГАЗЕТЫ" посвящается, главнымъ образомъ, текущимъ замѣчательнымъ СОБЫТІЯМЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. Каждое выдающееся событіе немедленно иллюстрируется на страницахъ „ГАЗЕТЫ". Кромѣ того, въ „ГАЗЕТѢ" помѣщаются ПОРТРЕТЫ всѣхъ выдающихся политическихъ и общественныхъ дѣятелей, государственныхъ людей писателей и пр., а также КОПІИ КАРТИНЪ извѣстныхъ художниковъ.

Въ теченіи года „Газета" дастъ слѣдующія безплатныя приложенія и преміи:

1) ШЕСТЬ КНИГЪ избранныхъ романовъ и повѣстей, оригинальныхъ и переводныхъ. Каждая книга заключаетъ въ себѣ отъ 6 до 10 печатн. листовъ.

2) МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ, выходящій шесть разъ въ годъ отдѣльными выпусками со множествомъ рисунковъ и политипажей, съ образцами работъ, выкройками и проч. Кромѣ послѣднихъ модъ, дается множество свѣдѣній по домашнему хозяйству.

3) ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ДРАМЫ ШЕКСПИРА. Большой томъ съ изящными англійскими иллюстраціями.

4) КРЕСТНЫЙ КАЛЕНДАРЬ на 1890 годъ (при № 1 „Газеты") со множеств. иллюстрацій и при немъ стѣнной календарь.

Кромѣ перечисленныхъ приложеній и премій, редакція, въ виду увеличившагося распространенія „Газеты", дастъ своимъ подписчикамъ ГЛАВНУЮ ПРЕМІЮ:

БОЛЬШУЮ ОЛЕОГРАФИЧЕСКУЮ КАРТИНУ.

Главная премія **„ГАЗЕТЫ А. ГАТЦУКА"** представляетъ собою дѣйствительно превосходное художественное произведеніе. Она рѣзко отличается отъ премій другихъ газетъ и журналовъ и можетъ занять мѣсто въ каждой гостиной, какъ прекрасное украшеніе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на „Газету" со всѣми приложеніями, преміями и главной преміей, съ пересылкой и доставкой:

На годъ . . . . **5** р. ✠ На полгода . . **3**р. ✠ На ¼ г. **1**р. **75** к.

ГЛАВНАЯ ПРЕМІЯ выдается годовымъ подписчикамъ. Подписчики, желающіе получить эту премію, прилагаютъ за пересылку и доставку ея 1 рубль Разсылка преміи начнется немедленно, по порядку полученія подписныхъ денегъ, такъ что лица, подписавшіяся заблаговременно, могутъ получить ее въ текущемъ 1889 году. Требованія адресуются: въ Редакцію **„Газеты А. Гатцука"**. Москва, Никитскій бульваръ, собств. домъ.

№ 8. 1—3.

БИБЛІОГРАФЪ

1890. ВѢСТНИКЪ **Годъ VI.**

ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ и ИСКУССТВА.

Журналъ библіографическій, критическій и историческій.

Выходитъ ежемѣсячно.

Ученымъ Комитет. М-ства Народн. Просв. РЕКОМЕНДОВАНЪ для основныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.—Учебнымъ Комит. при Св Синодѣ ОДОБРЕНЪ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ. — По распоряженію Военно-Ученаго Комитета ПОМѢЩЕНЪ въ основной каталогъ для офицерскихъ библіотекъ.

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературные и библіографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; издательское и книжно-торговое дѣло въ его прошедшемъ и настоящемъ; хроника.

Отд. 2-й (справочный). Полная библіографическая лѣтопись: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодич. изданіяхъ; 3) Rossica; 4) правительственныя распоряженія; 5) объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

И. Ѳ. Анненскій, А. И. Барбашевъ, Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, П. В. Быковъ, Е. А. Бѣловъ, проф. П. В. Владиміровъ, Н. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, М. А. Дьяконовъ, проф. Е. Е. Замысловскій, проф. В. С. Иконниковъ, проф. Н. И. Карѣевъ, Д. Ѳ. Кобеко, И. А. Козеко, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. П. Лихачевъ, Л. Н. Майковъ, В. И. Межовъ, А. Е. Молчановъ, Н. Н. Оглоблинъ, С. Ѳ. Платоновъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташицкій, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, С. М. Середонинъ, С. Л. Степановъ. Н. Д Чечулинъ, И. А. Шляпкинъ, Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годъ: съ дост. и перес. въ Россіи **5** *р., за границу* **6** *р.*

отдѣльно нумеръ 50 к., съ перес. 60 к.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ: страница—8 р.; ¾ стран.—6 р. 50 к., ½ стран.—4 р. 50 к. ¼ стран.—2 р. 50 к.; ⅛ стран,—1. р. 50 к.

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени"—А. Суворина (Спб., Невскій просп., д. № 38) и въ редакціи. Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.— Гг. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Забалканскій (Обуховскій) просп., домъ № 7, кв. 13.

Оставшіеся въ ограниченномъ числѣ полные комплекты „Библіографа“ за 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 гг. продаются по 5 р. (съ дост. и перес.) за годовой экземпляръ. Также имѣются въ продажѣ изданныя редакціею брошюры 1) Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи, №№ 1, 2 и 3. Ц. по 60 коп. 2) Библіографич. указатель книгъ и статей о св. Кириллѣ и Меѳодіи. Ц. 40 коп. 3) Александръ Николаевичъ Сѣровъ. I. Библіографич. указатель произведеній А. Н. Сѣрова. II. Библіографич. указатель литературы о А. Н. Сѣровѣ и его произведеніяхъ. Вып. I и II. Сост. А. Е. Молчановъ. Ц. по 1 руб. за вып. 4) Библіограф. списокъ литерат. трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина. Сост. И. А. Козеко. Ц. 75 коп.—Книгопродавцамъ обычная уступка.

№ 8 1—2. Редакторъ Н. М. Лисовскій.

Въ вышедшихъ 1—11 книжкахъ «Кіевской Старины» 1889 года помѣщены слѣдующія статьи: Воспоминанія **М. К. Чалаго.**—Судъ и казнь Григорія Самойловича. **А. А. Востокова.**—Культурныя переживанія. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Бѣлая Панна. (Изъ воспом. неудавш. поэта). **Г. А. Мачтета.**—Русскія колоніи въ Добруджѣ. **Лупулеску.**—Сельскія недоразумѣнія, пов. **Петкевича,** пер. съ польскаго. **К. М.**—Научное значеніе западно-русской исторіи. Проф. **И. А. Линниченка.**—Воспоминанія Н. И Усковой о Т. Г. Шевченкѣ, съ прим. М. Чалаго, **Н Зарянки.**—Прошлое переяславскаго духовнаго училища. **П. Левицкаго.**—Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. **Ив. В. Теличенка** —На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). **Н. Д. Н.**—Особенности статистическаго изслѣдованія курской губ. **Сф. К.**—Памяти Ѳ. Г. Лебединцева. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.** Очерки изъ исторіи кіев. дух. акад. за XVIII ст. Проф. **С. Т. Голубева.** Колонизація Новорос. края и первые шаги его по пути культуры. Проф. **Д. И. Багалѣя** Остатки церквей на развалинахъ древн Корсуня или Херсонеса. **П. Л.** Воспоминанія **М. К. Чалаго.** Очерки старин. быта Волыни и Украины. **О. И. Левицкаго.** Іоаннъ Вишенскій. **Мирона.** Нечистая сила, повѣсть **Остои,** пер. съ пол. **К. М.** Византійскія владѣнія на сѣв. бер. Чернаго моря. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго.** Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной Долинѣ въ 1750 г. **А. Полницкаго.** Кіевское гор. управленіе въ 1786 г. **Н. В. Молчановскаго.** Чума, разск. **Мирона.** Старая Брацлавщина и ея люди. **Ц. Г. Неймана.** М. С. Щепкинъ, какъ артистъ и человѣкъ **В. Ермилова.** Происхожденіе русск. великой кн. Ольги св. Проф. **И. И. Малышевскаго.** Русалка. (Этнограф. разсказъ). **Ганны Барвинокъ.** Два намѣстника. **А. Е.** Рекрутчина въ малорусск. пѣснѣ. (Этнограф. очеркъ). **М. К. Васильева.** Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. **М. И. Лилеева.** На «Вовчомъ хуторѣ». **Дмитрія Маркевича.** Страничка изъ прошлаго г. Переяслава. **А. А.** Изъ воспоминаній о поѣздкахъ по Малороссіи **Акад. К. А. Трутовскаго.** Лирники. **Валеріана Боржковскаго.** Ѳома Падурра (Критическій очеркъ). **Равиты.** Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: «Откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга»,—по поводу статьи И. И. Малышевскаго: «О происхожденіи великой княгини русской Ольги св.» **Архимандрита Леонида.** Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ. **А. А. Востокова.** Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1624 г. и мѣсто заключенія Куруковскаго договора. **Ѳ. Д. Николайчика.** Живая могила. (Малорусская легенда). **Л. М. Старицкой.** Младшій братъ. Очеркъ изъ галицкой жизни **Генриха Іоссе** (Переводъ съ польскаго). Воспоминанія о рекрутчинѣ по прежнему порядку. **Б. С. Познанскаго.** Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII в. **В. Н. Сторожева.** О статьяхъ Богдана Хмельницкаго. **П. А. Шафранова.** Анастасія Яковлевна Марченко. (Т. Ч. или А. Темризовъ). Очеркъ. **Е. С. Некрасовой.**

Въ отдѣлѣ «Документовъ, извѣстій и замѣтокъ» помѣщены сообщенія: проф. П. А. Лашкарева, Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, П. Л., И. С. Листовскаго, А. Л., В. А., П. Т., Мирона, К. В. Болсуновскаго, Ив. Манжуры, И. Бѣньковскаго, О. Л., W., Н. М., М. К. Чалаго, проф. Н. И Петрова, Хр. П. Ящуржинскаго, А. А. Савича, В. П. Науменка, А. Ш., Н. Н. Оглоблина, Я. П. Новицкаго, Н. Д. Н., Б. С. Познанскаго, А. С. Л., Г., Вл. Лясковронскаго, А. Андр., Г. Залюбовскаго И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ап. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Двор-